

Общая тетрадь

Рига 2021

Издание выходит
раз в квартал

Редакционный совет:

А.Н. Архангельский

С.А. Васильев

А.В. Макаркин

М. Мертес (ФРГ)

С.В. Мошкин

Е.М. Немировская

Ю.П. Сенокосов

А.Ю. Согомонов

А. Хиль-Роблес (Испания)

Дж. Хоскинг (Великобритания)

Главный редактор *Ю.П. Сенокосов*

Литературный редактор *А. Заматаева*

Верстка *В. Матисон*

Содержание

№ 2 (82) 2021

К читателю

Обществу граждан – гражданское просвещение
Юрий Сенокосов 5

Онлайн-беседа

Траектории развития: от диктатуры к свободе и обратно
Ведущие: Светлана и Александр Шмелёвы
Участники: Кишиитоф Становски (Польша),
Эльмира Ногойбаева, Клара Сооронкулова (Кыргызстан),
Лена Немировская 12

Тема номера

Революция в Беларуси заглохла?
Рыгор Астапеня 28

*«Если зло побеждает зло,
то мне не по пути с этим хэпти-эндом»*
Виктор Мартинович 34

Вызовы и угрозы

Пора активно продвигать демократию по планете
Андреас Буммель 39

*«Национальное государство слишком мало
для больших проблем и слишком велико для маленьких»*
Джонатан Блейк и Нильс Гилман 44

Точка зрения

Вацлав Гавел на саммите тысячелетия
Иван Беляев 50

Дискуссия

Как будет меняться Россия в 2021 году
Дмитрий Травин
Татьяна Ворожейкина 54

Что изменится в мире в ближайшее десятилетие
Бобо Ло 60

Исторический опыт

*Немыслимый альянс. Опыт сотрудничества СССР
с западными державами во Второй мировой войне*
Андрей Колесников

65

Гражданское просвещение

*Конгениальность просветительской мысли.
Мендельсон и Кант: образы европейского универсализма*
Александр Согомонов

74

Сообщество просвещения
Анатолий Ахутин

95

In Memoriam

Ширли Уильямс (1930–2021)

103

Средства массовой коммуникации

Агора
Иван Беляев

104

Nota bene

Застолье со Сталиным
Владимир Зелинский

108

О Леониде Лиходееве
К. К.

116

Обществу граждан – гражданское просвещение!

«Человек человеку волк» (Плавт).

«Война всех против всех» (Гоббс).

«Учение о классовой борьбе... ведет к признанию политического господства пролетариата, его диктатуры, т.е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс» (Ленин).

«Все люди — враги» (название романа Олдингтона).

Юрий Сенокосов,
главный редактор журнала
«Общая тетрадь»

А вот что писал намного раньше Платона Платон в одном из своих писем: «...[каждому], кого волнуют разногласия и раздоры, надо знать... что при междоусобиях конец бедствиям может быть положен... [когда] научатся себя сдерживать и установят законы, изданные в интересах побежденных... И показали себя более воздержанными в удовольствиях, а также потому, что сильнее хотят и лучше могут [сами] подчиняться законам. Другого пути для прекращения зла в государстве, страдающем от внутренних мятежей, нет».

То есть гражданами, политянами (жителями античного полиса), согласно Платону, могли быть люди, обладающие способностью требовать и ожидать от других, что и они станут гражданами.

Общая история человечества начинается в эпоху «осевого времени» (Achsenzeit), ибо тогда сработал феномен конгениальности. А именно в разных местах планеты произошло нечто конгениальное по своему осевому — стержневому — результату. Конгениальное значит сходное по духу, образу мыслей. Это было время глубокой рефлексии, осмысления и выбора пути, время, когда на смену мифологическому мировоззрению пришло философское и религиозное мировоззрение. И сейчас во время глобального кризиса мы

переживаем, несомненно, нечто схожее с такими историческими вехами «осевого времени», как Возрождение, Реформация, барокко, Просвещение.

Известно, что свобода, как ее понимают философы, состоит не в том, чтобы что-то иметь, а в том, чтобы быть. И первым свободным человеком, не обладавшим ни властью, ни богатством, античные греки считали философа. В частности, Сократа, владевшего грамматикой, логикой и риторикой и выразившего свое мыслительное кредо словами «я знаю, что ничего не знаю». В этом сосредоточенном желании (поскольку здесь важен акцент на слове «знаю») удержать то, что открывается символически благодаря редукции на границе знания о неизвестном, и заключена драма человеческой свободы, которая разыгрывается в зависимости от человеческих способностей и усилий к творческому, созидательному существованию. Это и есть цивилизация. Культура много — цивилизация одна. Мыслью и словом человек творит мир.

О том, что это так, можно убедиться, хотя бы просто посмотрев в «Википедии» статью «Хронология изобретений человечества». При всех неизбежных неточностях и упущениях она поражает резко увеличившимся после XVII века числом научных открытий и технических изобретений, характеризующих эпоху Нового времени. За три века в десять раз. Начало этой эпохи истории связывают обычно с открытием испанцами Нового Света, Реформацией и «славной» Английской революцией. Другой важный фактор — формирование научной картины мира на основе гелиоцентрической системы Коперника, законов механики Галилея и классической механики Ньютона.

Тем не менее Новое время наступило не для всех, и это понятие остается во многом и сегодня условным. Но именно тогда появляется евроцентристский мир, и уже в Новейшее время (1789–1945) начинается экспансия европейской цивилизации с ее интенсивным развитием техники и технологий в другие регионы мира.

Об этом времени несомненных успехов и последовавших трагедий Первой и Второй мировых войн можно с уверенностью сказать, что европейцев, готовых овладевать знаниями достижений науки и техники и умением их «приблизить к рукам» — вступать во владение, становиться хозяевами и т.д., — было тогда намного больше, чем думающих и уже понимающих, что «история, — говоря словами писателя-фантаста Айзека Азимова, — достигла точки, когда человечеству больше не разрешается враждовать». А в наши дни, что тоже очевидно, уже сама природа за все изобретения и научно-технический прогресс предъявила человечеству свой счет в виде пандемии коронавируса и изменения климата.

Вернемся к «хронологии». В самом начале XX века на Земле было чуть больше полутора миллиардов человек, а по состоянию на 3 января 2021 года уже около 7,836 миллиарда. И за это же время было совершено около 300 изобретений (в XVII веке около 30). То есть фактически, суммируя изобретателей и остальных людей, миллионная доля процента от общего количества всех живущих на планете. И эта миллионная доля обеспечила не только соответствующие рабочие места, но и высокие темпы развития промышленного производства, огромный рост городского населения, и все это, конечно, не могло

не оказать в целом влияния на биосферу и климат. Потому что человечество относилось к природе прежде всего потребительно; в частности, в СССР известный лозунг призывал: «Мы не можем ждать милостей от природы, взять их у нее — наша задача!»

Только во второй половине XX века на природу стали обращать внимание. Это выражалось, например, в форме экологических призывов и плакатов: «Человек разумный? Убери за собой!», «Чистый лес — совесть туриста», «Береженная природа нас бережет»...

Народы, как и люди, разные. Но это не значит, что они не готовы и не способны договариваться, приходить к согласию, объединяться, заключать союзы, интуитивно соглашаясь с тем, что «все мы люди и должны жить в мире». Интуиция и чувства, однако, сами по себе не помогают преодолению конфликтов. Хотенье мысли еще не мысль. Актуальность и важность в этой связи того, что в философии получило название феноменологической редукции, можно выразить такой фразой: «Наша мания мыслью заменять акт жизни мешает нам понять происходящее» (М. Мамардашвили).

Мешает, потому что исчезает *живое*, мелькнувшее в момент впечатления начало мысли, как это происходит, например, во время физического эксперимента при изучении природных явлений в специально созданных условиях. Ведь, согласно определению, эксперимент (в отличие от жизненного опыта) — это, во-первых, действие природы, а не ума, и только во-вторых, интеллигибельное, умопостигаемое действие, несущее с собой условия понимания. Подобно знаменитому восклицанию Архимеда

«Эврика!» («Я нашел!»). Ведь человек не может не чувствовать и не думать о существующих взаимосвязях окружающего мира. Пока мы люди, а не роботомби, эти связи по-прежнему будут волновать и интересовать нас, потому что, в отличие от видового многообразия мира животных, таксономической единицей человеческого рода является индивид, а не вид. И человечность рождается из индивидуальности благодаря уму и характеру, а личность — благодаря совести, что предполагает различение, выделенность мыслью нравственного поступка как такового.

То есть общество — это связь людей не как абстрактных индивидов, неотличимых друг от друга, а как индивидуальностей. Без них об обществе, конечно, тоже можно говорить и говорят, но редко обращают внимание на абстрактный, условный смысл говоримого. Как и о человечестве, которое тоже представляет собой не просто множество взаимозаменяемых особей, а сообщество индивидуальностей.

В повседневной жизни мы не обращаем на это внимания и поэтому не видим разницы, например, между словом «свобода», о которой говорят обычно как о «свободе выбора», и действительно свободным человеком. В языке это неразличимые вещи. А между тем их различие — поскольку свобода, как и истина, справедливость, право, не выводимы механически из понятий — и есть акт *жизни* и понимания, которое является элементом и условием бытия понимаемого. В этой связи и возникает проблема рациональных, символических конструкций, способных породить последствия своего собственного существования в виде гражданских институтов.

Герхард Рихтер. Абду. Фрагмент. 2009

Понятие «гражданское общество» появилось впервые в заглавии книги, изданной во Франции в двадцатые годы XVIII века, ее автор Клод Бюфье, и называлась она «Трактат о гражданском обществе, или О том, как сделать себя счастливым, внося свой вклад в счастье людей, среди которых живешь» (*Traité de la société civile. Et du moyen de se rendre heureux, en contribuant au bonheur des personnes avec qui l'on vit. Par le Pere Buffier de la Compagnie de Jesus. 1726*).

Изменилось ли с тех пор представление европейцев о государстве и гражданине? Разумеется, так как изменилось общество: не будем забывать, что названное понятие вошло в европейскую культуру в контексте уже сформировавшейся идеологии либерализма, когда третье сословие (купцы, ремесленники, буржуазия) боролось в XVIII веке за *гражданские права*, затем в XIX веке — за *права политические*, а во второй половине XIX века рабочие, создавая сначала профсоюзы, а затем и свои партии, начали классовую борьбу за *социальные права*. Именно эта совокупность прав характеризует современное общество граждан, столкнувшееся с проблемами глобального характера. И при этом достойна особого внимания реакция на эти проблемы как раз «изобретателей», ученых-физиков и философов.

Известно, что до середины XX века применение новых видов оружия не вызывало со стороны общества массовых протестов. Однако спустя десять лет после создания в 1945 году атомной бомбы, когда в условиях растущей политической конфронтации стала очевидной исходящая от применения такого оружия угроза для всего человечества, по инициативе

Б. Рассела, А. Эйнштейна, М. Борна и других ученых возникло международное Пагуошское движение за мир и разоружение.

И напомним о существовании с 1968 года другой общественной международной организации — Римском клубе, объединяющем представителей мировой научной, политической и финансовой элиты, считающих главной своей задачей помощь людям в осознании стоящих перед ними глобальных проблем, поиск способов их решения, широкую просветительскую деятельность и оказание влияния на лиц, принимающих решения на международном уровне.

«Свет во тьме светит», — сказано в Евангелии от Иоанна. Отвлекаясь от богословского описания божественного происхождения света, сошлюсь на два известных его вида: естественный свет и электрический, искусственный. И добавлю к ним свет ума, так как с ним непосредственно связано просвещение и рождение в человеке личности, способной изобрести в том числе и электрический свет и понять, что тот и другой свет можно изучать в качестве научного объекта, а сам ум — невозможно.

Хотя обыденное сознание, которое «мыслит картинками», не задумываясь приписывает свойства объективности (предметности) мозгу, или, выражаясь научным языком, нейрональным механизмам мозга.

Откуда же и каким образом мы «получаем» научно непознаваемую реальность субъективно-психического, или, другими словами, реальность бытия?

Благодаря со-знанию, то есть факту вербализованного человеком знания в особом живом состоянии необратимого впечатления, где частица «со»

указывает на рацию — «измерение» невидимого. Либо со-вести, то есть как бы посланной откуда-то вести. Природа, ставя перед нами препятствие необратимости, тем самым фактически подсказывает: вот это и есть ваша объективная самодействующая в виде озарения реальность, которую нужно отличать от языка, каким она выражена, и стараться удержать.

Следовательно, субъективное «суждение» как раз и включает в себя это различие в ситуации кризиса в качестве «объекта». Когда свободная, не умершая в букве мысль из-за необратимости времени не исчезает, а становится историческим навигатором, определяющим движение европейской цивилизации во времени и пространстве как событие, достойное удивления. Философия ведь рождается из удивления, как утверждали и знали еще в древности, рассуждая о поиске того, что действительно имеется и ни в чем не нуждается. Но в чем, как показывает исторический опыт, нуждаемся мы — люди. Характеризуя это нечто как Единое и Неизменное, как Свет, Истину, Добро, лишив Единое чувственных качеств и наделив его качеством мысли, древнегреческий философ Парменид ввел в философию категорию интуиции бытия как мысли. В соответствии с которым мыслить и быть — одно и то же.

Мы живем на планете Земля, и наша жизнь немыслима без понятий пространства и времени. Природу мы познаем благодаря априорным формам чувственности (пространства и времени) и категориям рассудка, а общество — благодаря апостериорным ценностям свободы и вечной жизни.

Психическое, существуя во времени, не существует в пространстве, потому что впечатление необратимо и не поддается исследованию в виде внешнего объекта. Однако временную его протяженность, обладающую предметно-смысловой реальностью, по-своему исследует, например, искусство. А философия, которую можно определить как самосознание человека в свободе, начинается с отказа от любого предварительного знания, или, иначе говоря, с незнания, как Сократ, радикального сомнения, как Декарт, критики, как Кант, феноменологической редукции, как Гуссерль.

Паскалю принадлежит фраза: «Природа — это бесконечная сфера, центр которой везде, а окружность нигде». По словам историков, в подлиннике рукописи видно, что «вначале Паскаль написал слово “effroyable” (“пугающая”), но затем, справившись с собой, все-таки изменил эпитет на “бесконечная”». И далее: «Возможно, нет лучшего способа определить, какого мировоззрения придерживается человек, чем прислушаться к тому, с какой интонацией он прочитает вслух эту фразу».*

Прислушаемся и мы, учитывая, что наука стремится избавиться в поисках решения поставленной задачи от «я» и описать мир таким, каков он есть.

Замена в приведенном примере слова «пугающая» словом «бесконечная» понятна. В XX веке Пьер Тейяр де Шарден и Владимир Вернадский назвали ноосферой особое состояние биосферы, поскольку ключевая роль в ней принадлежит человеческому разуму, который с помощью интернета фактически завершает сегодня создание искусственной, «второй природы». И ноосфера тоже

* sergeytsvetkov.livejournal.com/377093.html

может казаться пугающей, если забыть о кантовском методе трансцендентальной философии.

В отличие от трансцендентности, трансцендентальность имеет прямое отношение к познанию и условиям нашего жизненного опыта. Трансцендентальное — это призма, посредством которой мы смотрим на мир, говорил Бертран Рассел. Оно имманентно человеческому сознанию и не подлежит наблюдению. Такие трансценденции, как «пространство» и «время», характеризуют не столько окружающий мир, сколько нашу способность его воспринимать. А затем познавать благодаря тому, что они легко, подобно конвертируемой валюте, преобразуются в конкретные числа, символы и т.д., помогающие его измерять, изучать, понимать. И то же самое можно сказать о восприятии центра.

Был ли когда-либо и где-нибудь центр, вокруг которого можно было бы собрать живущих на планете Земля людей и этим управлять? Увы, потому что такого центра не может быть по определению. Независимо от того, что понимается под управлением: контроль, менеджмент или администрирование. Однако в условиях войны или серьезного кризиса, подобного коронавирусной пандемии, речь о центре как некоем символе может идти. И тогда этот центр перемещается туда, где совершается то, что можно называть по-разному. В первом случае — поиском модели мира и безопасности, начиная с Вестфальско-

го соглашения 1648 года, заключенного после Тридцатилетней войны, и кончая ялтинско-потсдамской системой международных отношений, сложившейся по итогам Второй мировой войны. Во втором — уже упоминавшимися «историческими вехами Achsenzeit». А можно назвать такой центр самоподдержанием разума (ума) и совести.

Сознание человеческое живет в напряженном поле, очерченном предельными границами смыслов, и ясность в нем возможна тогда, когда мы стремимся овладеть языком этих смыслов, то есть понимаем их отвлеченность. Следуя императиву: наши поступки нравственны лишь тогда, когда их мотивы могут быть общечеловеческими нормами.

В эпоху «осевого времени» завершается процесс эволюции Homo sapiens и начинается борьба человека с инстинктами, в обозримом горизонте которой философия в истории человечества становится формой мировоззрения. В философском мировоззрении сходятся смыслы и преодолеваются любые тупики. Если не забывать, что мир, с которым имеет дело философия, это не мир сам по себе, а общественная среда жизни, в которую, раздвигая рамки профессий, появляется шанс внести определенную ясность на одном из самых востребованных сегодня языков — языке гражданского просвещения, потому что «история достигла точки, когда человечеству больше не разрешается враждовать».

Траектории развития: от диктатуры к свободе и обратно

3 марта 2021 года

Участники:

Кшиштоф Становски (Польша), директор Центра международного сотрудничества Администрации города Люблина, член «Солидарности» и политзаключенный в 1980-е, замминистра образования и иностранных дел в 2000-е.

Эльмира Ногойбаева (Кыргызстан), основатель Академии гражданского просвещения.

Клара Сооронкулова (Кыргызстан), судья Конституционной палаты Верховного суда Республики Кыргызстан в 2011–2015 гг., кандидат в президенты Кыргызстана на выборах 2021 года.

Лена Немировская, основатель Школы гражданского просвещения.

Ведущие:

Светлана и Александр Шмелёвы.

Светлана Шмелёва:

Здравствуйте. Мы начинаем онлайн-сессию Школы гражданского просвещения. Сегодня мы решили посмотреть на развороты, траектории развития разных обществ: от свободы к диктатуре и от диктатуры к свободе. Почему в какой-то момент при авторитарном режиме общество разворачивается в сторону свободы и наоборот? Казалось бы, находящееся в свободном пространстве общество вдруг разворачивается вновь в сторону авторитаризма, неправового пространства. Это относится, конечно, не только к России. И я рада, что сегод-

ня у нас международная встреча, которую мы проводим на русском языке, несмотря на то, что она международная. Но прежде чем познакомить вас с нашими сегодняшними экспертами, передаю слово Лене Немировской.

Лена Немировская:

Да, обрести сегодня равновесие, найти рациональную форму, как-то выстроить свои отношения, в частности, с российским репрессивным законодательством и устоять очень важно. Важно, потому что человек рожден быть свободным. И свобода должна быть укреплена внутри нас той ответственностью, которую каждый может позволить себе, чтобы не нарушать свободу другого. Ведь мы все разные.

Я плохо знаю о том, что происходит в тех странах, эксперты которых сегодня будут выступать, но хочу пожелать им и нам ответственно думать — это самое важное, что нам дано как людям, — чтобы остаться людьми в самых трудных обстоятельствах. Поэтому я говорю вам заранее всем спасибо: тем, кто будет участвовать в дискуссии, но, прежде всего, нашим экспертам.

Кшиштоф Становски:

Огромное спасибо за приглашение.

История, про которую я попробую рассказать, очень сложная. История о народе, который четыре десятилетия назад

начинал ее со слова «солидарность», который добился вступления в Евросоюз и который — и это бывает, вы видите это на слайде — теперь выходит на улицу... против беженцев.

А это плакат времен «Солидарности».

Выборы

4 июня 1989 г.

Декабрь 1988 г. — Гражданский комитет
Февраль–апрель 1989 г. — переговоры за
круглым столом

4 июня 1989 г. — первые выборы
(свободные на 35%)

12 октября 1989 г. — первое правительство

+ 90 дней — реформа экономическая

+ 180 дней — реформа местного
самоуправления

**W SAMO POŁUDNIE
4 CZERWCA 1989**

На мой взгляд, у каждого народа в каждой стране есть шанс что-то изменить. Это не значит, что мы можем это сделать в любое время. Но это случается время от времени. И самый важный вопрос: «Будем ли мы готовы к этому, когда будет шанс?» История Польши показывает, что мы ждали, работали больше десяти лет (самиздат и т.п.). Но измене-

ния пошли очень быстро. В декабре 1988 года был сформирован Гражданский комитет, в феврале-апреле 1989 г. проходил круглый стол. В июне состоялись первые выборы. 12 октября появилось первое некоммунистическое правительство в еще коммунистической стране. И самое важное, через 90 дней после появления правительства

началась макроэкономическая реформа Бальцеровича. А еще через 90 дней — глубокая реформа местного самоуправления, благодаря которой, помимо государственной собственности, появилась муниципальная собственность и произошла передача власти на местах.

В Польше я часто спрашиваю: «Коллеги, как вы думаете, какая страна

на востоке от Польши первой провела свободные выборы?» Чаще всего они называют Японию, а я им говорю: «Монголия!» — «А что там особенного?» Могу сказать. После 1989 года это произошло очень быстро. Первые демократические свободные выборы в Монголии состоялись летом 1990 года.

А в Польше? Посмотрите на этот слайд.

Немедленные реформы. Почему?

Мнения премьер-министров Т. Мазовецкого и Е. Бузека:

У нас уже есть центральная власть, теперь мы должны предоставить людям местную власть на низовом уровне, чтобы они сами стали нести ответственность.

Тадеуш Мазовецкий, 1989

Выборы в органы местного самоуправления в мае 1990 года должны быть проведены в реформированных единицах местного самоуправления, в противном случае мы только подогреем разочарование людей.

Ежи Бузек

Когда заходит речь о реформах, которые были сделаны в Польше, мы считаем, что самой важной была реформа местного самоуправления. Сегодня у нас авторитарное правительство, которое нарушает Конституцию, которое разрушает Верховный суд и т.д. Но в большинстве местных самоуправлений люди независимы от правящей политической партии. Практически ни в одном

большом городе она пока не смогла получить большинство. Потому что люди на местах предпочитают хозяев, а не политические сумасшедшие идеи. Им необходима школа, вода, телефон, дорога. И местные выборы были проведены в назначенное время, в мае девяностого года.

Второй очень важный вопрос — готовность к реформам.

I съезд «Солидарности» (1981) Программа «Самоуправляемая республика»

Это фотография восемьдесят первого года, первый съезд «Солидарности», на котором приняли программу самоуправляемой республики — местного самоуправления — самую важную программу.

Когда я был на Майдане в Киеве во время событий и встречался с его участниками, я им сказал: «Коллеги, мне понятно, что вы здесь не туристы. И понятно, что может случиться: вас могут убить, и тогда вы будете героями. Либо останетесь живыми. А если живыми, какие у вас планы? Вы ведь живете в палатках не потому, что любите в них жить зимой. Какие первые три реформы? Какие первые два закона? Окей, я чужак. Но посмотрите мне в глаза и скажите: “У нас есть эти законы”».

Увы, получилось «как всегда». Но ведь это очень важно — сохранить завоеванную свободу, а не оставаться чемпионами протестов.

Вторая реформа, связанная с децентрализацией, — реформа образования. Потому что борьба за свободу — это не игра в войну и не политическая игра, это образовательный процесс. Лет тридцать тому назад польское образование было на уровне некоторых стран Африки. Хорошего качества для элит и ужасное в селах и на местах. Перед вами исследование PISA — знания и умения учеников, которым пятнадцать лет. Посмотрите, на каком месте Польша.

Десятое и одиннадцатое места в восемнадцатом году. Выше нас Эстония, Финляндия, Ирландия, но мы где-то на четвертом месте в Европе. Почему?

Результаты PISA (2018 г.)

Результаты стран по читательской грамотности		Результаты стран по математической грамотности		Результаты стран по естественнонаучной грамотности	
Страна	Сред. балл	Страна	Сред. балл	Страна	Сред. балл
1. Китай (B-S-J-Z)	555	1. Китай (B-S-J-Z)	591	1. Китай (B-S-J-Z)	590
2. Сингапур	549	2. Сингапур	569	2. Сингапур	551
3. Макао (КНР)	525	3. Макао (КНР)	558	3. Макао (КНР)	544
4. Гонконг (КНР)	524	4. Гонконг (КНР)	551	4. Эстония	530
5. Эстония	523	5. Тайвань (Тайбэй)	531	5. Япония	529
6. Канада	520	6. Япония	527	6. Финляндия	522
7. Финляндия	520	7. Южная Корея	526	7. Южная Корея	519
8. Ирландия	518	8. Эстония	523	8. Канада	518
9. Южная Корея	514	9. Нидерланды	519	9. Гонконг (КНР)	517
10. Польша	512	10. Польша	516	10. Тайвань (Тайбэй)	516
11. Швеция	506	11. Швейцария	515	11. Польша	511
12. Новая Зеландия	506	12. Канада	512	12. Новая Зеландия	508
13. США	505	13. Дания	509	13. Словения	507
14. Великобритания	504	14. Словения	509	14. Великобритания	505
15. Япония	504	15. Бельгия	508	15. Нидерланды	503
16. Австралия	503	16. Финляндия	507	16. Германия	503
17. Тайвань (Тайбэй)	503	17. Швеция	502	17. Австралия	503

Потому что передали ответственность за образование на места. И люди понимают, что это не политический вопрос. Это — будущее моего сына, дочки моей соседки и сына нашего соседа. И они готовы вложить средства не в коррупцию, чтобы купить диплом, а чтобы улучшить качество образования. Сегодня в стране нет серьезного отличия между качеством образования в городе и на селе. Это большое достижение.

Следующее. Последний механизм, о котором я хочу сказать, — один процент. Каждый гражданин-налогоплательщик имеет право перенаправить один процент со своих налогов в общественные организации. Понимаете? Это публичные деньги. В любом случае эти деньги попадают в госказну, но вы можете один процент перенаправить. Это триста миллионов евро для общественных организаций. Но дело не в цифре, более важно, что это делает огромное число людей и что в публичном про-

странстве, в СМИ, в жизни люди так думают и обсуждают: на детский сад, на дом сирот, на воду в Южном Судане — или на поддержку демократии в Беларуси. Это их решение, а не членов парламента, не министров. Даже если мы имеем сегодня правящую партию, которая не любит общественные организации, и даже если она примет закон, запрещающий такую возможность, я уверен, люди не перестанут поддерживать общественные, гражданские организации.

И последнее, опыт тюрьмы. Я сидел недолго, всего восемь месяцев. Это не так серьезно по сравнению с другими. Но когда я уже был в тюрьме, подходит однажды ко мне — есть такое выражение по-русски — «вор в законе», опытный бандит, кладет на плечо руку и говорит: «Пан Становски, первые десять лет самые тяжелые». И он прав. Если мы собираемся или готовы что-то делать, то надо действительно выдержать первые

десять лет, чтобы увидеть плоды. Потому что в первые дни экономической реформы не увидишь ничего. Как и после первых десяти лет с начала реформы образования тоже увидишь мало. Нужны воля и силы, чтобы добиться поставленных целей.

Светлана Шмелёва: Кшиштоф, отдельное спасибо за Монголию! А сейчас я хочу вас познакомить с Эльмирой Ногойбаевой, основателем Академии гражданского просвещения в Кыргызстане. Кстати, с Кшиштофом мы познакомились благодаря Эльмире и ее академии.

Эльмира Ногойбаева:

В ситуации, в которой мы находимся, мне кажутся особенно важными и символическими две вещи. Первое, что эту дискуссию инициирует Школа.

Вы ломаете стереотип. И второй момент — это географический треугольник, внутри которого... конечно, он шире, в нем и Монголия сегодня, но я имею в виду Варшаву — Москву — Бишкек. Очень интересная тема о том, почему произошел названный разворот. От ощущения свободы, порыва к тому, что происходит сегодня.

В этом смысле, наверное, как спикер я достаточно репрезентативна. Почему? Потому что Эльмира жила в советское время. Она помнит «железный занавес», закрытость. Эльмира помнит авторитарный режим. А с другой стороны, помнит гласность и перестройку, митинги, тот самый порыв, ожидание независимости, демократии. Третий момент — Эльмира проживает уже тридцать лет в независимости, и она видела четыре киргизские революции.

Но Эльмира уже, как и многие, не сильно тешит себя теми иллюзиями, которые были когда-то. Вот эти три точки временные, о которых я говорю, наверное, и есть тот самый разворот, о котором мы говорим.

Я, как и многие сегодня, задаюсь вопросом: «Почему произошел этот разворот после того, как мы так ждали этой свободы?» Сегодня уже редко используется эта терминология — во всяком случае, у нас. Слова «демократия», «либерал» и так далее. Они даже незаметно заменяются различными синонимами. Почему? Несмотря на то что быстро развиваются технологии и мир становится открытым, и наконец-то вроде бы должно было появиться то самое «открытое общество», но происходит его сужение.

Гипотез сегодня, конечно, очень много, дискуссия широкая. Однако чем больше люди дискутируют, тем уже пространство разворота. Я возвращаюсь к теме памяти.

Я стала думать: возможно, люди забыли, к чему приводит авторитаризм, тоталитаризм, фашизм, милитаризация? Может быть, нынешнее поколение об этом не знает? Не знает цену свободам?

На эту мысль меня натолкнуло 70-летие Конвенции о защите прав человека. На мой взгляд, это один из самых важных документов. Но почему его праздновали так скучно? Я задавала себе этот вопрос и думала: наверное, потому, что люди говорили про некую декларацию, а надо было про память, как создавалась эта конвенция, которую приняли в пятидесятом году. Надо было говорить о том, что создавали ее люди, не забывающие о Холокосте, прошедшие концлагеря, войну, кровь.

Но сегодня мы видим, что и Совет Европы тоже раскалывается, Брекзит, другие тенденции. Все это говорит о том, что мы забываем и возвращается «прошлое». Кстати, буквально вчера нашему Академическому театру оперы и балета в Бишкеке вернули статус «ордена имени Ленина». И это происходит не только в Киргизии...

Еще одна тенденция — виток милитаризации по всему миру, романтизация войны. Возвращение традиционных ценностей и культ величия прошлого.

Почему все это происходит? Мне кажется, на это влияют две вещи. Первое — новые развивающиеся технологии, которые, как предполагалось, открывали перспективу и возможности для развития демократии, свобод. И второе — этот жуткий вирус, который, на мой взгляд, нас отбросил назад.

Приведу пример. В Кыргызстане, когда ковид только начался, случилась потрясающая общественная солидарность, о которой мы слышали в лекциях Кшиштофа, когда он к нам приезжал. Мы думали: надо же, какая солидарность может быть в Польше! И вдруг случился ковид, и мы видим реальных волонтеров и реальную солидарность в Кыргызстане. Но не прошло и двух-трех месяцев, как мы увидели то, что произошло у нас в столице, в Бишкеке, на площади. И здесь я остаюсь, чтобы передать слово Кларе. Потому что Клара тоже была в то время на площади, когда начались протесты против новой волны авторитаризма. Это единственная женщина, которая выдвигалась у нас в президенты, став лидером партии «Реформа» и движения за реформы.

Клара Сооронкулова:

Спасибо большое, я очень рада вас всех видеть: Лену, пана Кшиштофа, Александра, Свету и, конечно, Эльмиру! Эльмиру я вижу так же редко, как и вас, только через Zoom. Мы

живем сейчас в таком ритме, что у нас даже нет времени встречаться. Огромная благодарность Школе гражданского просвещения, потому что... не знаю, может быть, если бы Школы не было, ничто не сподвигло бы меня стать политиком, я продолжала бы быть юристом. Но сейчас мой опыт юриста обогатился опытом политика и у меня открылись глаза.

События, которые сегодня происходят в Кыргызстане, когда их осмысляешь, невольно напоминают афинский полис или Рим. Платон когда-то писал (я говорю об этом своими словами), что демократия — это приятный строй, но люди пьянеют от свободы в неразбавленном виде, и именно демократия порождает особую породу подлецов. И вот это как раз мы и видим сегодня. И сошлюсь еще на Полибия, который рассуждал о том, что формы правления развиваются по циклу и демократия сменяется охлократией, а на смену охлократии, так как люди устают от хаоса, приходит монархия, которая вырождается в тиранию.

В связи с темой сегодняшней встречи, о которой сказала Света, я вспомнила наш разговор с Владимиром Рыжковым. Это было три или четыре года назад в Испании на одной из сессий семинара о гражданском просвещении. Я поделилась с ним своими мыслями о том, что очень сложно и трудно идет

становление парламентаризма в Кыргызстане. Что все превратилось в бутафорию, обставлено декорациями, что я не вижу парламентаризма и люди в конце концов от этого устают. А он мне сказал: «Клара, что бы там ни было, как бы ни было тяжело, но то, что вы в десятом году после очередной революции повернули в сторону парламентаризма, вы ограничили власть президента, отдали ее парламенту и не должны с этого пути сворачивать. Как бы ни было трудно. Если свернете, вас отбросит на двадцать, тридцать лет назад».

Эти слова я хорошо запомнила. Они для меня как вектор. Даже проигрывая своим оппонентам, которые говорили: «Вы же видите, не может парламент встать на ноги, потому что у нас очень слабые депутаты, они не могут использовать все полномочия, которые у них есть», я продолжала защищать парламентаризм.

Но, к сожалению, события осени 2020 года стали разворачиваться таким образом, что сегодня возникла очень большая угроза парламентаризму. Примерно через месяц, 11 апреля, будет референдум по новой Конституции с суперпрезидентской формой правления, в которой нет ни верховенства права, ни признания прав и свобод человека как высшей ценности. В которой исключили принцип идеологического и политического плюрализма. То есть все, в чем мы ограничили президента в десятом году, возвращается, и если этот механизм заработает, у нас будет хан.

Эльмира сказала, что в какой-то момент я оказалась в гуще событий. Действительно, 4 октября мы участвовали в парламентских выборах, и я была

лидером новой партии «Реформа». Для Кыргызстана это партия нового, необычного типа. Я называю ее партией честных людей, в ней 90 процентов — поколения от 20 до 40 лет. Нас называли партией «балконских» — те, кто смотрит на мир с балкона, городские. В основном это представители городской молодежи. И мы, наверное, впервые в Кыргызстане стали внедрять такие практики, как политический краудфандинг, мерч*. Кыргызстану все это было абсолютно незнакомо.

Раньше существовало мнение: если вас не финансируют олигархи, то вам незачем участвовать в выборах. Потому что выборы — это очень дорого. А нас профинансировал, причем в условиях ковида и экономического кризиса, быстро сформировавшийся электорат. Пять миллионов киргизских сомов — около 70 тысяч долларов. Эти новые для Кыргызстана предвыборные практики были очень хорошо восприняты новым поколением.

Я уже сказала — у меня открылись глаза. Я поняла, что раньше ориентировалась в основном на свое поколение. Вот то, что отметила Эльмира: мы видели и тоталитаризм, и перестройку, и парад суверенитетов. Но выросло новое поколение. Моей старшей дочери сегодня тридцать лет. Это абсолютно другое поколение, которое уже готово участвовать в политических процессах, и именно оно сподвигло меня на большую активность. Сразу после парламентских выборов я стала участвовать также в президентских выборах. А сейчас мы участвуем в выборах на местном уровне. Что произошло? 4 октября у нас прошли выборы, а 5 октября было восстание. Многие называют его

* Сленговый термин (сокращение от английского слова «merchandise», буквально означает «товар» или «продукт»), который используется для определения товаров с символикой (логотипом) определенного бренда, например, музыкальной группы, фильма и т.д.

революцией, кто-то говорит о «социальном протесте». А я называю восстанием. На мой взгляд, это было самое настоящее восстание. Эльмира Наверняка помнит этот момент, когда мы увидели, какое количество людей, включая молодежь, заполнило самую большую площадь в Бишкеке.

Кшиштоф сказал: «Будем ли мы готовы, когда появится шанс?» Я до сих пор не могу понять, мы упустили этот шанс или нет. Когда можно было взять власть революционным путем. Я имею в виду активных участников события, среди которых стало преобладать мнение, что нужен юридический, легитимный путь. Что мы не должны захватывать власть, не должны устранять президента и разгонять парламент. Давайте проведем повторные, честные выборы. И вот в этот момент, пока мы были в поисках легитимного пути, нашлись силы, которые просто самым наглым образом — да, тоже легитимно, но с применением насильственных методов — пришли к власти. И насаждают свою политику с помощью новой Конституции и сворачивания всех демократических процессов.

Никто сегодня не может дать прогноз даже на ближайшие полгода, что будет в Кыргызстане. Потому что те, кто пришел к власти, пришли на волне популизма. Если до этого большую роль на выборах играли деньги... Я здесь хочу еще упомянуть, что в Кыргызстане, в отличие от других стран постсоветского пространства, на выборах исключены «карусели», понятие «вброса» бюллетеней. У нас биометрическая регистрация, стоят «умные урны», и это исключено. Но как только это было исключено, стал открыто, массово применяться подкуп.

Если на прошлых выборах был подкуп и выборы были очень дорогие, то на президентских выборах, которые состоялись 10 января 2021 года, ярко проявил себя популизм. Популизм имел колоссальное влияние. Я впервые столкнулась с таким неприкрытым, просто хамским популизмом. И что удивительно, люди поверили популистам.

Поэтому можно было бы согласиться, на мой взгляд, с политикой закручивания гаек, преследования оппозиции, нарастания авторитаризма, если бы мы видели действительно прогрессивного, харизматичного лидера. Но такого лидера сегодня в Кыргызстане мы не видим. Президент, который избран, лично у меня и, думаю, у большинства населения, которое думает, не вызывает доверия. Так как то, что произошло 5 октября, произошло абсолютно неожиданно.

Светлана Шмелёва: Клара, спасибо большое! У меня вопрос по поводу сказанного в конце, что можно было бы согласиться с репрессиями, если бы был сильный лидер. Почему?

Клара Сооронкулова: Исходя из экономической ситуации, потому что страна в глубочайшем экономическом кризисе. Начиная с нынешнего года мы должны выплачивать очень большой кредит Китайской Республике. При этом все договоры были заключены на кабальных условиях, то есть существует угроза суверенитету. Мы видим нищету. На улицах уже просят подаяние вполне прилично одетые люди. Это говорит о том, что идет обнищание. Ситуация экономическая очень сложная. Политическая ситуация очень сложная. И люди уповают на сильную руку. Многие смотрят на соседей, обращаются

к опыту Узбекистана — управляемая демократия, сильный лидер, отличная инвестиционная политика. Даже завод Apple в Ташкенте открывают. Люди разочарованы в парламентаризме.

Хотя Конституция 2010 года, казалось бы, образцовая для развития парламентаризма. Столько у парламента полномочий, контрольных функций, столько возможностей для развития партийного строительства. Но, к сожалению, мы оказались к этому не готовы. Принимая ее, мы считали, что через 10 лет, в 2020 году, сделаем ревизию. И потом уже внесем какие-то поправки, чтобы усилить парламент. Мы собирались внедрить преференциальное голосование, чтобы люди не голосовали только за партию, а голосовали в партийном списке за конкретных людей, которых они хотят видеть депутатами. Хотели дать толчок развитию парламентаризма, но события стали развиваться таким образом, что получилось совершенно противоположное.

Светлана Шмелёва: Переходим к дискуссии. Саша, передаю тебе слово для зачитывания комментариев и вопросов.

Александр Шмелёв:

Комментариев и вопросов много. Первый поступил из России от нашего выпускника Сергея Мошкина из города Екатеринбурга. Вопрос Кшиштофу.

Сергей просит рассказать, как проходила в Польше судебная реформа.

Кшиштоф Становски: Спасибо за вопрос! Очень интересно было с судебной реформой. Известно, какие в советские времена были суды, прокуроры, судьи. Они принимали решения в соот-

ветствии с властными полномочиями. Однако в Польше было относительно много судей, не состоявших в партии, с реальным университетским образованием, которые принимали честные решения. Поэтому реформа судебной системы не была жесткой. Произошла естественная смена поколений, и появился Конституционный суд, который решал фундаментальные вопросы. А с другой стороны, повысился авторитет Верховного суда. Ситуация не была идеальной с точки зрения принимаемых решений. Суды работали медленно. Были проблемы из-за коррупции. Но сегодняшняя власть разрушила эту систему. К чему это привело? К тому, что в результате мы теперь не знаем, кто является членом Верховного суда и настоящим членом Конституционного суда. Власть ввела механизмы политического назначения судей, чего не было с 1990 года. И это произошло после того, как правящая партия «Право и справедливость» получила большинство в парламенте. Получив власть фактически неконституционно, она разрушила суды, начиная с того, что перестали публиковаться решения Конституционного суда. Очень тяжело об этом говорить, потому что решение суда есть, а оно не опубликовано. Сегодня это самый сложный фронт между обществом и политической властью. Ситуация, когда власти разными способами начинают контролировать прокуроров и судей. Но мы же в Евросоюзе, а это значит, что европейские страны начинают не признавать решения польских судов.

Александр Шмелёв: Серикалли Аубекеров из Казахстана (г. Уральск) задает вопрос «кыргызским братьям», так он

пишет. И продолжает: «В вашей стране все попытки сползания к авторитаризму, отхода от свободы встречали насильственный отпор. То есть для воспрепятствования попыткам диктатуры использовались не демократические институты, а люди, выходящие на улицы. Вопрос: насколько это является частью политической культуры Кыргызстана? Насколько это укоренилось и с чем это связано?»

И я добавлю от себя, что Кыргызстан, даже на сторонний взгляд, очень сильно отличается от окружающих его государств. В Кыргызстане регулярно власть менялась с помощью людей, выходивших на улицы и площади. Как это получилось? Почему Кыргызстан таким образом выделяется из всех государств Центральной Азии? Есть ли возможность трансформировать уличную энергию в какую-то институциональную форму нормальным демократическим образом?

Эльмира Ногойбаева: На мой взгляд, что касается протестов, существует своего рода «отзеркаливание» восприятия событий между Россией и Украиной. И часто точно такое же «отзеркаливание», такое сравнение возникает между казахами и киргизами.

Дело в том, что в Казахстане несколько приближенная к России ситуация. Там президент находится у власти, может быть, даже дольше периода независимости. А у нас это цикличность протеста. И киргизы всегда задают вопрос казахам: «Как это вы столько под одним ханом?» А казахи говорят: «А как это у вас все время революции и к чему это привело?» Это скорее риторические вопросы серьезного политического и одновременно юмористического характера.

Да, на моей памяти произошло уже четыре революции. Их можно называть по-разному — революциями, протестами, переворотами, но то, что происходит, — митинги и протесты — это действительно довольно часто. Так как мы говорим о развороте, то в Кыргызстане мы пережили его четыре раза точно. Интересная схема подъема, разворачивания к демократическим ценностям, демократическим институтам, некоторому балансу, а потом обратно. Почему? А почему, повторяю я тот же вопрос, это происходит во всем мире?

Когда мы анализируем почему, то едва ли здесь стоит сводить все к популизму. Речь скорее идет о демонизации протестности в Кыргызстане. Поэтому я бы предпочла говорить все же о некотором балансе между двумя радикальными точками. С одной стороны, когда государство авторитаризируется, а с другой стороны, когда граждане еще имеют страсть к изменениям, когда они выходят на улицу. В этой связи очень трудно говорить о золотой середине. Особенно в дискуссии, отвечая на вопрос, где же эта золотая середина в той петле, которая является разворотом. Конечно, это большие риски и Кыргызстан очень много теряет. Об этом хорошо сказала Клара. Мы ведь теряем еще и профессионализацию. Представьте, когда постоянно меняются аппараты, управленцы, менеджеры и так далее. Но если говорить о выборе — что иметь: право говорить, право выходить на улицу, право иметь гражданское общество, — то я склоняюсь к такому выбору.

Клара Сооронкулова: Эльмира сказала «отзеркаливание». Я думаю, что и наши братья-казахи проводят свою параллель: почему в Кыргызстане это

происходит, а в Казахстане не происходит? Во-первых, работает институциональная память, в Казахстане гораздо раньше произошла централизация власти. На территории Казахстана до появления единого государства существовали ханские государства. А Кыргызстан вплоть до присоединения к России жил больше в условиях военной демократии. Если в Казахстане в этот период была централизация, то в Кыргызстане любое племя в случае недовольства политикой правителя могло откочевать и жить самостоятельно. Это первое — разная институциональная память. Второе. Казахстан — страна, богатая ресурсами. Поэтому население зависит от власти. В Кыргызстане этого нет. Я объездила почти всю нашу республику и поняла про отношение к власти: кто бы страной ни управлял — парламент или президент, — наша жизнь не изменится. От государства мы не зависим, у нас есть хозяйство, если это сельская местность, а если город — малый или средний бизнес. Людям по большому счету все равно. Они ничего от власти не ждут. В Казахстане государство богато ресурсами, у людей большие ожидания.

Думаю, есть еще и особенности менталитета. Люди, которые поднимаются летом в горы, а потом спускаются на зимовки, и люди, кочующие по бескрайней степи, сильно отличаются. В нашем менталитете, мне кажется, не хочу никого обижать, гораздо больше свободолюбия. Это объясняется определенными психологическими причинами. Я уважаю свободолюбие своего народа, но против восстаний. Я хочу, чтобы люди приходили на выборы, чтобы они делали осознанный выбор и не продавали свои голоса за деньги.

Это плохо, потому что каждое восстание откидывает нас в развитии на несколько лет назад. Если в десятом году я это приветствовала, то сейчас вижу в этом большой негативный фактор.

Александр Шмелёв: Еще вопрос из Казахстана, но при этом он обращен к Кшиштофу. Дамир Саттаров из Алматы задает два конкретных вопроса. Первый: «Какие главные достоинства и недостатки были у “шоковой терапии”, проведенной за 800 дней под руководством Лешека Бальцеровича? Чем она отличалась от других экономических реформ, проходивших примерно в то же время в других посткоммунистических государствах?» И второй вопрос: «Почему первому руководителю “Солидарности” Леху Валенсе не удалось выиграть на вторых президентских выборах 2000 года?»

Кшиштоф Становски: Про «шоковую терапию». Мы понимали в то время, что являемся банкротами. Не надо забывать, когда оппозиция и гражданское общество пришли к власти — в 1989-м, а на самом деле не пришли, потому что мы набрали только 35% на выборах, у нас не было большинства, инфляция была 40% в месяц, 650% в год! Мы понимали, что необходимы резкие реформы, и заплатили за них очень сложную цену. Но через три месяца увидели результат. По словам Лешека Бальцеровича, первой информацией о том, что что-то изменилось, был день, когда ему сказали, что куриные яйца на базаре сегодня дешевле, чем вчера. Этого не было последние двадцать лет. И после трех месяцев, когда люди были готовы так же, как в Кыргызстане, поддержать реформы, — получилось. Был достигнут результат.

Люди увидели, что доллар дешевеет. Этого не было, никто не помнит сейчас, что доллар становился дешевле и люди покупали злотые. А я смотрю, в других странах — могу назвать, например, Украину и не только — уже 25 лет говорят о реформах, а результат не виден.

Почему Лех Валенса не победил? Валенса, безусловно, герой. Он был, безусловно, символом. Но сказать, что «Солидарность» — это Валенса, неполная правда. Когда он сидел в тюрьме, молодые люди, такие как я, на местах продолжали движение. Его не было, но движение продолжалось. И точно так же, как это сделали британцы, которые после Второй мировой войны провалили Черчилля на выборах — не потому что он был плохим, а потому что он был идеальным во время войны, — поляки не выбрали Валенсу. Он герой для всех поляков. Он вывел Красную Армию из нашей страны. Но мы были уверены, что мы до конца демократы, и хотели президента как британскую королеву. Что в нормальных условиях нам необходим президент, чтобы назначать послов, чтобы он был скорее символом. А таким президентом Лех Валенса, понятно, не хотел быть. И мы его тоже понимаем.

Александр Шмелёв: Вопрос от Гульзат Алагос кызы из Кыргызстана: «Как вы думаете, популизм нынешних властей во время осенних и зимних политических событий был просто политическим инструментом, холодным расчетом или все-таки эти люди верят в то, что говорят и обещают? И если их популизм несет системный характер, какие угрозы он несет для государственности и, в частности, для государственных институтов, таких как судебная и законодательная власть?»

Эльмира Ногойбаева: Я постараюсь коротко ответить. Попытка толкования популизма властей в Кыргызстане — это не слишком серьезный подход. Потому что в тезисах, которые предлагает властная группа, нет ничего нового и оригинального. Это все то, что мы слышали в любом государстве, когда приходила такая группа. Мне кажется, искать в этом серьезную подоплеку невозможно просто потому, что часть из того, что она предлагала до выборов, буквально после выборов была отменена. Я думаю, не стоит на этом останавливаться, конечно, это популизм. Я говорила про вновь орденоносный Театр оперы и балета. В том, что говорит сегодня власть, пока логики не больше. Я понимаю, почему задан этот вопрос. Этим вопросом задается, наверное, каждый гражданин в Кыргызстане, а ответа не находит.

Александр Шмелёв: Я тоже задам вопрос. Насколько страна, в которой я сейчас нахожусь, влияет на процессы, на траекторию развития от диктатуры к свободе и обратно в большом посткоммунистическом пространстве? Насколько для развития ваших стран важно, в какую сторону движется Россия? Например, в 90-е годы после перестройки у нас было скорее движение к свободе. С начала XXI века пошло движение в обратную сторону. Сказывается ли это на окружающих странах? Очевидно, это сказывается на Беларуси или тем более на несчастной Украине. А вот на Польше, на Кыргызстане, на других странах? На Монголии?

Кшиштоф Становски: Я бы перефразировал вопрос. Вы спросили: «До какой степени сегодняшняя Россия на нас влияет?» Я бы сказал по-другому:

«Насколько для нас имеет значение, что эта страна сильная и пытается влиять?» Когда мы начинали свою революцию, мы понимали, что эта страна имеет проблемы в Афганистане и что не очень много места в Сибири, где нас готовы принять. Это не вопрос — демократично, недемократично. Это вопрос моего детства: войдут, не войдут. Потому что приходили не раз. Бывало, что мы бо-ролись. Бывало, что сидели в тюрьмах.

Не стоит говорить про Польшу или Кыргызстан. Если в бундестаге перестанут работать компьютеры, потому что сотрудники не уверены, что они безопасны, это не вопрос Беларуси, Польши, Кыргызстана, даже Монголии. Если мы видим, что названная страна имеет возможность влиять на выборы в США, если 40% рынка недвижимости в Лондоне зависят от этой страны, то когда ее лидеры говорят: «Мы будем этим заниматься и защищать наших людей», мы понимаем, что вопрос идет не только про Кыргызстан и даже не про Польшу. И, честно говоря, когда мы на это смотрим в Евросоюзе, мы видим, что эта страна между Кыргызстаном и Польшей старается в каждой стране ЕС иметь свою повестку дня и поднимать вопросы, которые будут разрушать местное общество.

Второй вопрос, имеющий прямое отношение к влиянию, — раскрывание ненависти к украинцам. В двух странах нашей части мира Вторая мировая война разделила народы, которые убивали друг друга. Это сербы и хорваты и поляки и украинцы. Слава богу, у поляков и украинцев хватило ума не воевать после войны. Мы не им-мунизированы против войны. Но мы точно знаем, кому это выгодно, и ви-дим деньги и их влияние.

Александр Шмелёв: Уточню вопрос. Предположим, в России происходит движение к свободе, общество разви-вается и свободная, сильная Россия становится образцом для подражания. И после этого, условно говоря, какие-нибудь польские либералы начинают говорить: «У нас аборты хотят запре-тить, а в России они разрешены». Или в Центральной Азии какие-нибудь законы пытаются протолкнуть, а Рос-сия не дает, потому что они нарушают права человека. Такая картина невыс-лима или все-таки теоретически ее можно себе представить в обозримом будущем?

Кшиштоф Становски: Не только тео-ретически. Мы о ней мечтаем. Я в детстве пел песни Окуджавы только по-русски. Готовность стран, о кото-рых мы говорим, таких как Польша, к открытым, хорошим отношениям, к встречам молодежи, сотрудниче-ству артистов. У города Люблина сорок городов-побратимов. И среди них есть российский город. Мы ни о чем другом не мечтаем. Мы мечтаем забыть историю. На самом деле для нас это самое важное.

Скажу так: я часто говорю, и люди это понимают. Мы никогда не будем иметь других соседей. Мы же не между португальцами и испанцами живем, а между немцами, россиянами, украин-цами. И после очень сложной истории по программе молодежного обмена в течение двадцати лет около четырех миллионов молодых людей — поляков и немцев — как минимум неделю об-щались друг с другом. Для моего внука сегодня, которому шесть лет, немец — сосед с запада, а украинец — сосед с востока.

Но есть проблема. До Петербурга сегодня дальше, чем до Буэнос-Айреса. Поехать в Киев, Львов, Берлин, Скандинавию — не так далеко. Поехать в Рим — недалеко. Поехать в Буэнос-Айрес — уже далеко. А поехать в Петербург — еще дальше. Это и есть проблема — то, что нас на самом деле разделяет.

Можно говорить про оперу, узбекскую кухню, про вышивку, я сам вышиваю. Но когда в соседней стране война и погибают люди, мы не можем и не должны заниматься только оперным театром или только вышивкой, а тем более менять границы. Это опасно. Повторять снова то, что мы хорошо помним. Для меня русский язык — это язык соседей.

Александр Шмелёв: Вопрос, который мы сегодня не обсуждали. Спрашивает наша выпускница Светлана Петракова. По ее словам, многие жители Германии, где она находится, говорят о наступлении так называемого кубинского синдрома — о попрании прав человека, основ Конституции страны из-за принятых жестких ограничительных мер, связанных с пандемией. Вопрос, соответственно, такой: «Каким образом участники нашей встречи видят эту опасность?» Это относится и к Польше, которая является членом Евросоюза и должна подчиняться принятым ограничениям в ЕС. Но также и к Кыргызстану. Насколько вы видите угрозу свободе в этом желании безопасности? Наверное, это будет последний вопрос.

Эльмира Ногойбаева: Если говорить про Кыргызстан и не только, мне кажется, что ковид очень сильно расшатал доверие к государству, госу-

дарственным институтам. Во-первых, государство показало свою депотенциальность. А во-вторых, большие займы, гранты, которые невозможно было выплатить. То есть солидаризировал общество. Появились движения волонтеров, развозивших еду, лекарства и так далее. А сегодня, если посмотреть на то, что происходит с Кыргызстаном: постоянные выборы, принятие Конституции... И знаете, о коронавирусе почти забыли.

Если же выйти за пределы Кыргызстана, возникает впечатление, что коронавирус дает возможность управлять государством и манипулировать обществом. Физическая безопасность, безусловно, самая важная мотивация. Обратите внимание, как именно вирус, подобно мифу, влияет на нашу жизнь, на наш быт, на политические системы. И так или иначе отбрасывает в тот самый разворот, о котором мы говорили. Во всяком случае, делает дорогу туда куда более гладкой. А с другой стороны, развенчивает иллюзии по поводу веры в могущество лучшей вакцины и государства, имеющего ее. Здесь опять включается геополитика и все то, о чем мы сегодня говорим. На мой взгляд, коронавирус — это еще и измеритель.

Кшиштоф Становски: Первое, что, безусловно, показал коронавирус, — это доброту и солидарность. Что такое солидарность? Понимание, что жизнь другого человека не менее ценна, чем моя. Мы это видим во многих странах. А с другой стороны, это и шанс использования такого понимания властью. В частности, наше правительство вставляет в законы о коронавирусе разные авторитарные идеи, которые приходят им в голову.

Павел Алтхамер. Соседи. 2013

И в-третьих, что мне кажется особенно опасным... Я работаю в международной организации «города-побратимы». Все стремятся сегодня в гетто. И эта «геттоизация» позволяет возводить евростену, стены вокруг страны, города. Это мрия (мечта) всех и огромная опасность снова попасть в средние века. Надо стараться этого избежать и перестать говорить «сволочи хворые за стенами, а мы тут здоровые, будем хранить наши территории».

Многие люди в Западной Европе были уверены, что они контролируют свою жизнь в условиях демократии, и сейчас поняли, что это не так просто. Что не все от них зависит и не будет так, как «мы хотим». Это не вопрос, сколько у нас денег. И мы можем вернуться на площади не с призывом

«Против!», а с вопросом «Зачем?». Потому что без ответа на него изменений не будет. Показывать кулаком «мы против» сегодня не поможет. Я думаю, это урок для всех нас.

Светлана Шмелёва: Спасибо, Кшиштоф, Эльмира, и Кларе спасибо! Сейчас в Бишкеке уже полночь. Спасибо Ирине Дмитриевне Прохоровой, у которой сегодня день рождения, но мы говорим ей спасибо не только поэтому, а потому что благодаря Фонду Прохорова наши встречи возможны в России. У нас удивительные теперь законы. Но мы рады, что нам помогают граждане России. И я лично в восторге от того, как прошла наша встреча.

Белорусская революция заглохла, или, как сказали бы некоторые, провалилась, полагает **Рыгор Астапеня**, директор исследовательского Центра новых идей (Минск) и эксперт Chatham House. Почему режиму удалось устоять? Как протестующим помешала конфронтация с правящим классом, по каким линиям проходил раскол в белорусском обществе и когда могут произойти перемены?

Рыгор Астапеня,
директор исследовательского
Центра новых идей, Минск

Революция в Беларуси заглохла?*

Как Лукашенко сумел удержать власть. Большинство белорусов хотят, чтобы Александр Лукашенко ушел: режим не способен обеспечить достойный уровень жизни и больше не может рассчитывать на существенную финансовую поддержку со стороны России, хотя Москва продолжает поддерживать Лукашенко политически, пишет Р. Астапеня. Однако широкое движение за перемены остановилось.

Режим Лукашенко держится на широкомасштабных репрессиях: протестующих убивают, приговаривают к большим тюремным срокам, повсеместно штрафуют и арестовывают — например, просто за ношение красно-белых брюк или выход с флагом Японии, на котором те же цвета, что используются белорусским протестом.

Некоторые ожидают, что протесты возобновятся весной, но численность участников протестных акций за последние месяцы значительно уменьшилась, а Лукашенко, вероятно, считает, что он победил.

Его режим смог выдержать протесты по трем основным причинам. Во-первых, **Лукашенко сохранил единство правящего класса**, отчасти за счет его вовлечения — наряду со спецслужбами — в свои старания остаться у власти.

Спецслужбы теперь, похоже, готовы на все, поскольку их собственное выживание зависит от того, останется ли Лукашенко у власти. В какой-то момент сообщалось об утечке аудиозаписей с сотрудниками

* Chatham House. 9 февраля 2021 г.

госбезопасности, обсуждающими планы по убийству оппозиционных активистов как за рубежом, так и внутри страны, а также по созданию лагерей для диссидентов.

В частном порядке многие госслужащие признают необходимость изменений, но есть и много тех, кто сопротивляется любым переменам.

Лукашенко — не единственная цель протестующих. Демократическое движение стремится демонтировать систему в целом, считая виновной в нынешнем кризисе всю правящую элиту. Желание очистить всю политическую структуру ради будущего Беларуси вполне понятно, но на практике неспособность демократических сил иметь дело с правящим классом только цементирует режим, смыкая ряды вокруг Лукашенко.

Вторая причина, по которой революция оказалась в застое, — **демократическому движению не удалось мобилизовать весь спектр людей, недовольных правлением Лукашенко**. Как показал опрос (он проводился 14–20 января 2021 года онлайн среди 926 граждан Беларуси), основное ядро протестующих, состоящее на 37% из городских жителей, полностью поддерживает протестное движение и требования его лидеров. Большинство из них присоединялись к различным проявлениям инакомыслия, например, посещали протестные марши или подписывали коллективные письма.

Но другая группа опрошенных (примерно 45% городских жителей), которую можно определить как более пассивных «наблюдателей», не ассоциирует себя с бело-красно-белым флагом и не выходила протестовать на

улицы. Они признают, что устали от Лукашенко, но не чувствуют, что лидеры протестного движения представляют их интересы, и не уверены, за кого они будут голосовать в будущем. Некоторые в последнее время даже начали думать, что Лукашенко — черт, но по крайней мере черт, которого они знают. Они устали от политического кризиса, который в их глазах превратился в борьбу по символическим вопросам.

Многие устали от Лукашенко, но не чувствуют, что лидеры протестного движения представляют их интересы

Как протестующие, так и сторонники Лукашенко слишком увлечены дискредитацией флагов друг друга. Яркие сторонники Лукашенко, которые, по данным опроса, составляют 18% городских белорусов, воспринимают бело-красно-белый флаг протеста как фашистский, поскольку он использовался коллаборационистами во время Второй мировой войны.

В свою очередь, протестующие рассматривают нынешний красно-зеленый флаг страны как символ современных репрессий. Из-за этой навязчивой идеи «наблюдатели» — огромная часть населения, для которой флаги не имеют значения, — чувствуют себя исключенными из политической борьбы. Заработная плата, преодоление пандемии и проблемы образования для этих людей важнее, чем борьба за идентичность между Лукашенко и демократическим движением. Лидеры протеста совершают стратегическую ошибку, не обращая внимания на эту группу и оставляя попытки установить с ней контакт.

Третья причина, по которой Лукашенко сумел удержать власть и продолжать репрессии против населения, — **это позиция международных игроков, которые предпочитают не вовлекаться в белорусский кризис, считая сохранение статуса-кво менее рискованным.** Политики не хотят разжигать противостояние с Россией и опасаются, что любые жесткие санкции против Лукашенко могут только подтолкнуть его преклонить перед ней колени.

Это приводит к тому, что Лукашенко не боится международного давления, да и санкции против его режима, наряду с международными усилиями по прекращению репрессий в Беларуси, иначе как скромными не назовешь. Кремль, хотя и заинтересован в плавной передаче власти дружественному России преемнику, также не решается оказывать давление на Лукашенко, поскольку пока просто не видит лучшей альтернативы.

Все эти препятствия вполне могут укорениться в долгосрочной перспективе и в конечном итоге стать непреодолимыми. Но их можно будет побороть, если демократическим силам в Беларуси удастся проявить более творческий подход и добиться сильного внутреннего консенсуса в отношении своих действий, а также если международные игроки станут более смелыми и напористыми. Лукашенко готов переждать этот период, удерживая страну в состоянии застоя, — так что без движущей силы перемен, исходящей от других, революция в Беларуси может закончиться, едва начавшись.

Новое белорусское общество: чего ждать дальше. В марте 2021 года Центр восточноевропейских и международ-

ных исследований (ZOiS) опубликовал результаты изучения отношения людей к социальным и политическим изменениям. В основе исследования — опрос, который проводился в режиме онлайн 16–29 декабря 2020 года среди 2000 человек возраста от 16 до 64 лет; при этом телефонный метод опроса, который, вероятно, позволил бы включить в выборку более старших представителей общества, не применялся по соображениям безопасности.

Как показало исследование, в белорусском обществе распространено мнение о том, что результаты президентских выборов в августе 2020 года были сфальсифицированы в пользу действующего президента, — с этим утверждением согласны две трети респондентов. О своем участии в голосовании при этом заявили 74% опрошенных (по официальным данным, явка составила 84%). Каждый второй из них сообщил, что голосовал за Светлану Тихановскую (52,5%), и только каждый пятый (17,6%) — за Александра Лукашенко. Типичный избиратель Тихановской — молодой мужчина, живущий в большом городе, чаще студент. За Лукашенко голосовали в основном женщины и представители старшего поколения из небольших городов, прихожане православной церкви.

При этом всего лишь четверть людей, проголосовавших за Лукашенко, сделали это потому, что он представлял их политические взгляды. Каждый второй респондент признался, что в основном это происходило из-за отсутствия привлекательной альтернативы. А голосование за Тихановскую было в первую очередь голосованием против действующего президента.

Андрей Дурейко. Академия Искусств, Академия Жизни. 1997

В послевыборных акциях протеста лично принимали участие около 14% опрошенных, большую часть из них составили люди от 18 до 29 лет. Еще 6% опрошенных отказались отвечать на вопрос об участии в протесте, что может указывать на их нежелание делиться этой информацией.

Наиболее частым поводом для участия в протестах был шок в связи с насилием против протестующих. 20% респондентов сообщили, что они, члены их семей или их друзья непосредственно пострадали от насилия. Это подчеркивает тот факт, что репрессии в эпоху социальных сетей являются рискованной стратегией для авторитарного режима. Распространение новостей о насилии может побудить выйти на улицы еще больше людей, включая родителей, бабушек и дедушек первых

пострадавших и арестованных, полагают исследователи.

Из-за чрезвычайно высокого уровня государственного насилия около 40% протестующих респондентов заявили, что изначально боялись присоединиться к протестам, но постепенно преодолели свой страх. Около 25%, наоборот, стали больше бояться уже в процессе протеста, некоторые перестали протестовать из-за чувства страха. Еще четверть респондентов заявили, что никогда не боялись протестовать.

Среди тех, кто на протесты не вышел, часть респондентов полагали, что протестующие скрывают свои истинные мотивы (387 человек), или были уверены, что протесты ничего не меняют (374 человека). Кто-то сообщал, что его просто не интересует политика (337). Еще часть респондентов ответили,

что хотели бы принять участие в протестах, но опасаются это делать (191).

Важно, что вне зависимости от участия в акциях контекст и требования протестов широко известны всем. **Однако мнения граждан о протестах раскололись почти пополам.** Это лишний раз подчеркивает, что оппозиционному движению не удалось объединить все недовольство режимом, полагают исследователи.

В отношении символики тоже далеко до консенсуса: 41% респондентов считают нынешний красно-зеленый флаг подходящим государственным символом, 36% предпочитают бело-красно-белый флаг, а 20% не могут выбрать из двух вариантов.

57% респондентов сообщили о повышении уровня политического интереса в последние месяцы. Это отражается, в частности, на моделях потребления новостей. Так, более 70% респондентов сообщили, что читают в основном социальные сети и онлайн-СМИ. Лишь около 10% заявили, что обращаются к государственным СМИ как к основному источнику информации.

Опрос также зафиксировал низкий уровень социального доверия: более 60% респондентов указали, что они «почти никогда» или «никогда» не доверяют людям, с которыми встречаются впервые. Если некоторым опыт солидарности на протестных акциях позволил укрепить это доверие, то у сторонников режима этот показатель остался низким. Доверие к политическим институтам Беларуси также в целом остается слабым. Самым авторитетным учреждением в Беларуси стала православная церковь: ей полностью или частично доверяют около 40%

опрошенных. На втором месте — Координационный совет оппозиции (33%).

Поддержка демократии в стране неравномерна и отражает скорее идейный вакуум, чем глубокие разногласия, отмечают авторы исследования. Так, более 40% респондентов заявили, что предпочли бы жить в условиях демократии, но около 30% не знают, какой тип управления они предпочитают (как правило, так отвечали не выходившие на протесты).

При этом опрос показывает, что респонденты отдают предпочтение либеральным экономическим ценностям, несмотря на широко распространенное мнение о патерналистском характере белорусского государства при Лукашенко. Большинство опрошенных поддерживают рыночную конкуренцию (70%) и частную собственность (67%), хотя многие одновременно выступают за государственное вмешательство в вопросы социальной безопасности.

Что касается внешнеполитических предпочтений, белорусское общество оказалось разделено по вопросу сближения с ЕС. Около 39% респондентов высказались за укрепление связей с Евросоюзом, 30% — против, а доля тех, кто не знает, как ответить на этот вопрос, была столь же высока — около 30%. Доверие к Тихановской и участие в протестах прямо коррелируют со всеми позитивными ожиданиями от ЕС: по мнению респондентов, политик в изгнании поддерживает видение Беларуси, ориентированное на ЕС.

Нет консенсуса и в отношении России: 35% опрошенных высказались за партнерство между двумя странами в рамках Единого экономического пространства без политического союза, а

Энтони Гормили. Поле для Британских островов. Фрагмент инсталляции. 1991

23% выступают за более широкое торговое сотрудничество. Лишь около 11% респондентов поддержали идею более тесных политических и военных отношений, и только 7% поддержали идею единого государства.

Наконец, на вопрос о миграционных намерениях около 34% респондентов ответили, что предпочли бы уехать в страны ЕС, около 14% переехали бы в пределах Беларуси, а около 11% намеревались эмигрировать в Россию. Миграционные намерения — это не то же самое, что реальная эмиграция, но они являются мощным показателем уровня неудовлетворенности, отмечают авторы.

Несмотря на то, что Беларусь оказалась разделена по многим основополагающим вопросам, исследование показывает значительную степень политизации общества вне зависимости от участия в протестах. Именно в этом будет выражаться давление на режим Лукашенко в среднесрочной перспективе, считают исследователи. Невозможно предсказать, приведут ли политизация и ожидания общества к новой волне протестов, или же мобилизацию удастся предотвратить на некоторое время за счет репрессий. Но белорусское общество уже изменилось, даже если политические изменения в итоге окажутся более постепенными, заключают авторы.

Пересказала Наталья Корченкова

Что мы на самом деле имеем в виду, когда говорим о свободе? Белорусский писатель **Виктор Мартинович** рассказывает, что свобода означала для выходящих на протесты белорусов, какая обстановка в стране сейчас, при каких условиях могут произойти перемены.

*Виктор Мартинович,
писатель*

«Если зло побеждает зло, то мне не по пути с этим хеппи-эндом»*

«Мы мало задумываемся над словами, которые мы произносим»

Когда я представляю себя, я в первую очередь говорю о том, что я писатель. Моя диссертация была посвящена художнику Марку Шагалу — тем годам, которые он провел в советском Витебске, которые сформировали его как художника и которые, очевидно, были самыми трагическими и самыми несчастными годами во всей его жизни. Фокус моих научных интересов лежит в истории искусства, но чем старше я становлюсь, тем более интересным для меня становится все то, что связано со словом и с пониманием этого слова. Сейчас я, в частности, веду курс, посвященный герменевтике.

Мне кажется, что человеку свойственно вступать в такие отношения со словом, которые требуют от него минимума усилий. И чем дальше, тем меньше мы задумываемся над словами, которые произносим. Если мы говорим об английском языке, особенно об американском английском, мы видим, что он фактически весь состоит из штампов. Когда ты выходишь за пределы штампов, ты встречаешь у собеседника легкий ступор. То же самое сейчас происходит с русским и белорусским языками — мы постоянно употребляем слова, об истинном смысле которых мы не утруждаем себя задуматься.

Я хотел бы поговорить о свободе. Свобода — это самое часто употребляемое, но на самом деле самое непонятное и несформированное понятие во всех

* Выступление на семинаре Школы 19 апреля 2021 г.

социальных науках. Понятно, что это что-то положительное, но что именно мы имеем в виду, когда произносим это слово?

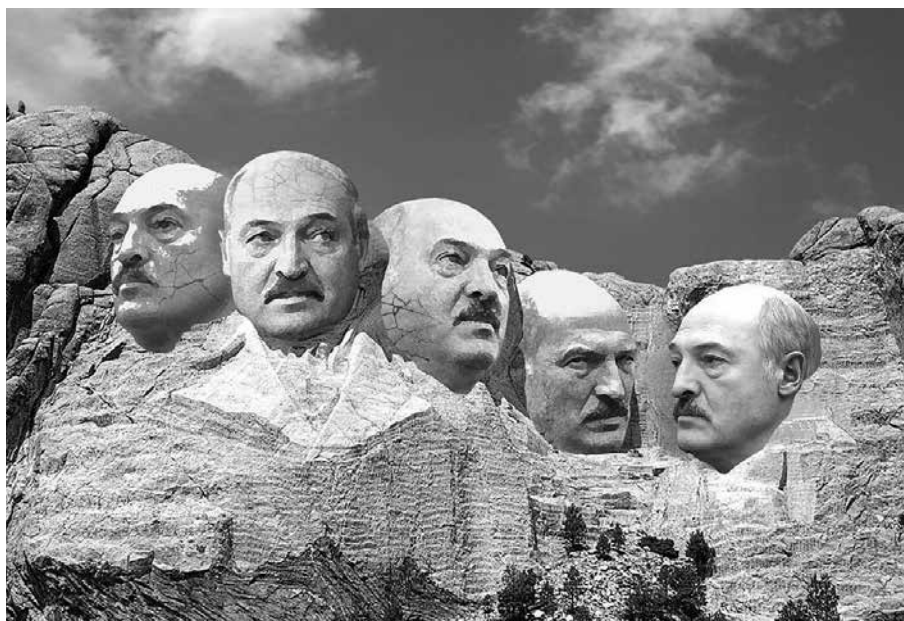
Меня очень интересует то, как менялось наполнение этого слова с момента его появления. В мифе о Дедале и Икаре под свободой подразумевается свобода перемещения. В Греции свобода как будто бы ограничивается отсутствием статуса раба. В белорусской и польской историографии XVIII–XIX веков есть целая плеяда таких людей, которых называли борцами за свободу: Кастусь Калиновский, Тадеуш Костюшко. Для них свобода была тождественна борьбе с колониализмом, праву быть независимыми от русских колонизаторов.

«Синонимом свободы вдруг стала ситуация, когда по нам не стреляют». Если мы говорим о Беларуси августа 2020 года, все эти определения свободы совершенно неактуальны. Несмотря на то, что Беларусь — крайне зависимая экономически от России страна, политически она себя ведет довольно резко, в том числе и с Россией. Никто никогда не позволял себе таких высказываний о России, как белорусский президент, причем он совершенно спокойно сидит на русской ренте и при этом как бы говорит о независимости. То есть свобода в Беларуси — это не борьба против колониализма.

Как ни парадоксально, в августе 2020 года в Беларуси первым основанием, которое заставило людей массово выйти на улицы, была борьба против лжи. Были оглашены итоги президентских выборов, которые были восприняты большинством как кричаще лживые. Казалось бы, ложь, право солгать — это тоже какой-то компонент свободы, нет ничего прекраснее, чем право говорить все, что ты хочешь. Более того, даже не все религии воспринимают ложь как что-то плохое. Например, в индуизме ложь не считается грехом. В христианстве мы знаем о лжесвидетельстве, хотя и тут лжесвидетельство означает не столько ложь, сколько ложь в суде.

Но вскоре свобода стала ассоциироваться уже с отсутствием насилия. Синонимом свободы вдруг стала ситуация, когда по нам не стреляют. Это, конечно, тоже было очень травматичным опытом, потому что я никогда в жизни не забуду и не изгоню из своих снов вспышки светомузовых гранат, которые сверкают у меня на потолке, и то, как стреляют по мирным людям, которые ничего плохого не делают. В этот момент ты хочешь выйти и остановить это и ты начинаешь осознавать, что только твое действие может это остановить.

Последняя, третья ипостась свободы в сегодняшней Беларуси — это верховенство закона. И это тоже парадоксально, потому что, казалось бы, закон — это то, что запрещает тебе делать то, что ты хочешь делать. Но для нас закон является мерилем и структурой ответственности, которую ты представляешь себе, когда решаешься на то или иное исполнение собственной внутренней свободы.

Владимир Цеслер. Белорусская версия скалы президентов. 2019

Получается, что свобода для белорусов в 2020–2021 годах индуцируется до понятий верховенства закона, отсутствия немотивированной агрессии и отсутствия повсеместной лжи.

«Все сто расстрелянных поэтов забрали свои страхи с собой». Антонимом *свободы* как будто бы является *несвобода*, но несвобода — это просто отсутствие свободы, это понятие ничего нам не говорит об истинном смысле того слова, которое мы употребляем. И если говорить об антониме той свободы, за которую выходили люди, то этот антоним, как ни парадоксально, страх. Причем страх бывает очень разным. На другом полюсе свободы находится страх совершенно сталинский. Я узнаю этот страх с тех времен, когда я учился в советской школе и был пионером.

В Беларуси есть такая история про «Ночь расстрелянных поэтов»: 30 октября 1937 года за одну ночь в конвейерном режиме было расстреляно более ста литераторов. Я думаю, что в этом смысле расстрел является гораздо менее эффективной тактикой по насаждению страха, чем посадка в тюрьму. Потому что все сто расстрелянных поэтов забрали свои страхи с собой — более того, о них даже никто не знал, история с этим расстрелом была покрыта тайной. Но человек, который был арестован, прошел через суд, сохраняет свой страх на всю жизнь.

Когда все начиналось, историки, специалисты по сталинизму очень сильно нервничали при попытках сопоставить происходящее с 1937 годом. Но когда число задержанных перевалило за 30 тысяч, они как-то перестали с этим спорить и начали соглашаться с тем, что это, в общем, какая-то иная инкарнация того самого сталинизма.

«В принципе казарма может существовать без всякой культуры».

У нас был главный национальный драматический театр имени Янки Купалы, самая главная сцена страны. 95% актеров этого театра во время протестов уволились. Топовые актеры, узнаваемые на улице, стали обвальщиками мяса в гипермаркете, разносчиками пиццы. Через три месяца они вдруг поняли, что готовы вернуться, но места для них уже не было. А Купаловский театр теперь стал очень спорным местом. Когда я все это наблюдал, я вдруг понял, что культура нужна не *им*, а нам. И что трагедия Купаловского театра — это трагедия для меня, а не для *них*. Потому что в принципе казарма может существовать без всякой культуры.

Точно так же и с массовой эмиграцией — другая сторона воспринимает это не как боль, а как достижение. Эти люди ходят по культурным пространствам, они чувствуют себя гражданами, и именно эти люди являются врагами, а лидерами этих врагов является креативный класс или культурный прекариат. Выдавливая этот культурный прекариат за границу, власть возвращает нас в смутное, тошнотворное культурное болото, которое у нас было в 2000-х.

В университетах идут массовые чистки: из системы образования вымываются все преподаватели, которые имели любые контакты по европейским программам, а те, кому удастся остаться, начинают активно маскироваться под ретроградов. Потому что любое приближение к европейской идее, европейскому пониманию свободы тебя меняет. Невозможно съездить два раза на семинар в Брюссель и остаться при мнении, что Сталин был хорошим управленцем.

«Настроение пьянящего воодушевления сменилось дикой депрессией». Еще несколько месяцев назад в Беларуси была атмосфера полного единения. Ты просто шел по улице, смотрел на людей и понимал, что ты к любому можешь подойти и сказать: ну что, сегодня в шесть выходим?

Но никто не готов быть героем, когда это ни к чему не приводит. Если Светлана Тихановская была еще полгода назад абсолютно непререкаемым авторитетом, то сейчас людей, которые обвиняют ее в том, что она уехала, к чему-то призывала и ничего в итоге не произошло, наверное, большинство.

И вот это настроение пьянящего воодушевления сменилось дикой депрессией. Это управляемая депрессия, ввести в нее оказалось очень легко: надо было только посадить большое количество людей и сохранить стабильность, что и было сделано.

«Чтобы побеждать противника, нужно, чтобы противник соблюдал правила игры». Долгое время считалось, что миллион людей на улицах всех городов способны переломить ситуацию безвозвратно. Эта цель была достигнута. Но оказалось, что это не работает просто

так. Когда я спрашивал у основателя Европейского гуманитарного университета Анатолия Арсеньевича Михайлова о том, что может интеллект противопоставить брутальной силе, он отвечал мне: ничего, потому что можно быть прекрасным гроссмейстером и уметь побеждать противника в шесть ходов, но когда противник имеет склонность брать доску и бить по морде — с этим не сделаешь ничего.

Раньше я с ним спорил, а теперь соглашаюсь. Для того чтобы побеждать, нужно, чтобы противник соблюдал правила игры. Нужно, чтобы с той стороны оппонентами стали другие — те люди, с которыми можно играть и у которых можно выигрывать, которые умеют играть в шахматы, а не бить доской.

К сожалению, все это может продолжаться очень долго. Потому что для того, чтобы такого рода режим существовал, ему даже не нужна Лени Рифеншталь, ему лишь нужно, чтобы люди платили налоги, на которые будет содержаться силовой блок. Никакой большой идеи за тем, что происходит с той стороны, нет. На самые сложные вызовы, на самые продуманные идеи они реагировали самыми примитивными способами: есть сетевой протест — посади сетевой протест, есть хлопающие люди — посади хлопающих людей.

Пока один персонаж жив-здоров и может отдавать речевые команды, ничего здесь не изменится. Потому что это феномен, которому просто нечего противопоставить. Я верю в то, что зло непобедимо. Тем более непобедимо добром. Если зло побеждает зло, то мне не по пути с этим хеппи-эндом.

Мне поступают сигналы разного толка. В феврале в единственном издательстве, с которым я тут работаю, был обыск, весь оставшийся тираж моего последнего романа изъяли. С другой стороны, меня постоянно пытаются пригласить на разные очень сомнительные шоу на государственном телевидении.

Что делать в этой ситуации? Я понимаю, что проще всего было бы сейчас дать по газам либо просто чуть-чуть начать заигрывать со всем этим. Но я этого для себя не допускаю. Я для себя решил так: это моя война, мне нужно постараться выжить, постараться не скурвиться, постараться остаться человеком, потому что ничего большего я сделать не могу.

Пора активно продвигать демократию по планете*

Демократия находится под угрозой по всему миру. Согласно последнему ежегодному докладу международного аналитического центра Freedom House, баланс сил на планете все больше сдвигается «в пользу тирании». Как отмечается в этом же докладе, 2020-й стал уже пятнадцатым годом подряд, когда показатели «уровня свободы» снизились в сравнении с предыдущим годом.

Эта мрачная картина подтверждается и другими исследованиями. В опубликованном в 2020 году «Индексе демократии» Economist Intelligence Unit (аналитический отдел журнала The Economist. — *Ред.*) зафиксировал худшее состояние мировой демократии с момента первой публикации индекса в 2006 году.

V-Dem, еще один ведущий исследовательский проект, сообщает, что в 2020 году откат от демократии ускорился и «стал вирусным». Исследование V-Dem указывает на то, что «уровень демократии, доступный среднестатистическому жителю Земли», снизился «до уровня примерно 1990 года». В прошлом году аналитики V-Dem пришли к выводу, что впервые с 2001 года большинство стран мира не являются демократиями.

Авторитарные правительства воспользовались кризисом COVID-19, чтобы усилить свою власть и представить демократию как несостоятельную форму правления. Они не только пытаются подавить оппозицию внутри страны, но и вмешиваются в дела других государств.

В Организации Объединенных Наций представители авторитарных режимов участвуют в работе Комитета по неправительственным организациям, чтобы не допустить туда представителей гражданского общества, и заседают в Совете по правам человека с целью предотвратить критику нарушений прав человека. В Совете Безопасности Китай и Россия злоупотребляют своим правом вето, чтобы воспрепятствовать

Андреас Буммель,
исполнительный директор
организации «Демократия
без границ», Берлин

* Al Jazeera. 10 марта 2021 г.

попыткам остановить нарушения прав человека, один из наиболее ярких примеров такого злоупотребления — ситуация в Сирии.

Пытаясь обойти недееспособность Совета Безопасности, Лихтенштейн и Катар успешно протолкнули через Генеральную Ассамблею инициативу проведения расследования ООН, которое уже собрало множественные доказательства военных преступлений и массовых актов жестокости, совершенных в Сирии. Подобным же образом отдельные группы государств пытаются привлечь внимание к расследованиям ООН в отношении преступлений, совершенных в Венесуэле и против мусульман рохинджа в Мьянме.

Несмотря на признаки надвигающейся опасности, на протяжении многих лет демократия не занимала сколько-нибудь заметного места в международной повестке дня. Нынешний упадок демократии и рост авторитарного влияния по всему миру превращают поиск стратегии противодействия этому в неотложную необходимость. В теории демократические страны совместно могли бы привлечь под это весьма значительные экономические и политические ресурсы.

В 2020 году предложение госсекретаря США Майка Помпео создать «новый альянс демократических государств», чтобы сбалансировать нарастающее влияние Китая, не удостоилось особого внимания. Слишком низкой отметки к этому моменту достигла репутация администрации Трампа.

Вообще президентство Дональда Трампа стало одним из худших проявлений антидемократического и националистического популизма во всем мире. Установка «Америка прежде всего», пренебрежение президента идеалами демократии, его симпатии к правителям-автократам и его попытки опротестовать результаты новых выборов нанесли демократии огромный ущерб. Атака на Капитолий США 6 января привела к тому, что американская система начала выглядеть слабой и несостоятельной.

Однако сегодня, кажется, для Америки опять открывается окно возможностей. В ходе своей предвыборной кампании Джо Байден пообещал в течение первого года пребывания на посту президента США провести глобальный «Саммит демократии» с целью «возродить дух и общие устремления народов свободного мира». А в опубликованном 3 марта Временном стратегическом руководстве в области национальной безопасности и внешней политики США говорится, что важнейшее значение для национальной безопасности страны приобретает задача обратить вспять антидемократические тенденции в мире.

В подобном же ключе высказывается и верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель, заявлявший, что ЕС должен углубить сотрудничество «с другими демократиями, чтобы противостоять росту авторитаризма». Новый план действий ЕС, принятый в ноябре, также отдает приоритет продвижению демократии по миру.

Великобритания продвигает идею расширения «Большой семерки» (G7) за счет Австралии, Индии и Южной Кореи с целью формирования так называемого «Клуба демократий D10». Этот клуб, по мнению Великобритании, должен помочь уменьшить зависимость от китайских технологий. Великобритания как принимающая сторона саммита G7 в этом году планирует предоставить трем новым партнерам полный доступ.

Как отметил Байден, восстановление демократии внутри США является необходимым предварительным условием для восстановления доверия к Америке как к проводнику демократии во всем мире. В той же степени это относится и ко всем остальным странам, считающим себя демократическими. Такой статус подразумевает ответственность за все недоработки в деле продвижения и защиты демократии как внутри страны, так и за ее пределами.

*Идея создания клуба демократий
выглядит очень полезной для
выявления общих проблем и
поиска общих решений*

Опросы показывают, что значительное большинство людей во всех регионах мира продолжают верить в демократию. Однако они недовольны тем, как она работает на практике. Считается, что правительства не в состоянии решить основные проблемы, такие как коррупция, неравенство, потребности простых людей или угроза глобального потепления.

В ответ на нападение на Капитолий министр иностранных дел Германии Хайко Маас призвал к созданию общего «плана Маршалла» для поддержки демократии. И заявил, что необходимо изучить «причины раскола общества в наших странах».

Действительно, идея создания «Клуба демократий» выглядит очень полезной для выявления общих проблем и поиска общих решений. Поскольку многие проблемы носят трансграничный характер, подход к их решению должен быть также поверх границ. Но каковы будут критерии членства в таком клубе? Было бы странно ограничить «Клуб демократий» странами «Большой семерки» — Великобританией, Германией, Италией, Канадой, США, Францией и Японией, плюс еще Австралией, Индией и Южной Кореей.

Тем более что, по последней оценке Freedom House, Индия перешла в категорию «частично свободных» стран. А в индексе, публикуемом Economist Intelligence Unit, Франция, Италия и США оцениваются как «слабые демократии». С точки зрения демократического развития клуб должен быть открыт для многих десятков стран, имеющих сопоставимый рейтинг. Красную линию следует провести в отношении несвободных, открыто авторитарных стран.

Не следует забывать, что «Большая семерка» была подвергнута критике не в последнюю очередь из-за недостатка легитимности и прозрачности. Формат G7 не может считаться верной отправной

точкой. Одним из его недостатков является отсутствие постоянного секретариата и формальной структуры. «Клуб демократий» требует иного подхода.

Вместо этого можно было бы усилить уже существующее «Сообщество демократий», основанное еще в 2000 году. За исключением Австралии, Германии и Франции, все страны «D10» уже входят в число 29 стран-членов сообщества.

В любом случае честная оценка того, как возродить и защитить демократию, не может быть дана только дипломатами и политическими лидерами. Байден заявил, что представители гражданского общества, находящиеся в авангарде борьбы за демократию, должны быть при-

глашены на саммит, который пройдет в США. В этом же духе сеть гражданских организаций тоже должна стать частью клуба.

*Сеть гражданских
организаций тоже должна
стать частью клуба*

Кроме того, крайне важно вовлечь в работу клуба избранных представителей. В

клубе должна быть постоянно действующая глобальная сеть парламентариев от продемократических партий. Это должно быть увязано с существующими продемократическими усилиями на межпарламентском уровне и в ООН.

Клуб должен также рассмотреть вопрос о созыве транснациональной гражданской ассамблеи для выработки рекомендаций по укреплению демократии. На уровне разных стран есть хорошие примеры такого формата. Клуб и входящие в него правительства должны взять на себя обязательства по финансированию этой деятельности и реализации предложений, которые в будущем должны заручиться более широкой поддержкой.

Клуб также не должен действовать в отрыве от международных отношений и многосторонних усилий. Это должна быть развернутая во внешний мир платформа не только для продвижения демократии, но и для выработки и координации общей политической стратегии, основанной на ценностях, включая совместные «умные санкции» против основных нарушителей прав человека.

Всеобъемлющее соглашение между Китаем и ЕС об инвестициях показывает, что нарушение прав человека остается одним из основных вызовов, стоящих перед демократическим миром. Соглашение было заключено в декабре 2020 года, несмотря на то, что Китай жестоко подавляет инакомыслие, проводит кампанию геноцида против уйгуров-мусульман в Синьцзяне и усиливает военное запугивание Тайваня. Наблюдатели жалуются, что соглашение не содержит никаких обязательств в области прав человека и посылает неверный сигнал всему остальному миру.

JR. Оружейные хроники. Фрагмент. 2018

Клуб не может заменить или конкурировать с существующими механизмами глобального управления. Работа с правительствами, получившими низкий рейтинг свободы, тоже необходима для решения общих глобальных проблем. Поэтому постоянной задачей будет поиск баланса между продвижением демократии и прав человека, с одной стороны, и настоятельной необходимостью сотрудничества со всеми — с другой.

Основной целью клуба должно стать проведение общей политики в межправительственных организациях, в частности, в ООН. Исследования, упомянутые выше, показывают, что при наличии политической воли можно добиться многого. Группа должна координировать работу ООН по вопросам демократии, чтобы ООН могла противостоять авторитарному влиянию и помогать в развитии и продвижении демократии во всем мире.

*Целью клуба должно стать
проведение общей политики
в межправительственных
организациях, в частности, в ООН*

Наконец, по мере того как глобализация будет и дальше усиливать потребность в глобальной координации принятия решений, демократия должна быть распространена и на глобальные институты, как то: Парламентская ассамблея ООН или Всемирная гражданская инициатива ООН. Также необходимо создать пост Посланника ООН по вопросам гражданского общества. «Клуб демократий» будет обладать действительным авторитетом только в том случае, если будет способствовать развитию демократии и на этом уровне тоже.

Перевод с английского Инны Берёзкиной

Идея создания всемирного федералистского государства сегодня может звучать как экзотическая инициатива, но всего полвека назад ее поддерживали выдающиеся деятели, включая Черчилля и Ганди. Между тем сейчас, когда неспособность национальных государств справиться с коронавирусным кризисом и изменением климата стала очевидной, эта идея актуальна как никогда, уверены исследователи **Джонатан Блейк** и **Нильс Гилман** (Berggruen Institute). В своей статье они рассказывают, чем планетарные проблемы отличаются от глобальных, какую опасность несут в себе неудачи национальных и международных институтов и как именно нужно перестроить мировую систему управления, чтобы на планете можно было продолжать жить.

Нильс Гилман

«Национальное государство слишком мало для больших жизненных проблем и слишком велико для маленьких»

«Мое государство меня подвело»

Джонатан Блейк

Многие проблемы сегодняшнего и завтрашнего дня — от растущего уровня моря до распространения невидимых вирусов — планетарные по своей сути и масштабу. Чего не скажешь о национальных государственных институтах, которые должны эти проблемы решать. Масштаб вызовов несоизмерим с нашей способностью справляться с ними. В итоге планетарные проблемы, такие как, например, изменение климата или пандемия, остаются неконтролируемыми — и неподконтрольными.

В то же время эффект, который эти и другие проблемы оказывают на человечество, как правило, локальный. Мы воспринимаем их не как абстрактные планетарные проблемы, а как вполне локальные угрозы. Коронавирус — это общемировое событие, но разрушает наши сообщества он вполне на низовом уровне, заставляя нас оставаться дома, вынуждая бары и рестораны закрываться и подвергая риску наших друзей и родных.

Пандемия научила нас тому, что национальные правительства не справляются с управлением ни на

планетарном, ни на локальном уровне. То же самое происходит и с проблемой изменения климата. Выбросы парниковых газов происходят в планетарном масштабе, в то время как их влияние варьируется в зависимости от местности. Но ясно, что ни проблема, ни ее последствия не вписываются в национальные границы.

С одной стороны, национальные государства не могут самостоятельно смягчить последствия изменения климата, поскольку это требует коллективных действий в планетарном масштабе. При этом существующее многостороннее управление в этой сфере, закрепленное в Парижском соглашении, к которому недавно снова присоединились США во главе с Байденом, полагается на добровольное согласие суверенных национальных государств.

Ни проблема изменения климата, ни ее последствия не вписываются в национальные границы

С другой стороны, национальные государства не в состоянии справиться и с адаптацией к изменению климата: Лос-Анджелес, Майами и Миннеаполис совершенно по-разному подвержены его влиянию и требуют разного подхода. Фактически климатические воздействия этих городов имеют больше общего с городами других национальных государств (например, Кейптауном, Даккой и Москвой соответственно), чем друг с другом.

Национальное государство плохо оснащено для решения как проблем, имеющих планетарный охват, так и их последствий для локальных сообществ — от экономической нестабильности до общественного здравоохранения. Неспособность национального государства к эффективному управлению, в свою очередь, приводит к кризису легитимности. Люди во всем мире пришли к выводу, что институт, непригодный для решения проблем, не заслуживает лояльности. Растущее недовольство уже привело к политическим потрясениям в США, Европе, на Ближнем Востоке, в Южной Азии и Латинской Америке. Жители самых разных стран разделяют убеждение: мое национальное государство меня подвело.

Как заметил еще в 1977 году социолог Дэниел Белл, «национальное государство слишком мало для больших жизненных проблем и слишком велико для маленьких». Нам нужна система управления с несколькими уровнями институтов, которые будут работать над проблемами разного масштаба, не подчиняясь национальным государствам.

Вместо всемирного федералистского государства возникли многочисленные многосторонние институты. Национальные государства стали доминирующей формой политической организации только во второй половине XX века. Еще в 1940-х годах почти половина населения мира управлялась другими видами суверенных образований:

колониями, мандатами, империями, протекторатами, зависимыми и подопечными территориями, вольными городами, сюзеренитетами, доминионами.

Когда в 1947 году в Нью-Йорке проектировалось здание Организации Объединенных Наций, в зале общих собраний были предусмотрены места только для 70 государств-членов (на тот момент их было 57). Это число было превышено всего через три года после открытия здания в 1952 году. К 1976 году насчитывалось уже 147 членов, и с тех пор к ним ежегодно добавлялся в среднем еще один; сегодня их 193. За эти десятилетия национальное государство стало единственной общепризнанной легитимной формой суверенитета и основным институциональным механизмом, посредством которого организуется управление.

В первые послевоенные годы далеко не все стремились стать независимым государством.

Многие колонии, особенно в Африке и Карибском бассейне, предпочли бы быть включенными в состав государств всеобщего благосостояния, которые создавались их колониальными правителями в Европе. Но в итоге гегемония национального государства была усилена, поскольку оказалась лучшим средством для реализации подписанного постколониального проекта: достижения экономического развития и модернизации, часто красноречиво называемые «построением нации».

Незадолго до послевоенного подъема национального государства выдающиеся лидеры говорили, что лучший подход к управлению глобальными рисками (прежде всего, угрозой повторяющихся мировых войн) должен предполагать объединение суверенитетов на глобальном уровне. Между тем практически забытое сегодня Всемирное движение федералистов в эти годы отвергло идею суверенитета как «миф» и предложило концепцию «всемирного федерального правительства».

Это была не какая-то маргинальная идея: Альбер Камю, Уинстон Черчилль, Альберт Эйнштейн, Махатма Ганди, Мартин Лютер Кинг-младший, Джавахарлал Неру, Розика Швиммер и Уэнделл Уилки в то или иное время были ее сторонниками. Чикагский университет даже созвал Комитет по разработке всемирной конституции, который в 1948 году сделал красивое заявление о том, что «эпоха наций должна закончиться и начнется эпоха человечества», и призвал к созданию «всемирной федеративной республики».

В конечном итоге это движение пало жертвой идеологической вражды и борьбы за власть времен холодной войны. Вместо всемирного федералистского государства возникли многочисленные многосторонние институты, через которые суверенные государства начали работать вместе над различными конкретными проблемами.

Совет Безопасности ООН, например, отвечал за поддержание международного мира и безопасности. Всемирный банк предоставлял займы и экспертизу в области развития.

Международный валютный фонд гарантировал стабильность международной валютной системы.

Генеральное соглашение по тарифам и торговле, а затем его преемница, Всемирная торговая организация, способствовали снижению тарифных барьеров для обеспечения бесперебойной и предсказуемой мировой торговли.

В такой структуре власть над глобальными проблемами принадлежит не самим глобальным институтам, а государствам-членам. Было бы совсем несправедливо сказать, что эти институты не приносят никакой пользы, но они сильно различаются по своей мощности, неравномерно предоставляют свои услуги и имеют слепые пятна.

Одним из ответов на очевидные неудачи институтов глобального управления стало требование об обновлении суверенных полномочий. Неонационалисты во всем мире стали винить во многих локальных проблемах «глобалистские элиты», которые, по их убеждению, продали свои страны глобальной системе из явных корыстных целей. Но такая критика не решает самую серьезную проблему: неспособность национальных государств, особенно демократических, справляться с рисками, связанными с современной планетарной взаимозависимостью.

Планетарное мышление: от антропоцентризма к взаимозависимости. «Глобальный» и «глобализация» — популярные в настоящее время термины для описания проблем мирового масштаба. Термин «планетарный» тоже относится к проблемам, процессам и условиям, которые охватывают всю Землю и выходят за пределы национальных государств. Но в отличие от глобализации термин «планета» гораздо менее антропоцентричен. «Столкнуться с планетой — значит столкнуться с чем-то, что определяет человеческое существование, но при этом остается глубоко безразличным к этому существованию», — объясняет профессор Дипеш Чакрабартти (Чикагский университет).

Планетарное мышление возникает в результате продолжающихся трансформаций в области онтологии, или учения о бытии, и эпистемологии, теории познания. Теперь мы знаем, например, что люди — это геологическая сила природы, ответственная за повышение уровня углекислого газа в атмосфере до рекордных за три миллиона лет показателей, а это, в свою очередь, вызывает радикальные изменения в биогеохимии планеты. Мы также знаем, что, как и все животные, мы являемся «симбиотическими комплексами многих видов, живущих вместе»: чтобы функционировать, мы полагаемся на присутствие сотен видов микроорганизмов в наших телах.

*В конечном итоге движение за
всемирную федеративную республику
пало жертвой идеологической
вражды и борьбы за власть
времен холодной войны*

Вместе взятые эти научные открытия децентрализуют представление человека о его месте во Вселенной. Подобно открытиям Галилея или Дарвина в прежние эпохи, идея планетарности представляет собой сдвиг парадигмы. Ни с эмпирической, ни с нормативной точки зрения неадекватно полагать, как к этому подталкивает идея глобализации, что люди возглавляют глобальную иерархию, а все остальное должно и может подчиняться маршу человеческого прогресса. Земля принадлежит не только нам. Люди находятся в созависимости с микробами, климатом и возникающими межвидовыми сообществами.

Планетарность начинается со смирения и признания пределов наших возможностей контроля и потому требует переоценки того, как мы управляем и с какими целями.

Углекислому газу и патогенам безразличны международные границы. Планетарные проблемы не просто нависают над национальными государствами или существуют в промежуточном пространстве между ними, они разрушают концептуальное разделение между международным и внутренним. Если планета Земля представляет собой одно большое политическое пространство, ею нужно управлять соответственно.

Идеологии, которые продвигают идею человеческого господства над природой и технологиями, устарели. Но как разработать системы управления, соответствующие названному пониманию Земли? Управление вызовами такого масштаба требует передачи планетарных проблем «вверх» — от национальных государств к планетарным институтам. Менее масштабные вызовы, включая локальные проявления планетарных проблем, следует, напротив, делегировать «вниз», на уровень местных институтов. При таком перераспределении полномочий национальное государство будет по-прежнему играть важную роль — например, в надзоре за военными делами и распределении экономических благ, — но эта роль будет значительно уменьшена.

Разделение между этими различными уровнями управления должно соответствовать «принципу субсидиарности». Возникшая сначала в кальвинистской, а затем в католической мысли субсидиарность поддерживает точку зрения, согласно которой «социальные и политические вопросы следует решать на непосредственном уровне, совместимом с их наиболее адекватным решением».

Под институтами планетарного управления мы не подразумеваем традиционные институты глобального управления, такие как ООН, МВФ или ВОЗ. Планета требует новых объединяющих институтов в планетарном масштабе, а не только институтов государств-членов, действующих на добровольной основе. На практике это означает, что нам нужны планетарные институты, которые выходят за рамки Парижского соглашения по климату, за рамки ВОЗ по надзору за здоровьем

и за рамки Экологической программы ООН для решения проблем биоразнообразия. Кроме того, нам нужен и совершенно новый планетарный институт — для борьбы с технологическими рисками.

Расширение прав и возможностей именно местных органов власти, на наш взгляд, может позволить лидерам, которые гораздо внимательнее относятся к локальным проблемам и специфике, разрабатывать соответствующие меры реагирования и быстро меняться, а граждане смогут принимать более непосредственное участие в принятии решений, влияющих на их повседневную жизнь. Важно, что это не просто делегирование полномочий, но и продвижение горизонтальных связей между местными учреждениями.

XXI век учит нас, что существуют системы и процессы, которые находятся вне сферы полного человеческого контроля. Идеологии XIX и XX веков, которые продвигали идею человеческого господства над природой и технологиями (и институты, основанные на этом подходе), устарели.

Чтобы жизнь на Земле процветала, мы должны оставаться в конкретных жестких биофизических пределах. Нарушение определенных границ способно быстро превратить планету в гораздо менее гостеприимное место. Вирусы и бактерии, несмотря на достижения в медицине, стремятся к размножению, а новые технологии, прежде всего искусственный интеллект, могут выйти за рамки человеческого контроля.

Взаимосвязанные и дополняющие друг друга планетарные, национальные и местные институты образуют систему многоуровневого управления. Такая системная архитектура позволит руководящим органам лучше соответствовать масштабу проблемы, которую им поручено будет решать.

Да, планетарная субсидиарность не гарантирует, что мы найдем правильные ответы, а сохранение прежней системы глобального управления гарантирует, что этого не произойдет. Перед лицом будущего самым безумным было бы ничего не менять.

XXI век учит нас, что существуют системы и процессы, которые находятся вне сферы полного человеческого контроля

Пересказала Наталья Корченкова

Саммит тысячелетия — встреча мировых лидеров с 6 по 8 сентября 2000 г. в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке. Его целью было обсуждение роли Организации Объединенных Наций на рубеже XXI века. На встрече мировые лидеры ратифицировали Декларацию тысячелетия Организации Объединенных Наций. За ней последовал Всемирный саммит пятью годами позже, который проходил с 14 по 16 сентября 2005 года.

Вацлав Гавел на Саммите тысячелетия

Речь Вацлава Гавела на Саммите тысячелетия совсем невелика, на бумаге она занимает всего пару абзацев. Но при этом в ней сходятся несколько важных для Гавела мыслей, некоторые из которых он вынашивал десятилетиями.

Идеи Гавела о реформировании ООН логично встраиваются в целую серию его проектов, рожденных после Бархатной революции. Строго говоря, критиком современного ему мироустройства он был и до нее. Достаточно почитать самые известные его диссидентские тексты, включая «Силу бессильных», чтобы увидеть, что автор там отнюдь не ограничивается критикой социалистического строя. Нет, его скепсис распространяется и на западный мир, который он обвиняет в обезличивании, механизации, скрытом возникновении тех же тоталитарных тенденций, которые уже торжествовали в Восточной Европе (один из биографов Гавела, Даниэль Кайзер, пишет, что в конце семидесятых Гавел переходит из реалистов в утописты¹, а Вацлав Клаус попросту называет Гавела в одном из интервью «зеленым социалистом»²). Поэтому неудивительно, что после прихода к власти Гавел охотно делится своими мыслями о преобразовании мира. Он поддерживает идею Франсуа Миттерана о Европейской конфедерации: «Заканчивается эпоха относительно независимых друг от друга цивилизаций, теперь все взаимосвязано, все кризисы обретают глобальный контекст и глобальные последствия, и решить их тоже можно только глобально. В этой

*Иван Беляев,
журналист*

ситуации мир неизбежно движется и должен двигаться к более широкой интеграции и координации. Если он не пойдет этим путем, то обречен на катастрофу. <...> Идею Европейской конфедерации можно понимать как идеал, как стрелку компаса, как направление мысли»³. Он предлагает распустить и Организацию Варшавского договора, и НАТО одновременно⁴, потом говорит о том, что НАТО все-таки стоит сохранить, но при этом серьезно поменять военную доктрину и даже сменить название⁵; настаивает, что НАТО должно трансформироваться в военные силы ОБСЕ и стать основой новой системы безопасности⁶. Он пускается в споры о будущем Европейского союза, когда сами перспективы вступления туда Чехословакии или Чехии еще весьма туманны.

Все эти разговоры можно счесть прожектерством. В значительной степени они им и были. Европейская конфедерация осталась на бумаге. НАТО не распустилось и не поменяло названия. Чехия под руководством Гавела не стала идейным драйвером развития Европейского союза и не смогла предложить ЕС какую-то альтернативную модель будущего. Но в то же время стоит учесть, что это прожектерство вовсе не было порождено только прекраснодушием бывшего драматурга, ставшего президентом небольшой европейской страны.

«Десятилетиями [Запад] ждал падения коммунизма, но в действительности совсем не был к нему готов. Он обескуражен, он не знает, что делать. Масштаб проблем, которые вышли наружу в момент взрыва коммунизма, поразил Запад. И я не уверен, что он в достаточной степени осознает, как за-

разна и радиоактивна дезинтеграция, которая может перекинуться из нашей части Европы на Запад. Уже сейчас видно, как начинают дифференцироваться геополитические, экономические и другие интересы отдельных западно-европейских стран в зависимости от процессов в восточной части Европы. И если Запад вовремя не отразит эту опасность, эту взаимосвязанность, если в скором времени не появится новое поколение смелых политиков типа Аденауэра, де Голля, Спаака и других, то вся Европа в будущем может погрузиться в хаос», — говорил Гавел в интервью шведскому телевидению в 1993 году⁷. И потом он много раз повторял, что первые годы после крушения коммунизма, годы, которые должны были послужить для строительства нового мироустройства, напротив, оказались эпохой идейного вакуума, своего рода всеобщего замешательства, когда западные политические элиты оказались бессильны предложить новые планы и новые цели. Гавел всеми силами пытался этот вакуум заполнить, и вряд ли это только его вина, что безуспешно.

Мы видим, что значительная часть геополитических идей Гавела сосредоточена вокруг европейских проблем и устройства Европы. Это неслучайно, в чешской политической мысли вообще и в философии Гавела Чехия выступала своего рода духовным центром Европы, ее перекрестком. Но вполне естественно, что многие из этих идей легко переносятся и на мировой уровень. Например, на Саммите тысячелетия Гавел говорит о том, что в ООН необходимо сформировать нечто похожее на двухпалатный парламент⁸, а за год до этого — о двухпалатном парламенте для Европейского союза⁹.

Впрочем, конкретные предложения кажутся не столь важными. Главное здесь — представление Гавела об ответственности. Экзистенциальная ответственность, моральная ответственность индивида перед обществом — одна из главных многолетних тем его драматургии и публицистики. «Я сторонник антиполитической политики. То есть политики не как технологии власти и манипуляций с ней... а политики как одного из способов поиска и завоевания смысла жизни... политики как практической морали, как служения истине», — писал Гавел в 1984 году¹⁰.

Но с 1989 года перед ним стоит непростая задача: перенести этот диссидентский пафос в куда более циничную и беспринципную большую политику. Об этом он подробно рассказывает осенью 1991 года, получая звание почетного доктора Нью-Йоркского университета: «Представьте себе, пожалуйста, совершенно абсурдную ситуацию. Литературный критик, который известен своими безжалостными вердиктами и умением обнаружить в романе или рассказе любую фальшивую ноту, вдруг в одночасье поставлен перед задачей написать роман. Все, конечно, с любопытством и определенной долей злобы ожидают того, как ему удастся взять планку, которую он до этого поднял столь высоко, не представляя, что сам будет вынужден через нее прыгать. В подобной ситуации оказался и я... Как независимый интеллект, всю жизнь стоявший в принципиальной оппозиции режиму, я неустанно развивал свои мысли о политике как самоотверженном служении ближнему, как практической морали... Все это я писал, потому что как писатель чувствовал потребность и долг говорить об

аморальности тоталитарного режима, в котором жил, и аморальности политики тех, кто этот режим воплощал. Я чувствовал, что предал бы собственную писательскую миссию, если бы молчал об этом. Но ничего из этого я не делал потому, что хотел сам посвятить себя практической политике и думал, что пригоден к ней больше других. А потом это случилось. Хотя я не думал об этом и уж тем более не стремился к этому, революция в одночасье поставила меня во главе моей страны. Судьба надо мной явно пошутила. Как будто бы она устала от всех, кто уговаривал меня принять эту должность, сказала: раз ты такой умный, покажи всем остальным, всем, кого критикуешь, как нужно делать. Я вдруг оказался в положении литературного критика, которого заставляют писать роман, отвечающий критериям, которые он раньше предъявлял другим романистам. И потому неудивительно, что я теперь в совершенно незавидной ситуации: все мои политические действия и, в конце концов, вся внутренняя и внешняя политика Чехословакии изучаются под микроскопом, который я сам когда-то, не думая о последствиях, сконструировал»¹¹.

В той же речи Гавел говорит о том, что, став президентом, не только не разочаровался в собственных идеях, но даже еще сильнее уверился в них. Однако стали ли его попытки перенести в мировую политику и бескомпромиссную повестку, и твердые принципы ее воплощения успешными? Скорее нет. С одной стороны, утверждает французский политолог Жак Рупник, «Гавел вернул тогдашнюю Чехословакию на карту Европы. До того времени это была провинция, на которую никто на европейской сцене внимания не об-

ращал»¹², и в его словах «европейскую сцену» вполне можно заменить на «мировую». С другой стороны, это возвращение на карту во многом держалось на харизме самого Гавела. Если его призывы и не воплощались в жизнь, то по крайней мере были слышны, а его фигура — заметна. С уходом Гавела ни одной соразмерной ему фигуры из Чехии, а может быть, и всей Центральной и Восточной Европы просто не осталось.

Тем более что и сам он был, как напоминает философ Мартин Путна, «для кого-то слишком моральным, для кого-то слишком духовным, для кого-то слишком проевропейским, для кого-то

слишком проамериканским, для кого-то слишком мультикультурным, для кого-то слишком экологичным, для кого-то слишком антикоммунистическим, для кого-то слишком антикапиталистическим»¹³.

Вряд ли стоит переживать о том, что не были реализованы технические предложения Гавела о той или иной международной организации. Но его достаточно простые и понятные мысли о нравственности, последовательности и человечности в политике, об ответственности как ее главном принципе тоже остались недопонятыми и недоуслышанными.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Kaiser D. Disident Vaclav Havel: 1936-1989. — Praha: Paseka, 2009. С. 159.

² <https://www.klaus.cz/clanky/4445>

³ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/157156>

⁴ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/159163>

⁵ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/157130>

⁶ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/157148>

⁷ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/158888>

⁸ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/157317>

⁹ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/157294>

¹⁰ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/157026>

¹¹ <https://archive.vaclavhavel-library.org/File/Show/157164>

¹² Václav Havel: příležitostný portrét. Praha: Knihovna Václava Havla, 2013. С. 121.

¹³ Putna M. Václav Havel. Duchovní portrét v rámu české kultury 20. století. Praha: Knihovna Václava Havla, 2011. С. 333.

Недавний взлет протестной активности в России — это просто острая реакция на несправедливость или проявление взрослеющего гражданского общества? Изменения происходят только вокруг нас или повсюду? Есть ли у нас общий язык, который может описать эту реальность? И что все-таки первично: сам выход из комы или программа действий после?

Как будет меняться Россия в 2021 году

Дмитрий Травин,
экономист, политолог,
профессор:

Можно ли сказать, что наше общество находится в коме? Ну формально, наверное, можно. Но вообще мне такое слово не нравится. Где-то в годы перестройки было такое выражение: «наша страна больна». Эти слова создают впечатление, будто есть какое-то нормальное, здоровое состояние, какая-то такая хорошая, веселенькая страна, где все общество солидарно, люди хорошо образованны и выходят на многомиллионные акции протеста, даже если им угрожают дубинками или пулями. С моей точки зрения, такого общества не существует. И если оно формируется, то это происходит в какой-то особой, экстраординарной ситуации. Очень упрощенно можно сказать, что в 1980-е годы польское общество временами становилось таким вот мощным и солидарным. Но для того чтобы возникло такое состояние, нужны очень серьезные, особые условия. В нашей стране сейчас таких условий нет — и это не болезнь, это не кома, это нормальное состояние.

Не стоит ждать от нашего общества каких-то чудес. Мне кажется, многие ожидали, что летом такого рода чудеса проявит Беларусь, которая долго была в коме, а потом вдруг проснулась, и вот

режим Лукашенко падет со дня на день. Я внимательно следил за тем, что пишут многие коллеги, очень серьезные ученые, и даже в беседах этих коллег, к которым я с большим уважением отношусь, участвовал. Я думаю, надо нам понять, что нормальное общество — это общество, которое учится долго, оно инертно, оно тяжело просыпается. Потому что, вообще-то, конформизм — это нормальное состояние среднего человека в обществе. Если мы говорим о 140 миллионах в России, надо исходить из того, что очень много миллионов будут конформистами и лишь небольшая доля будет пассионариями, которые готовы выходить на протесты, когда бьют дубинками, когда арестовывают.

Но тем не менее преобразования постоянно происходят — в одной конформистской стране за другой. Мы видели на протяжении и XX века, и начала XXI века много волн демократизации в самых разных странах. За год до момента, когда начиналась серьезная демократизация в той или иной стране, многим и в голову не приходило, что перемены возможны. Поэтому я думаю, что у нас нет оснований ругать наше общество, говорить, что оно ненормальное, «в коме», «больное» и так далее. Надо понимать, что инертное конформистское общество не просыпается в тот момент, когда нам этого хочется, оно просыпается, когда сходитесь целый ряд разных обстоятельств.

Мы хотим, чтобы наше общество изменилось здесь и сейчас — подобно надежде, что произойдут перемены в Беларуси за несколько дней? Или мы ставим вопрос о том, готово ли наше общество вообще к переменам — в тот момент, когда откроется окно политических возможностей? Это разные постановки вопроса. Если посмотреть, есть ли какие-то ключевые факторы для перемен в России, то, скорее, ответ такой — что их нет, и дело здесь не только в обществе.

Перемены вряд ли возможны, если нет раскола элит. А раскол может состоять в том, что вдруг сверху идет импульс на перемены — как было в начале перестройки, когда пришел новый генеральный секретарь и вместе со значительной частью команды сказал: «Давайте меняться». Тогда общество оказалось гораздо более динамичным и пассионарным, чем казалось буквально за несколько дней до смерти Константина Устиновича Черненко, последнего генсека перед Горбачевым. Если сверху говорят «давайте меняться», это конформистское общество часто оказывается готово к быстрым переменам.

Если же, наоборот, начинается мощное протестное движение снизу, то очень важно, будет ли элита едина в своем желании перестрелять протестующих, или она расколется. В последнем случае массовое движение снизу может привести к переменам довольно быстро. Если раскола элит не произошло — мы видим то, что произошло в Беларуси: уж на что массовое движение, но к переменам не привело.

Готово ли наше общество к переменам в той ситуации, когда откроется окно политических возможностей? Я уверен, что готово. Так ведь и проис-

ходили перемены в нашей стране на протяжении всего XX века: появлялось какое-то окно возможностей, обычно связанное с тем, что умирал очередной вождь, — в элитах становились видны какие-то скрытые процессы расхождения во взглядах. После 1985 года мы увидели, как Горбачев, Ельцин, Лигачев стали говорить о том, что им все не нравилось раньше и как они видят будущее страны. Другое дело, что будущее они видели по-разному. Конфликт элит, бесспорно, назревает и сейчас. Причем не нравится происходящее может по разным причинам — мало возможностей для бизнеса, разрыв с Западом, где семьи и накопления, невозможность брать взятки так, как брали их до 2012 года.

Другой вопрос: на какие перемены готово общество? В момент конца 1980-х — начала 1990-х годов наше общество было очень хорошо готово к рыночным преобразованиям, а вот к демократии готово не было, потому что просто плохо понимало, зачем она нужна.

Сегодня, я думаю, общество очень быстро созревает для того, что демократия нужна. То, какой выбор сделает оно в условиях демократии, в значительной степени зависит от просвещения.

**Татьяна
Ворожейкина,**
политолог:

Я считаю, что постановка вопроса «солидарность или инертность», имеющая отношение к обсуждаемой нами теме, — неверная. Есть и те, и другие процессы. В российском обществе существуют разнообразные

формы солидарности, они множатся, становятся более многообразными, охватывают достаточное количество людей. Различные сборы денег для инвалидов, для больных и бедных людей, для животных; помощь политзаключенным и т.д. — если вы в это вникнете, то увидите, насколько эти сети живые и развивающиеся.

Другое дело, не существует ли эта солидарность только внутри нашего пузыря? Мне так не кажется. Хотя это вопрос, не имеющий ответа, потому что все зависит от инструментов познания реальности. Я уже давно и публично не соглашаюсь со Львом Дмитриевичем Гудковым, когда он говорит о дефиците средств понимания и объяснения современной действительности. Глупо спорить, что эти средства несовершенны, но тем не менее мне кажется, что появляется достаточно много инструментов для адекватного понимания развивающегося в России гражданского общества. Здесь я могу сослаться на работы Григория Юдина и целого ряда исследователей и активистов, которые это подтверждают.

В какой мере опросы и даже фокус-группы, количественные и качественные исследования и их методология, разработанная для развитых демократических обществ, адекватны для обществ, находящихся в условиях авторитарного режима? Кирилл Рогов в своих работах, на мой взгляд, достаточно успешно пытается эту проблему решать, внося поправку в те выводы, которые делаются на основании опросных данных.

Я прочла выступление Виктора Шендеровича, где он говорит, что общества нет, а если бы оно было, то, грубо говоря, не посадили бы Навального,

и Азара тоже не посадили. Мне кажется, это не так. Речь идет о нарастающем противостоянии, о нарастающем нежелании все большего количества людей с этим произволом мириться. А осуждать людей, что они, будучи побитыми или отсидев в жутких условиях в Сахарово, сразу же не выходят снова, на мой взгляд, неверно.

Мне кажется, источник изменений действительно содержится в обществе, общество развивается, формы солидарности в нем становятся все более многообразными и устойчивыми. Это не исключает того, что общество фрагментировано, а проявления гражданской солидарности локальны и пока что с трудом объединяются в какое-то единое целое.

Что делать? Продолжать эти протесты или, как это стало почти всеобщим занятием — писать разнообразные программы будущего переустройства, чтобы быть готовыми к моменту X? Мне кажется, это очень достойное занятие, но оно, к сожалению, заменяет обсуждение очень тяжелой проблемы: а как, собственно, этот момент X приблизить? Совершенно невозможно себе представить, что вдруг произойдет обрушение или какая-то более или менее мирная трансформация авторитарного режима и вдруг появится какая-то волшебная программа, по которой все согласится действовать. Подобная подготовка универсальной программы мне кажется бессмысленной, потому что демократия — это договоренности о том, что и как нужно делать. Из вполне демократической революции 1991 года вырос авторитарный режим — потому что, говоря словами Галича, были товарищи, которые знали, как надо, и были готовы ради этого на все. Поэтому мне

кажется, что программы необходимы, но нужно понимать, что в условиях демократической конкуренции и достижения демократического консенсуса — а ровно об этом идет речь, если мы говорим об отказе от авторитарного режима — они будут результатом компромисса.

С моей точки зрения, авторитарный режим в России сформировался уже в начале 2000-х годов, и это не «гибридный режим», не режим «авторитарной модернизации», это вполне традиционалистский тип авторитаризма, основанный на единстве власти и собственности и полном выхолащивании государственных институтов. Система частной власти одновременно контролирует и властные рычаги, и репрессивные структуры, и наиболее прибыльные сферы экономической активности. Здесь трудно говорить о государстве в общепринятом смысле слова — как системе публичных институтов. Власть — политическая и экономическая — сосредоточена в руках достаточно узкого круга людей, фамилии которых мы все знаем.

Мне кажется, что разложение режима может идти прежде всего под воздействием давления снизу — не только политического, но и социального. Успешные примеры трансформации авторитарных режимов в демократические в Испании, Бразилии, Польше — это все примеры того, как раскол элит происходит под воздействием нарастающего демократического движения, включающего движение социальное. Во всех этих странах важнейшей составной частью движения за демократию были профсоюзы. Что касается раскола элит в нынешней России, то, с моей точки зрения, его пока нет. Фур-

гал — это не пример раскола элит, это паршивая овца. Это не массовое явление. Но даже при наличии нарастающего демократического движения снизу раскол элит может и не произойти. Ни в Венесуэле, где в 2014, 2017 и 2019 годах сотни тысяч людей выходили на улицу, ни в Беларуси, где элиты схвачены мафиозной круговой порукой, их раскола не происходит (или пока не происходит).

Изменения могут настать быстро, а могут не происходить десятилетиями. И то, и другое верно. Главная проблема российского общества сейчас — проблема политического действия, точнее, его отсутствия. Сложилась ситуация, когда накопленный в обществе социальный и политический потенциал некуда направить, поскольку политическая сфера полностью заблокирована. Возвращение Навального в страну было именно попыткой внесения в повестку субъектного политического действия, чтобы разрушить эту блокировку, мобилизовать накопленный в обществе потенциал и направить его в политическую сферу.

Николай Петров,
политолог,
политгеограф:

Начну с расхожего образа стакана, который наполовину полон и наполовину пуст. Мне кажется, он пуст не просто потому, что чего-то не хватает, а он пуст на политическую половину и полон на половину общества, которое модернизируется в своей повседневной жизни. Концепция социолога Эллы Панеях заключается в том, что общество стремительно модернизируется, а

власть, наоборот, становится все более архаичной. И все время растет разрыв между ними, который рано или поздно приведет к тому, что власти придется тоже модернизироваться. У меня всегда был по этому поводу вопрос: откуда может происходить модернизация общества, если не работают институты политической модернизации? Если нет выборов, если нет местного самоуправления, откуда могут набираться демократические установки не просто как абстрактное желание демократии, а как умение и практические навыки ею пользоваться?

Но теперь я примирил это в своем представлении с помощью концепции этого пустого стакана. Общество модернизируется в повседневной жизни, мы видим солидарность, благотворительность, моментальный сбор средств на важные правозащитные нужды, социальный капитал здесь в этой сфере растет. Но общество в политическом измерении у нас становится еще более архаичным, потому что нет никакой практики, которая могла бы его модернизировать. И отсюда возникает ощущение замкнутого круга. Нет практики, есть недоверие, разорвать этот круг можно только совместными действиями, а эти совместные действия крайне ограничены.

С тем, что нужно сначала выйти из комы, а потом решать, что делать дальше, я не согласен; это напоминает анекдот про бассейн: научитесь прыгать, а потом воду нальем. Мне кажется, происходящее нужно рассматривать на двух уровнях: на уровне граждан и на уровне активистов. На уровне активистов, безусловно, должны разрабатываться программы — и не только потому, что их надо в какой-то момент

реализовывать. Да у нас много раз даже на нашем веку возникала ситуация, когда открывается окно возможностей, а воспользоваться им не успевают, потому что ничего не готово. Работа над программами важна и сама по себе — как способ осознания и формирования повестки, как одна из демократических практик и серьезный этап более масштабной демократической практики в реальной жизни. При этом гражданам предложить что-то привлекательное в смысле программы довольно сложно, потому что работает ловушка популизма: все привлекательное, что только можно себе представить, власть уже перехватила и гражданам предлагает. Впрочем, здесь важны и самоорганизация активистов, и выстраивание диалога с гражданами.

Важно понять, насколько модернизация общества и его усложнение, которые, безусловно, сейчас происходят в сфере повседневности, могут быть конвертированы в политическую сферу и насколько общество может быстро развиваться там, где пока не имеет возможности развиваться? Думаю, что чем больше социального капитала набирается вне политической сферы, тем реальнее выглядит перспектива использовать его в дальнейшем в политике, когда такие возможности возникнут. К тому же наработанные демократические практики из 90-х и нулевых остаются в памяти граждан, и восстановление их займет гораздо меньше времени, чем когда-то заняло становление.

Прежде всего, мне кажется, не стоит мыслить такой простой дихотомией «общество — власть». Кажется, что власть очень консолидирована, но на самом деле это не так. Вот простой

пример: Сергей Фургал. Это был элемент системы, абсолютно лояльный и послушный и вдобавок связанный с ЛДПР, и вот его избирают, и он превращается в народного губернатора. Он ощущает, что он зависит во многом от людей, а не только от Кремля. Он начинает вести себя так, как люди хотели бы, чтобы он себя вел. Кто-то скажет, что системные партии — они уроды и младшие партнеры партии власти, потому что у них нет выбора. Но как только выбор появляется, они начинают играть совсем иначе.

Но, к сожалению, наша страна не пассионарная даже по Гумилеву, и рассчитывать на то, что вот вдруг у нас эта пассионарность откуда ни возьмись появится, мне кажется, было бы странно. Второй минус — это политэкономическая предопределенность. Когда страна живет фактически на одном виде ресурсов, контроль над ними довольно легко монополизировать. Сценарий, при котором в стране растет до какого-то уровня доход на душу населения и дальше начинается расцвет демократических институтов, у нас не работает. Украина очень сильно от нас отличается в политическом плане не потому что украинцы какие-то пассионарии, а потому что там совсем другая экономическая база, несколько конкурентных видов ресурсов и всегда есть конкуренция между олигархами. Третий важный фактор: у режима много накопленных ресурсов, и финансовых, и силовых, в импровизационном плане он очень гибок и способен каждый раз находить выход из тяжелых для себя ситуаций.

И наконец, отсутствие маяка. Во времена перестройки все было очень просто: у нас плохо, но посмотрите, как хорошо в Америке, как хорошо в Европе, давайте мы примем другие правила игры и будем жить как они. Оно и тогда было не совсем так, а сегодня это совсем не так.

Вывод для каждого из нас очень простой: не опускать руки, думая о невозможности изменить систему в целом, или сделать что-то грандиозное в масштабах страны. Нужно делать что-то, не заикливаясь на том, что это маленькое дело, которое не обязательно моментально глобально повлияет на ситуацию.

Очень важно не соизмерять результаты своих усилий с общей страновой динамикой. Заставить власть суетиться и блокировать все дыры, которые люди нашли, — это уже очень хороший результат. Например, власть переходит с голосования по спискам к голосованию по одномандатным округам, чтобы получить для себя замечательный результат. Это отчасти верно, но, с другой стороны, власть вынуждена искать таких кандидатов, которые смогут победить в одномандатных округах, не из числа своих обычных рядовых, а незапятнанных, относительно популярных. Это выламывание из общей, казалось бы, очень монолитной пирамиды целых больших кусков. Режим выглядит мощным, забетонированным и абсолютно стабильным, но мы никогда не знаем, какой капли, какой дырочки, какой трещины будет достаточно, чтобы все посыпалось.

Записала Наталья Корченкова

Трудно вспомнить более неблагоприятную международную обстановку со времен окончания холодной войны, считает **Бобо Ло**, независимый аналитик, научный сотрудник Французского института международных отношений (IFRI). Отношения между Вашингтоном и Пекином достигли низшей точки за полвека, темпы глобального потепления ускоряются, и надежд на разрешение климатического кризиса все меньше. Параллельно продолжает свирепствовать пандемия коронавируса, унося тысячи жизней, а мировая экономика переживает самый серьезный кризис после Великой депрессии.

Внутриполитическая ситуация в разных странах не менее тревожная. В Соединенных Штатах толпа ультраправых, поощряемая уходящим президентом, захватывает Капитолий, в России лидера оппозиции пытаются убить, а затем сажают в тюрьму, в Китае продолжается систематическое преследование уйгуров в Синьцзяне, в Индии из-за националистической политики правительства миллионы мусульман могут оказаться лишены гражданских прав, а в ЕС пытаются справиться с растущим влиянием «нелиберальных демократий», популизмом и Брекзитом.

Пейзаж настолько мрачен, что в обозримом будущем перспективы позитивных перемен невелики. В любой момент все может стать только хуже. Противостояние между США и Китаем может перерасти в прямую конфронтацию. Напряженность в отношениях России с Западом может еще более обостриться из-за Украины. Глобализация в международной торговле может уступить место обособленности и экономической автаркии. Пандемии могут стать более частыми и разрушительными. Нет сомнений, что и температура на планете будет повышаться — пока большинство стран остаются зависимыми от ископаемого топлива.

Бобо Ло,
независимый аналитик

Что изменится в мире в ближайшее десятилетие*

В этих обстоятельствах было бы естественным впасть в фатализм, признать неизбежность конфликта крупных сил, деглобализации и раскола мира по идеологическим и нормативным принципам. Но не стоит недооценивать свободу воли и слишком легко поддаваться логике исторического детерминизма, полагает Бобо Ло. Он уверен, что у 2020-х есть шанс удивить нас: все может измениться к лучшему.

«Под благочестивой риторикой либерального интернационализма оказалась корыстная реальность». Либеральный, основанный на правилах миропорядок закончился. Новый порядок еще не сформировался, а пока возникший вакуум заполнил мировой беспорядок. Он выходит далеко за рамки кризиса либеральных ценностей, норм и институтов и включает в себя множество других элементов:

* CIRSD, Horizons Winter 2021, № 18.

отсутствие ясности и консенсуса в отношении международных правил игры, дискредитацию многосторонних институтов, снижение авторитета великих держав, а также обострение конфликтов вокруг идеологии, идентичности и культуры.

Распад либерального миропорядка происходил на протяжении последних двух десятилетий. Знаковым событием здесь стало решение Джорджа Буша о вторжении в Ирак в 2003 году. Вашингтон пошел на это не только вопреки позиции союзников по НАТО, в том числе Франции и Германии, но и в обход Организации Объединенных Наций. Это решение подтвердило убеждение других крупных игроков — в первую очередь России и Китая, уверенных в своей исключительности, — в том, что либеральный миропорядок был просто уловкой, призванной оправдать корыстные интересы США. Кроме того, выяснилось, что американская мощь куда менее грозная, чем это могло казаться: затяжные войны в Ираке и Афганистане, провал интервенции НАТО в Ливии в 2011 году и пассивный ответ на гражданскую войну в Сирии вскрыли слабость либерального Запада.

Президентство Дональда Трампа обострило эти проблемы. Мир стал свидетелем странной инверсии: демократические союзники Америки подвергались запугиванию и отчуждению, в то время как авторитарным лидерам, наоборот, потворствовали.

Еще больше все усугубила пандемия. В Соединенных Штатах и Великобритании — знаменосцах либеральных ценностей — в первый ее год был зафиксирован самый высокий уровень

смертности на душу населения среди крупных стран. А под благочестивой риторикой либерального интернационализма оказалась корыстная реальность: богатые западные страны накапливают вакцины, не давая распределить их в развивающемся мире.

«Нарушение международных соглашений или выход из них стали обычным делом». Коронавирус стал

Либеральный, основанный на правилах миропорядок закончился, а возникший вакуум заполнил мировой беспорядок

катализатором существовавших ранее тенденций, в том числе усилил напряженность между крупнейшими мировыми игроками и обострил националистические проявления. Но одновременно пандемия подчеркнула универсальный характер проблем и необходимость дать на них коллективный ответ.

Многосторонние институты между тем находятся в кризисе. Организация Объединенных Наций и ее различные органы, от Совета Безопасности до Всемирной организации здравоохранения, едва ли когда-то выглядели столь дисфункциональными. Всемирная торговая организация сталкивается с серьезными протекционистскими настроениями, а Всемирный банк и Международный валютный фонд постоянно испытывают растущую нагрузку.

Потребность в многостороннем сотрудничестве очевидна, однако национальные государства — в первую очередь крупнейшие державы — сделали эффективное функционирование международных институтов практически невозможным.

Нарушение международных соглашений или выход из них стали обычным делом. Наиболее яркие примеры — решения Трампа вывести Соединенные Штаты из Парижского соглашения по климату и Транстихоокеанского партнерства или отмена Совместного всеобъемлющего плана действий в отношении иранской ядерной программы. Не меньший ущерб нанесло и отклонение Пекином решения Постоянной палаты

Пандемия подчеркнула универсальный характер проблем и необходимость дать на них коллективный ответ

третейского суда от 2016 года по территориальному спору в Южно-Китайском море. Аннексия Москвой Крыма и военная интервенция в Донбассе были грубым нарушением обязательств по Будапештскому меморандуму 1994 года, который обязывал обеспечивать территориальную целостность Украины.

«Будущее, каким бы парадоксальным оно ни казалось, за многосторонним подходом». Часто говорят, что новый глобальный порядок возникнет в результате борьбы между великими державами, очевидно, между Соединенными Штатами и Китаем. Однако правда в том, что великие державы редко бывали более бессильными, чем сегодня: как в своей способности навязывать свою волю другим, так и в умении справляться с проблемами, стоящими перед человечеством. Соединенные Штаты, например, столкнулись с множеством геополитических проблем и деградацией своего морального авторитета. Инициатива Пекина «Один пояс, один путь»

вызывает растущее сопротивление, поскольку страны все больше опасаются амбиций Китая. А попытки Москвы вновь утвердить свое превосходство на постсоветском пространстве в значительной степени потерпели неудачу.

Правительства и лидеры попали в порочный круг. Осознавая хрупкость своей легитимности, они прибегают к национализму и культурным войнам, торгуют «хлебом и зрелищами» и манипулируют средствами массовой информации и историческими нарративами. При этом они игнорируют реальные проблемы, которые в результате становятся еще более трудноразрешимыми.

Чувство принадлежности к глобальному сообществу улетучивается. Реакция на пандемию подтвердила, что большинство правительств — как демократических, так и авторитарных — придерживаются узкого и краткосрочного взгляда на национальные интересы.

Но без возрождения глобального управления, каким бы несовершенным оно ни было, не удастся достичь эффективного решения универсальных проблем. Будущее, каким бы парадоксальным оно ни казалось, за многосторонним подходом.

Мир в 2020-е годы. Что дальше? Избрание Джо Байдена возродило на Западе надежды на обновление глобального лидерства США и новую жизнь для либерального миропорядка. Но в свете современных реалий эти перспективы не выглядят слишком реалистичными: в отличие от прошлого века, мир уже не готов принять американское лидерство в его прежней доминирующей форме.

Но это не означает, что Байдену стоит прекратить распространять идеи либерального интернационализма. Он выступает как оппонент Трампа, противоположность циничной аморальности последних четырех лет; на кону его авторитет. Кроме того, несмотря на то, что Китай постепенно навязывает свою авторитарную модель глобального управления, вряд ли он сможет вытеснить Америку — по крайней мере, в ближайшее десятилетие. Соединенные Штаты остаются выдающейся мировой державой по всем значимым критериям — военным, экономическим, технологическим, культурным. Например, США имеют запасы ядерных боеголовок (5800) в 18 раз больше, чем у Китая (320), доминируют в мировой экономике и финансах, являются ведущим экспортером газа в мире и входят в большую нефтяную тройку. Тем не менее Китай будет конкурировать с Соединенными Штатами независимо от того, в каком направлении пойдет его политика. И разрыв между ними в ближайшее десятилетие сократится.

Европейская стратегическая автономия при этом останется иллюзией: страны ЕС не имеют ни возможностей, ни амбиций — за исключением Великобритании и Франции — играть важную геополитическую роль. Соединенные Штаты будут гарантом европейской безопасности, а жизнеспособность НАТО будет зависеть от Вашингтона и американских военных обязательств перед Европой. Европа, скорее всего, будет постепенно терять влияние в международных делах. А геополитика утрачивать свою важность. Все бо-

лее очевидным будет становиться то, что проблема изменения климата имеет гораздо более прямое отношение к человечеству, чем баланс сил и раздел сфер влияния. Человеческие потери от глобального потепления (по данным ВОЗ, 150 тыс. смертей в год) и загрязнения воздуха (7 млн смертей в год) значительно превышают потери от всех военных конфликтов со времен Второй мировой войны.

Военная мощь, вероятно, отойдет на второй план — по сравнению с экономическим влиянием, технологическими инновациями, успехами в киберпространстве и политической эффективностью. Перспективы пост-трамповской Америки восстановить

Проблема изменения климата имеет более прямое отношение к человечеству, чем баланс сил и раздел сфер влияния

свою роль в международной системе не зависят от ее военного потенциала. Готовность России прибегнуть к силе мало что сделала для укрепления ее стратегических позиций на постсоветском пространстве. И военная деятельность Китая в западной части Тихого океана настраивает против него все большее число стран.

Соревнование за региональное и особенно глобальное влияние станет самым ожесточенным в экономической и технологической сферах. Поэтому в этом смысле в течение следующего десятилетия Соединенные Штаты будут по-прежнему оставаться державой номер один в мире, Китай продолжит расти, а Россия — стагнировать (если не рухнет совсем).

«В ближайшее десятилетие мы увидим существенные изменения в функционировании многосторонности». Без многосторонности у человечества нет надежды на борьбу со множеством глобальных угроз — от изменения климата, глобального неравенства и пандемий до региональных конфликтов и ядерной угрозы.

Успех многосторонности в значительной степени зависит от совершенствования работы международных институтов. Это будет непросто. Многосторонние организации эффективны настолько, насколько это позволяют национальные государства. Во время коронавируса ВОЗ сначала оказалась заложником Пекина, затем стала козлом отпущения со стороны администрации Трампа и, наконец, понесла ущерб от стремительного ухудшения отношений между США и Китаем.

Скорее всего, в ближайшее десятилетие мы увидим существенные изменения в функционировании многосторонности. Организация Объединенных Наций может сохранить свой формальный статус в качестве основного органа, принимающего глобальные решения, но на практике многосторонние полномочия и влияние будут широко распространяться.

Жестко институционализированные партнерства и связывающие обязательства уступят более открытым договоренностям. Они, в свою очередь, будут основываться скорее на интересах и проблемах и с высокой долей вероятности будут длиться только до тех пор, пока конкретная проблема остается актуальной, а государства-участники продолжают разделять заинтересованность во взаимодействии.

Можно ожидать налаживания многостороннего сотрудничества на региональном уровне. Средние и малые страны заявят о себе. Негосударственные субъекты — технологические компании, поставщики возобновляемых источников энергии, медиасети, организации гражданского общества различных типов — будут приобретать все большее влияние.

Ключом к будущему является свобода воли, а не исторический детерминизм. Человечество могло бы извлечь уроки столетней давности, последнего десятилетия, а особенно прошлого года. Пандемия коронавируса высветила то, что должно было быть очевидным для всех: хорошее управление действительно имеет значение, а его отсутствие влечет за собой чудовищные человеческие и материальные последствия.

Пересказала Наталья Корченкова

Немыслимый альянс

Опыт сотрудничества СССР с западными державами во Второй мировой войне

*Андрей Колесников,
руководитель программы
«Российская внутренняя
политика и политические
институты»
Московского центра Карнеги*

Выступая 19 февраля 2021 года на Мюнхенской конференции, Джозеф Байден объявил о «возвращении» Америки, а вместе с ней и трансатлантического союза, включая приверженность его военной составляющей. Защита демократии, в том числе от России, понимаемой как угроза трансатлантическому единству, лежит в основе ценностного подхода американского президента к политике. В рамках этой своего рода «доктрины Байдена» речи о сближении с путинской Россией не идет: позиция Запада скорее оборонительная, максимум, чего можно добиться, — «не возвращаться к... жестким блокам времен холодной войны»¹.

В таких обстоятельствах возвращение к идее «большой сделки» между США и Россией или, шире, между трансатлантическим Западом и Россией представляется абсолютной утопией. При наличии сфер прагматического взаимодействия — обычно скороговоркой упоминаются климат, коронавирус, терроризм, вопросы стратегической стабильности и ядерного нераспространения — ценностные и, как теперь принято абстрактно выражаться, «геополитические» различия слишком велики, чтобы какое-либо партнерство стало возможным. Исторический опыт, впрочем, дает образцы такого взаимодействия. В обратной исторической перемотке это как минимум «перезагрузка» Обамы — Медведева, разрядка Никсона — Брежнева, наконец, антигитлеровская коалиция времен Второй мировой войны.

Ценности и «геополитика»

История Второй мировой не столько воссоздает напрасные иллюзии по поводу возможного тесного партнерства по образцу «Большой тройки» — США, Великобритания, СССР (притом что в терминах

проективного мышления Франклина Рузвельта можно было говорить о «четырех полицейских», где четвертое звено — Китай), сколько преподает уроки. Впрочем, это еще и уроки трансатлантического партнерства, которое никогда не было благостным. И в этом плане его «возвращение» скорее метафора выхода из трампиистой внутри- и внешнеполитической модели, чем обозначение какого-то конкретного исторического периода во взаимоотношениях Европы и США.

Ценностный каркас западного альянса сложился, как и союз англосаксонских стран с СССР во Второй мировой, благодаря появлению общего страшного врага. Негативная идентичность часто позволяет более четко сформулировать объединительную платформу. В начале августа 1941-го в бухте Пласенсия на военной базе Арджентия на острове Ньюфаундленд Черчилль и Рузвельт подписали Атлантическую хартию — восемь принципов, которые не просто заложили основы военного союза Британии и США, а также контуры возможного постгитлеровского мирового порядка, но и сформировали ценностный каркас того, что мы сегодня привыкли называть «Западом». Среди этих принципов были: право наций на выбор своей формы правления, восстановление «суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем»; свободный доступ всех стран, великих или малых, к мировой торговле и сырьевым ресурсам, необходимым для экономического процветания государств; глобальное экономическое сотрудничество и повышение благосостояния. По замечанию английского исследователя Кристофера Коукера, «Запад был в

равной мере *идеей* и союзом»². Притом что «без Второй мировой войны названный союз был бы невозможен»³. К хартии присоединился и СССР, но отнюдь не из-за того, что разделял идею формирования коллективного Запада, а потому что у Советского Союза, Британии, Соединенных Штатов (которые тогда еще не вступили в войну) и еще ряда стран появился общий враг.

Исчезновение же общего врага предопределило стремительный развал альянса Советского Союза и западных держав. Как и сегодня, ценности и «геополитика» сыграли свою определяющую роль. Ялтинская конференция февраля 1945 года обозначила высшую точку союзнических отношений, которая одновременно стала началом конца «Большой тройки». На заключительном банкете, проведенном в фирменной сталинской стилистике — он длился четыре часа и был отмечен 45 тостами, — Сталин заметил: легко сохранять союз во время войны, поскольку есть общий враг, труднее будет сохранить его после войны, когда у союзников обнаружатся разные интересы⁴. 5 марта журнал Time предсказал начало конфронтации со «сталинской Россией»⁵. В конце марта Черчилль выразил свою обеспокоенность Рузвельту, заметив, что ялтинские договоренности не соблюдаются Сталиным⁶. С этим соглашался и американский президент⁷.

Уже после того как противоречия усугубились, «железный занавес» опустился между зонами влияния, а со сцены сошли два представителя «Большой тройки», Рузвельт и Черчилль, президент Гарри Трумэн, мотивируя американскую экономическую помощь Греции и Турции, в марте 1947 года заговорил с позиций ценностей. Эта его

речь в конгрессе вошла в историю как «доктрина Трумэна»: «Я верю в то, что мы должны помогать свободным людям формировать свою собственную судьбу так, как им самим хотелось бы. Я верю, что наша помощь должна быть в первую очередь экономической и финансовой»⁸. Недели раньше в Бэйлорском университете Трумэн говорил о первостепенной важности свободы вероисповедания, свободы слова и свободы предпринимательства. Разумеется, эта речь всегда оценивалась в СССР как доктринально оформленная готовность США вмешиваться в дела других стран⁹.

Столкнувшись с такого рода решительными шагами США, Сталин во время своей встречи с Джорджем Маршаллом в апреле 1947 года говорил о возможности компромиссов. Но лишь убедил нового государственного секретаря США в том, что они более невозможны. «Сталин зарвался, отстаивая свою позицию, — писал Киссинджер, — ибо никогда не понимал психологии демократических стран, особенно Америки. Результатом стал “план Маршалла”, Атлантический пакт и наращивание Западом военных потенциалов»¹⁰.

План помощи Европе, объявленный Джорджем Маршаллом 5 июня 1947 года, был оценен как шаг в направлении организации «западного блока против Советского Союза»¹¹ и покушение на зону влияния Сталина: странам — сателлитам СССР было запрещено становиться реципиентами «плана Маршалла». Академик Евгений Варга, которому был поручен анализ «плана», написал о других его неприемлемых для СССР свойствах — отмене «железного занавеса», возможностях свободного пере-

движения товаров, экономической и политической информации¹².

Оставался год до прямого противостояния СССР и западного мира — блокады Западного Берлина в 1948 году. Берлинский кризис, как и грубая коммунизация власти в Чехословакии в том же 1948 году, вынудили Запад задуматься о коллективной военной обороне — так возникла идея НАТО¹³.

Идеологические истоки противостояния

Продвижение идей атлантизма методами экономической помощи («план Маршалла») было дополнено военным союзом. Бинарная конструкция холодной войны — коллективный Запад, ведомый Соединенными Штатами, и СССР с восточным блоком — оставила такие глубокие следы, что идеологические различия и даже попытки восстановления политики контроля за сферами влияния словно бы воспроизводятся спустя десятилетия. Это типичный «эффект колеи»: после короткого эпизода «конца истории» эта самая история не просто вернулась — скорее, в исторической ретроспективе противостояние СССР/России и Запада представляется нормой, а не отклонением от нормы. Впрочем, здесь следует оговориться: внешнеполитическая линия России полностью зависит от вектора внутренней политики. И если авторитаризм разной степени жесткости присутствует и в постсоветской России времен Владимира Путина, то и противостояние с Западом разной степени враждебности тоже неизбежно.

И это противостояние, помимо геополитической мотивации, имеет определяющие идеологические корни.

Геополитика, если понимать под ней мышление в категориях сфер влияния, — это производная от идеологии. Во времена советских вождей — идеология коммунистическая. В нынешние времена — традиционалистская доктрина Путина, представляющая собой смешение национализма и русского империализма с тем, что сам Кремль называл «скрепами», мифологическими представлениями об исконно российских традициях. Этот идеологический каркас ныне закреплён в Конституции РФ и лежит в основе почти официальной исторической политики¹⁴.

Неотъемлемая часть этой идеологии — наличие у России внешнего врага. Его постоянное наличие оправдывает жесткость (а иногда некомпетентность) внутреннего управления, в том числе экономической политики, где очень много государства.

Эта идеологическая парадигма и в самом деле вернулась или пережила самовоспроизведение как раз со времен окончания Второй мировой войны. Именно тогда, ещё до Фултонской речи Черчилля, но уже после февральского (1946 года) выступления Сталина в Большом театре о победе в войне именно советского государственного строя, советник посольства США Джордж Кеннан подготовил свою «длинную телеграмму» № 511. Кеннан анализировал исторические корни авторитарной природы российской власти, поэтому его анализ остается в высокой степени актуальным: «В основе невротического восприятия Кремлем мировых событий лежит традиционное и инстинктивное русское чувство неуверенности в собственной безопасности. Первоначально это была неуверенность мирного, земледельческого народа, пытающегося

выжить на открытых равнинных пространствах в непосредственной близости от воинственных кочевых племен. На это, по мере того как Россия вступала в контакт с экономически передовым Западом, стал накладываться страх перед более компетентными, более могущественными, более высокоорганизованными сообществами. Такой вид неуверенности в собственной безопасности скорее характерен не для русского народа, а для русских властей, ибо последние не могли не ощущать, что их правление относительно архаично по форме, хрупко и искусственно в своем психологическом обосновании и не способно выдержать сравнение или сопоставление с политическими системами западных стран. По этой причине они всегда боялись иностранного проникновения...»¹⁵.

Вывод о том, что советский режим всегда нуждался во внешних врагах, чтобы оправдать характер своего внутреннего правления, Кеннан обосновал в своей знаменитой статье в *Foreign Affairs* «Истоки советского поведения»¹⁶. Любопытно, что, покинув пост посла США в России в 2014 году, Майкл Макфол пришел к схожим выводам и призвал расстаться с иллюзиями по поводу самой возможности присоединения путинской России к мировому порядку: «В дополнение к усилению автократии Путин в целях большей легитимации стал нуждаться во враге — Соединенных Штатах»¹⁷.

Сферы влияния и срыв перезагрузки

Разумеется, альянс сталинского СССР, Британии и Соединенных Штатов был вынужденным и представлял собой прежде всего военный союз. В пред-

ставлении Рузвельта он претендовал на строительство совместными усилиями нового миропорядка, основанного на коллективной безопасности, а не на разделе сфер влияния и балансе сил. Черчилль, будучи лидером терявшей позиции британской империи, напротив, совершенно четко мыслил в категориях раздела сфер влияния, прекрасно понимая логику Сталина: что бы там ни говорилось в ялтинских документах о формировании правительств на основе демократических выборов в освобожденных от Гитлера странах, территории, где прошла Красная армия, останутся зонами контроля сталинского СССР.

Черчилль надеялся, что он не опоздал к разделу мира, когда отправился с визитом к «дядюшке Джо» в октябре 1944 года (так называемая Четвертая Московская конференция с кодовым титулом «Толстой»): войска союзников делали успехи, но Красная армия еще быстрее продвигалась на Запад. Пора было поговорить о сферах влияния, причем без Рузвельта, который был противником такого подхода к отношениям союзников-победителей. Московская конференция была отмечена знаменитым эпизодом, когда Черчилль, допустив, что такой циничный шаг не одобрил бы Рузвельт, предложил Сталину раздел ряда Балканских и центральноевропейских стран в процентах. Сталин легко согласился, прекрасно понимая, что никакие условные расчеты не помешают ему довести, например, предлагавшиеся в Румынии 90% или в Болгарии 75% до 100%. Кроме того, советский вождь уже получил заверения Рузвельта в том, что СССР сможет проводить абсолютно самостоятельную политику в Румы-

нии, Болгарии, Буковине, Восточной Польше, Литве, Эстонии, Латвии, Финляндии. Еще до Тегерана президент США согласился сам с собой в том, что Польшу придется отдать Сталину¹⁸. «В британской политике, — отмечал Киссинджер, — просматривалась доля дерзкого отчаяния. Никогда еще сферы влияния не определялись в процентах. Не существовало никаких критериев или средств контроля за соблюдением принципа долевого дележа. Влияние всегда определялось присутствием соперничающих армий»¹⁹.

На Потсдамской конференции лета 1945 года союзники приняли решение о разделе Германии и Берлина на зоны. Это было признанием несовпадающих интересов и, строго говоря, единственно возможной для Запада политикой — зафиксировать хотя бы фактические территориальные зоны влияния, раз уж все равно придется учитывать непримиримость Сталина, требовавшего «платы за свои победы в единственной валюте, воспринимаемой им всерьез, — в форме контроля над территориями»²⁰. Джордж Кеннан летом 1945-го выступал за раскол Европы и расчленение Германии как за единственную реалистическую стратегию²¹. И хотя это была всего лишь позиция советника посольства США в Москве, в результате именно она объективно и стала «дорожной картой» для Запада. Не говоря уже о том, что послевоенная консолидация сфер влияния стала основой мирового порядка на более чем четыре десятилетия вперед.

В 2009 году в своей речи на Мюнхенской конференции Байден следовал в фарватере рузвельтовской доктрины отказа от сфер влияния: «Мы не можем признать, что какая-либо нация

может иметь сферы влияния»²². В той же мюнхенской речи 2009 года Байден упомянул понятие «перезагрузка», которое могло дать название целой эпохе, схожей с «разрядкой», если бы попытка обновить отношения США и России имела продолжение: «Пора нажать на кнопку перезагрузки и пересмотреть многие области, в которых мы могли бы работать вместе с Россией»²³.

Одной из причин провала процесса перезагрузки, которую начали Обама и Медведев, но не продолжил Путин, стала фрустрация путинских элит как раз в связи с невозможностью адекватного проведения политики раздела зон контроля, притом что НАТО расширялась на восток, а в Восточной Европе размещались американские системы ПРО, что как раз и оценивалось как «заход» в чужую сферу влияния, главной из которых для российского лидера была Украина. Присоединение Крыма в 2014 году и донбасская война стали попытками заново пустить в оборот ту самую единственную «валюту», которую еще Сталин воспринимал всерьез, — валюту территориального контроля. Путин пытался идти по стопам Советского Союза, имитируя политику сфер влияния, например, в Сирии и Венесуэле, отчасти даже в Ливии. Но все это, включая не слишком удачные попытки участия в расколе западных элит в виде в том числе поддержки европейских правопопулистских партий (президентские выборы во Франции 2017 года — лишь один пример), выглядело не слишком впечатляюще. В результате путинский истеблишмент ушел в глухую изоляцию, усугубленную событиями вокруг отравления Алексея Навального, его последующего возвращения в Россию и ареста.

Формула изоляции

Формула понимания президентом России текущей ситуации была предъявлена им 24 февраля 2021 года на заседании коллегии Федеральной службы безопасности, где Запад был представлен как враждебная сила, сотрудничество с которой практически невозможно: «Речь здесь идет не о естественной для международных отношений конкуренции, а именно о последовательной и весьма агрессивной линии, направленной на то, чтобы сорвать наше развитие, затормозить его, создать проблемы по внешнему периметру и контуру, спровоцировать внутреннюю нестабильность, подорвать ценности, которые объединяют российское общество, в конечном итоге ослабить Россию и поставить ее под внешний контроль... Против нас ведется целенаправленная информационная кампания с беспрецедентными и бездоказательными обвинениями по целому ряду вопросов»²⁴.

В ситуации «информационной кампании» переговоры превращаются скорее в пиар-акции и демонстрацию *whataboutism*: например, в ответ на претензии по поводу полицейского подавления массовых протестов министр иностранных дел России передает партнерам-переговорщикам записи, фиксирующие случаи грубого обращения полиции западных стран с манифестантами.

Российская сторона дает понять, что не верит в ценностный подход к политике и если что и предлагает, так это исключительно прагматическую «корзину» — от климата до поставок сырья. Права человека и Навальный — это та «корзина», которая не обсуждается и считается исключительно внутренним

делом России. Любое обсуждение этих сюжетов оценивается как вмешательство во внутренние дела. При этом в логике того самого *whataboutism*'а Запад не имеет морального права предъявлять претензии российским элитам в части нарушений прав человека²⁵. Западные же санкции влекут за собой ответ, но не столько Западу, сколько неподконтрольной части российского гражданского общества, давление на которое усиливается, в том числе принятием рестриктивных нормативных актов.

Антизападная пропаганда становится главным вектором информационной политики государственных СМИ, что уже не мобилизует население на ралли вокруг флага, но имеет прямой манипулятивный эффект. Например, 48% респондентов «Левада-Центра» убеждены, что смысл законов об иностранных агентах — «оградить нашу страну от вмешательства Запада».

Представления россиян о прецеденте сотрудничества с западными державами во Второй мировой войне не позволяют рассматривать его как очевидный исторический пример для подражания: лишь для 4% респондентов «Левада-Центра» победа в войне — это успех именно антигитлеровской коалиции, более 50% тем не менее помнят, что союзниками СССР были США и Великобритания²⁶. Главные клише о США как мировом жандарме, который навязывает другим народам свою волю и противостоит СССР/России («Мир живет под диктовку США»)²⁷, переключались из советской эпохи в постсоветскую, правда, их реанимации способствовала массированная антизападная пропаганда последних лет. Отношение к США (как и к ЕС) россиян несколько

улучшилось в последние годы благодаря затуханию крымского мобилизационного эффекта²⁸, но по-прежнему Соединенные Штаты оцениваются как главный враг России.

Итак, история сотрудничества СССР, США и Великобритании в ходе Второй мировой войны — пример кооперации в исключительных обстоятельствах при наличии общего врага. Собственно, и понимание того, что враг общий и от борьбы с ним зависит само выживание наций, пришло далеко не сразу. Еще в 1940 году Великобритания рассматривала планы бомбежек Баку, а в 1941-м, уже после начала Великой Отечественной войны, в британском правительстве предполагали, что Сталин заключит мир с Гитлером. По мере приближения Победы, по замечанию Рузвельта, сделанному им незадолго до смерти, противоречия между западными союзниками и сталинским СССР неизбежно усугублялись. Об этом же говорили и Черчилль, и Сталин.

В сотрудничестве стран антигитлеровской коалиции, помимо объективных обстоятельств, способствовавших сближению США, Великобритании, СССР и их лидеров, большую роль играл фактор персональных контактов. Например, посла СССР в Великобритании Ивана Майского с Уинстоном Черчиллем и Энтони Иденом; особую роль сыграли переговорные таланты Гарри Хопкинса, снимавшего конфликтные вопросы в непосредственном контакте со Сталиным. (Важность и эффективность такого рода контактов в налаживании отношений были подтверждены почти четверть века спустя, когда

начал работать back-channel Киссинджер — Добрынин.) Значение имела, в частности, готовность Рузвельта идти на уступки Сталину при понижении американским президентом решающей роли СССР в Победе и необходимости иметь союзника в войне с Японией.

Ухудшению отношений способствовали не только такие факторы, как окончание войны; раздел сфер влияния (особое значение, например, польского вопроса, особенно конфликта вокруг формирования правительства новой Польши); конкуренция в попытках влиять на развитие событий в разных регионах (например, соперничество в Китае, входившем в антигитлеровскую коалицию); принципиальные политические и идеологические расхождения; недоверие, обусловленное опытом взаимоотношений (например, позднее открытие второго фронта), но и личные свойства лидеров, прежде всего, их взаимная подозрительность (плюс смена лидеров в США и Великобритании в 1945 году). Скорость деградации отношений в 1945 году была впечатляющей, и уже в 1946-м, по сути, все было кончено («длинная телеграмма» Кеннана, Фултонская речь, реакция на нее Сталина), хотя инерция доброжелательности и попыток объясниться еще существовала (характерный пример: знаменитая поездка Симонова и Эренбурга в США в 1946 году). Опыт

взаимоотношений союзников говорит о важности прагматического подхода к сотрудничеству, так же как и о конструктивном потенциале личных контактов лидеров и членов их команд (при наличии понятной и четко сформулированной повестки). Не только опыт Второй мировой войны, но и истории контактов Хрущёва — Кеннеди, Брежнева — Никсона (Форда), даже Медведева (Путина) — Обамы, свидетельствуют о хрупкости и непродолжительности периодов плодотворной кооперации и рисках обвального ухудшения отношений, которые потом восстанавливаются долго и болезненно. Как ни банально это звучит, такой фактор, как *good faith*, имеет принципиальное значение, но для его практического использования необходимы хотя бы среднесрочные механизмы взаимодействия команд и лидеров, а также снижение уровня враждебности пропагандистской риторики и формирование благоприятного по отношению к партнеру общественного мнения (что отчасти происходило во Вторую мировую, на рубеже 1960-х, в эпоху разрядки, в 1990-е и в период перезагрузки). Опыт и уроки Второй мировой в этом контексте крайне важны, но они скорее ведут к пессимистическим оценкам перспектив взаимоотношений в отсутствие фактора *good faith* и постоянных усилий в поддержании контактов и готовности идти на компромиссы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference/>

² Кристофер Коукер. Сумерки Запада. М.: МШПИ, 2009. С. 52.

³ Там же. С. 72.

⁴ James F. Byrnes. Speaking Frankly. New York, London: Harper & Brother, 1947. P. 44.

⁵ Time. Golden Anniversary Issue. Europe. 50 Remarkable Years. Winter 1996. P. 4.

⁶ Byrnes. Op. cit. P. 54–55.

⁷ John Lewis Gaddis. The Cold War: A New History. Penguin Books, 2005. P. 22.

⁸ Robert Schlesinger. White House Ghosts: Presidents and Their Speechwriters. New York: Simon & Schuster, 2008. P. 47.

⁹ Ю. М. Мельников. От Потсдама к Гуаму. Очерки американской дипломатии. М.: Политиздат, 1974. С. 87.

¹⁰ Генри Киссинджер. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997. С. 399.

¹¹ Там же. С. 153.

¹² Там же. С. 152.

¹³ John Gaddis. Op. cit. P. 34.

¹⁴ <https://carnegie.ru/2020/04/09/ru-pub-81437>; <https://carnegie.ru/commentary/81718>

¹⁵ Цит. по: Киссинджер. Указ. соч. С. 403.

¹⁶ <https://www.foreignaffairs.com/articles/russian-/1947-07-01/sources-soviet-conduct>

¹⁷ Michael McFaul. Confronting Putin's Russia? The New York Times, March 23, 2014.

¹⁸ Киммо Рентола. Сталин и судьба Финляндии. М.: Весь мир, 2020. С. 71–72.

¹⁹ Киссинджер. Указ. соч. С. 371–372.

²⁰ Там же. С. 384.

²¹ Ю. М. Мельников. Указ. соч. С. 49.

²² Michael McFaul. From Cold War to Hot Peace: The Inside Story of Russia and America. Allen Lane, 2018. P. 97.

²³ Ibid.

²⁴ <http://kremlin.ru/events/president/news/65068>

²⁵ <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-02-17/russia-will-never-see-united-states-same-way-again>

²⁶ <https://www.levada.ru/2015/05/29/den-pobedy-i-aktsiya-bessmertnyj-polk/>

²⁷ <https://carnegie.ru/2016/03/21/ru-pub-63077>

²⁸ <https://www.levada.ru/2021/02/19/otnoshenie-k-stranam-7/>

Александр Согомонов,
ведущий научный сотрудник
Института социологии
ФНИСЦ РАН

Конгениальность просветительской мысли

Мендельсон и Кант: образы европейского
универсализма

В наши дни, когда какая-нибудь газета задает своим читателям какой-либо вопрос, то делается это для того, чтобы узнать их мнение... узнать что-либо значительное и новое при этом практически нельзя. Однако в XVIII веке читателям предпочитали задавать как раз те вопросы, на которые еще не было ответа.

Мишель Фуко. Что такое Просвещение? (1984)

В 1780 г. по инициативе Фридриха II Берлинская академия наук и изящной словесности объявила конкурс «Полезно ли для народа обманывать его, либо вводя в заблуждение, либо оставляя при ошибочных заблуждениях?». Победителем вышел математик И. Кастильоне, который ответил утвердительно и признал таковые действия властей морально оправданными, поставив, однако, одно важнейшее условие: только если политика властей действительно послужит причиной счастья народа. Складывается впечатление, что этот парадоксальный вердикт не утратил своей актуальности и поныне, не правда ли?

Уже в 1783 г. «Берлинский ежемесячный журнал» публикует редакционную статью о возможности гражданского брака для людей «просвещенных». В декабрьском выпуске того же года появляется довольно гневная публикация берлинского пастора Иоганна Фридриха Цёлнера (Johann Friedrich Zöllner, 1753–1804), теолога, антрополога, любителя словесности и почитателя естественных наук. Он был настроен вполне либерально и даже терпимо к гражданскому браку, но тем не менее высказался негативно в отношении распространившегося в Европе благодаря просвещению безбожия. В примечании к своему тексту он и сформулировал знаменитый вопрос: «Что

такое просвещение?» Утверждая, что прояснение значений таких слов, как «просвещение», «просвещенный», «просвещать», такая же важная задача, как и обоснование того, что есть «истина». В первом номере того же журнала за 1784 г. он публикует и небольшую басенку «Обезьяна», где не менее саркастично высказался относительно просвещения, его инструментов и практик.

Похоже, что эта безобидная публикация переполнила чашу терпения и послужила поводом к самой, пожалуй, главной дискуссии всего века Просвещения. Впрочем, к тому времени в прусской столице активно действовало «Берлинское общество по средам» (Mittwochsgesellschaft), именуемое иногда «Друзьями Просвещения», которое объединяло ведущих мыслителей и высших чиновников Пруссии. На их еженедельных собраниях ставились сложные философско-политические вопросы, а выступления и обсуждения публиковались. Цёльнер, кстати, был одним из членов этого секретного общества. И поэтому реакция на его открытое вопрошание последовала незамедлительно, а сам спор о сущности просвещения продолжился вплоть до рубежа XVIII–XIX веков. В ту дискуссию — вполне публичную по сегодняшним меркам — включились известные философы, теологи и писатели того времени, включая Гердера, Шиллера, Лессинга, Эрхарда, Виланда, Энгеля, Рима, Хаманна.

Впрочем, все они высказались не сразу. А вот первые две реплики вошли в историю мировой философской мысли как самые значимые рефлексии Просвещения. Оба текста были написаны, как принято считать, независимо друг от друга, следовательно, как нельзя лучше могут проиллюстрировать подлинное значение понятия «конгениальность мысли». Однако связь между ними, безусловно, просматривается. И, я думаю, лишь в таком интерактивном ключе оба текста приобретают огромное интеллектуальное значение, в том числе и для нашего времени.

В сентябрьском выпуске 1784 г. названного выше берлинского журнала свое эссе «О вопросе: что значит просвещать?» публикует виднейший деятель европейско-еврейского просвещения (Гаскала), философ и теолог Моисей Мендельсон (1729–1786). Текст немножко сыроватый и, очевидно, смонтирован по его апрельскому выступлению на эту тему в «Обществе». Но важно то, что *он был первым*, кто внес ясность в вопрос о сути просвещения.

И как бы вдогонку в декабрьском номере журнала выходит знаменитый трактат Иммануила Канта (1724–1804) «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?». Традиционно ему вверялась пальма первенства в определении смыслов просвещения, но, как мы увидим, это не вполне справедливо. Знал ли Кант о публикации Мендельсона, с кем у него, кстати, были дружеские отношения и с кем он вел регулярную переписку? Очевидно, да, по крайней мере, он сам признавал, что нашел сноску на уже опубликованное эссе Мендельсона, прежде чем «в один присест» написать свой ответ. Подчеркну: *в один присест!* И свое эссе Кант

датировал 30 сентября 1784 года. В заключительном примечании (оно же и единственное) он пишет: «В “Еженедельных новостях” Бюшинга от 13 сентября я прочитал сегодня, 30 числа сего месяца, ссылку на номер “Берлинского ежемесечника” за этот месяц, в котором опубликован ответ господина Мендельсона на этот же вопрос. Я этот номер еще не получил, иначе я бы воздержался от ответа на вопрос; мой ответ может быть только опытом, и случайно может оказаться, что наши мысли совпадут». Да, скорее всего, не читал, но, возможно, Кант и лукавил.

Однако я все же думаю, что трактат Канта был инспирирован всей деятельностью «Берлинского общества» и его просветительскими публикациями, в том числе и Мендельсона. О нем он не обмолвился и словом, как, впрочем, не упомянул вообще ни одного из философов в своем трактате. Формально своим текстом он отвечал только на вопрос Цёлнера, но, как мне кажется, *de facto* реагировал и на все берлинское просветительское миропонимание, посылая в столицу свои «провинциальные» мысли из далекой Восточной Пруссии. Как он сам написал, «мой ответ может быть только опытом».

* * *

К рассказу об этом курьезном казусе меня подтолкнул не столько сам историко-философский факт *конгенитальности* просветительской мысли, сколько парадоксальное сходство и при этом фундаментальное несовпадение этих двух замечательных текстов немецкого люмьеризма, которые только в своей совокупности представляют собой подлинное *поколенческое послание европейского универсализма*. Кант и Мендельсон в отрыве друг от друга суть не более чем уникальные и самобытные мыслители; вместе — первооткрыватели целой эпохи.

Исследовательская литература об этих небольших по объему текстах весьма солидная, их многократно издавали, анализировали и даже сравнивали, но почти никогда не рассматривали в *неразрывной интеллектуальной связке*. Но все по порядку.

Версия 1.0

Базовая семантика просвещения и главное предупреждение Мендельсона

Моисей Мендельсон (Moses Mendelssohn) — удивительная и величественная фигура, которая стоит особняком в ряду мыслителей эпохи Просвещения. Родился он в бедной еврейской семье, получил традиционное образование под руководством отца, с юности проявил незаурядные способности в обучении, прекрасно знал философию, теологию, владел многими языками. Был одним из духовных вождей движения еврейского просвещения «Гаскала», писал в основном по-немецки, но в поздние годы жизни и на иврите. Издавал ряд журналов, тесно сотрудничал с философом и писателем Лессингом. Их совместное творчество

было проникнуто идеями просветительства, хотя по многим вопросам они беспрерывно дискутировали. Снискал громадное уважение в академической среде, дружил с обоими братьями Гумбольдтами, а университетские коллеги присвоили ему кличку «немецкий Сократ». Он много занимался переводами древнееврейских текстов и ветхозаветным просвещением в целом. Мендельсон не считал противоречием следование принципам рациональной философии и одновременно почитание иудаизма. Это станет для нас главным ключом к расшифровке понимания им просвещения.

Один из интересных и расписанных в литературе сюжетов его биографии — спор со швейцарским теологом и психологом Иоганном Каспаром Лафатером (1741–1801). В открытом письме тот бросил серьезный вызов Мендельсону, предложив ему опровергнуть христианские догматы, в противном случае — оставить иудаизм и принять христианство. Выбор для Мендельсона по тем временам был сродни жизненному тупику. Ранее он спорил по этому поводу с Лессингом, который считал, что европейские евреи должны культурно ассимилироваться. Но Мендельсон был абсолютно убежден в том, что конгениальное участие людей в общечеловеческой культуре может происходить и без утраты ими своей национально-религиозной идентичности. На вызов Лафатера «немецкий Сократ» ответил открыто, иронично и уклончиво настолько, что с того времени его публичные письма воспринимаются как образец того, как верующий еврей может обойти острые углы, демонстрируя свою мудрость и просвещенную терпимость. Под давлением протестантских кругов Лафатер принес свои извинения, и спор, за которым следило все просвещенное европейское общество, был вроде бы как исчерпан. Но для Мендельсона он стал поворотным в его судьбе. С рубежа 1760–1770-х годов он начал заниматься проблемами европейского еврейства. И, следуя отдать ему должное, оказался именно той публичной фигурой, благодаря деятельности которой, с одной стороны, Европа стала постепенно отказываться от отчуждения евреев и положила конец геттоизации их общин, а с другой — активно приобщала евреев к немецкой и европейской культуре.

Само слово «просвещение» (*Aufklärung*) вошло в обиходный немецкий язык лишь в последней трети XVIII в., а использоваться в современном понимании стало лишь с рубежа 1780–1790-х годов. Быстрое приращение публичным пространством этого понятия происходило прежде всего благодаря сочинениям писателей и философов, но и в меньшей степени (если не в большей) в этом следует видеть заслугу журналистов и публицистов из разношерстной немецкой «моральной периодики» того времени, эффективно тиражировавшей просветительские идеи и развивавшей новый общественно-политический лексикон на страницах своих изданий. Нередко именно периодике XVIII в. вручают венок «подлинных просветителей» эпохи.

Этим удобным для философской «интриги» обстоятельством, то есть фактом лексической новизны и отсутствием конвенциональных значений, Мендельсон воспользовался, дабы выстроить основной каркас своего очерка «Что значит просвещать?». Он начинает с собственного прочтения (точнее, прояснения) смысла трех слов, разместив их в единое семантическое поле: «образование», «культура», «просвещение». Для него они суть равнозначные понятия (*gleichbedeutenden*) и являются модификациями одного и того же феномена, а именно «жизненной коммуникации» и усилий человечества, направленных на улучшение своего социального состояния (*geselligen Zustand zu verbessern*).

Итак, цель ясна и предмет обозначен. И сделано это Мендельсоном в полном соответствии с духом европейского просвещения, его пафосом прогресса и приоритета человеческого счастья. Более того, Мендельсон придает просвещению удобную форму вполне современного схематизма. С этой дорожки просвещенная мысль уже не уйдет в последующие столетия. Схема останется неизменной. Но что-то в ней еще не хватало?

Конечно же, человека действующего. В рационально-просветительской упаковке «предназначения человека». Мендельсон использует светское и религиозно не сильно окрашенное понятие «*Bestimmung*», а не лютеранское «*Beruf*» и напрямую увязывает с образованием (*Bildung*). Получается, что тот народ «образованнее», у которого искусства, общественное прилежание и осознание людьми своего «назначения» гармонизированы. А я бы от себя добавил, что по смыслу это вполне позитивистский подход к пониманию связи культурного и социального факторов прогресса. Конечно, Мендельсон никакой не позитивист и не пытается установить количественную корреляцию между этими явлениями, ему достаточно простой гармонии (*in Harmonie*), но его просветительский схематизм был радостно принят позитивистами XIX столетия, которые, к сожалению, опошили эту красивую гипотезу.

Само же образование Мендельсон разделяет на две сферы: культуру и просвещение. Первая восходит к сфере практического опыта, а просвещение — к сфере теоретического разума. И что очень важно, просвещение, по Мендельсону, это не только разумное и здоровое познание (*vernuenftigen Erkenntnis*) — он именует его объективным началом в просвещении, — но и навыки и умение *разумного размышления* (*Fertigkeit zum vernuenftigen Nachdenken*) обо всем, что имеет отношение к общественной жизни и влияет на человеческое предназначение. Что он логически отнес к субъективному началу.

Заключая вступительный фрагмент эссе, Мендельсон вновь акцентирует внимание читателя на главном: «Я всегда определяю назначение человека как меру и цель всех наших устремлений и усилий, как точку, куда должны быть направлены наши взоры, если мы не хотим потерять самих себя». Собственно, в этом отдельном абзаце, как мне кажется, и выражена квинтэссенция просветительской мысли, ее телеология,

призыв к опоре на разум и осознанию смысло-жизненного императива человека. В одном из писем своей частной переписки Мендельсон все это обозначил еще точнее: «Просвещение имеет отношение к сфере теоретического, а культура касается морали, социального взаимодействия, искусств, допустимого и недопустимого в поведении». Казалось бы, общая схема обрисована, базовые понятия прояснены. Но Мендельсон не останавливается на этом, а его мысль далее становится еще прозрачнее.

Язык считает просвещение через науку, а культуру — благодаря социальным коммуникациям, поэзии, красноречивому слову. Таким образом, язык обретает одновременно теоретическое и практическое пользование, или, иными словами, искомую образованность. Только в этой логике, утверждал Мендельсон, мы можем говорить об образованности народов. Хотя у одних больше просвещенности, у других — культуры. Древние греки обладали в гармонии и тем, и другим: они самый образованный народ, равно как и их язык. Но на исходе XVIII века, полагал Мендельсон, кто-то обладал больше просвещением, в частности, берлинцы, а кто-то — больше культурой, как, к примеру, китайцы.

Всякий перекосяк в ту или иную сторону опасен для судеб наций. Перевес в пользу культуры приводит к распространению предрассудков, лицемерия, невежества, а акцент в пользу просвещения ослабляет нравственное чувство, способствует эгоизму, безверию. Впрочем, еще задолго до написания этого эссе Мендельсон в одной из своих рецензий всерьез и весьма метко подметил, что «французы философствуют с иронией, англичане с чувственностью и только одни немцы предаются философии с необходимой трезвостью и исключительно с помощью своего интеллекта».

Продолжая, Мендельсон вдруг прерывает свое рассуждение о языке и пишет о предназначении человека (*Bestimmung des Menschen*), различая при этом предназначение как человека (*als Mensch*) и как гражданина (*als Buerger*). Эта тема отнюдь не новая для философских дебатов XVIII века, ею пронизана религиозная и философская антропология всего Нового времени. Прорывные подходы были разработаны задолго до Мендельсона в трудах Гоббса, Гроция, Пуфендорфа, Локка, Шефтсбери. Но в самом начале речь все же шла преимущественно об «обязанностях» человека и гражданина (*officio hominis et civis*). Нет сомнения, что Мендельсон был с этими авторами и их сочинениями прекрасно знаком. Но, вероятнее всего, при написании своего эссе о просвещении он опирался больше на сугубо немецкий дискурс, инициированный, как известно, книгой берлинского пастора И. И. Шпальдинга (1714–1804) «Размышление о предназначении человека» (1748), кстати, тоже члена «Берлинского общества по средам». Его подход строился на сочетании религиозного и морального подходов. А сам Шпальдинг больше известен как просветитель и как церковный деятель, продвигавший идею веротерпимости, за что, правда, в конце 1780-х гг. был отстранен от службы.

Считается, что Мендельсон, равно как и его друг и соратник, немецкий просветитель и философ Томасс Аббт (1738–1766), в своих авторских изложениях этой темы прямо восходит к трактовкам Шпальдинга. Кант впоследствии разовьет эту же тему, но по-своему, принципиально не отойдет от своих немецких предшественников, а просто переведет ее в чисто академическое русло. А вот своего рода философскую черту под просветительскими размышлениями на эту тему подведет Фихте трактатом «О предназначении человека» (1800). Мне же кажется, что Мендельсон частично пренебрег в своем эссе этими антропологическими подходами и опирался на Шпальдинга и на общеевропейскую традицию естественного права. И в итоге приходит, как может показаться, к совершенно парадоксальным выводам.

Мендельсон утверждает: «Человек как человек не нуждается в культуре, но нуждается в просвещении». Как это понимать? Логичнее же было бы наоборот: человек как гражданин нуждается в (гражданском) просвещении! Но нет, Мендельсон не оговорился. Не следует забывать, когда и в каких условиях он жил. Права и обязанности человека, согласно Мендельсону, определяют сословие и профессия (*Stand und Beruf*). И именно они накладывают свои обязательства по формированию у людей соответствующих навыков, наклонностей, привычек, умений, сноровки и обыкновения следовать общественным нравам. Мера и цель, заложенные в них, регулируются именно культурой. И чем адекватнее культурная «отшлифованность» предназначения человека отвечает на общественные требования, тем больше культуры в нации. Собственно, именно эта семантика была заложена Мендельсоном в словосочетание «культурная нация». Но с одной важной оговоркой. Рассуждая далее, он увязал культуру с необходимостью для гражданина обладать теоретическими познаниями, то есть подвел своего читателя к проблеме просвещения и установил определенную «степень» (или «градус») просвещенности (*Grad der Aufklärung*). Ибо только тогда такое *просвещение становится всеобщим* (*allgemein*) для человека как человека без различий в его сословной или профессиональной принадлежности. И одновременно эта принадлежность вновь обретает значение для человека как гражданина, ибо здесь мера и цель диктуют *устремленность к просвещению личности и целым народам*.

Таким образом, мысль логически завершена: *просвещение имеет дело с универсальными смыслами, а культуры — с их локальной адаптацией*. Подобное утверждение стало философским трюизмом в наше время, хотя оно едва ли адекватно сегодня всеми воспринято. Однако во времена Мендельсона вывести это различие в смыслах было отнюдь не тривиальным открытием. Просвещение он трактует как совокупное знание в его отношении к предназначению человека и гражданина, как стартовое и универсальное начало, присущее всем сословиям и профессиям. А «градус» просвещенности напрямую отражает степень просвещенности нации.

Казалось бы, вопрос Цёльнера «Что такое просвещение?» закрыт. Исчерпывающий ответ получен. Но Мендельсон не останавливается и продолжает размышлять: «Просвещение человека и просвещение гражданина могут вступать в полемику (Streit)». Прямо скажем, неожиданно! Отчего же? Потому что гражданские истины и полезные для человека истины отнюдь не одно и то же, более того, они могут навредить друг другу. И в других своих текстах Мендельсон различал «Bürgeraufklärung» (гражданское просвещение) и «Menschenaufklärung» (человеческое просвещение), на том же основании: жизненные навыки человека как человека могут быть бесполезными или даже вредными ему как гражданину.

Следовательно, сущностные (wesentlichen) предназначения человека и гражданина могут конфликтовать между собой. «Несчастливым является то государство, которое должно признать, что в нем сущностное назначение человека не гармонирует с сущностным назначением гражданина, что просвещение, которое крайне необходимо человечеству, не может распространиться на все сословия империи без того, чтобы конституция не была подвержена опасности быть уничтоженной. Философия, умолкни здесь!» Итогом становятся правовые ограничения и насилие в отношении человека и гражданина. И, соответственно, наоборот: если конфликтуют случайные, то есть внесущностные (außerwesentlichen), предназначения человека и гражданина, мы наблюдаем схожую картину их противостояния.

Истина не должна разрушать религиозную веру и нравы людей, сколь бы полезной и украшающей человеческое сознание она ни была. Мендельсон выступает здесь с интересным предостережением: почитающий добродетель просветитель поступает осторожно и осмотрительно, ибо уж лучше смириться с заблуждениями, чем изгнать вместе с ними и саму истину. Этой максимой прикрывалось вековое лицемерие, замечает Мендельсон, и очень часто преступление скрывалось под личиной «святости», но даже в просвещенные времена следовало бы этой осмотрительности все же придерживаться.

Впрочем, очевидно, что под этой рекомендацией в адрес всех просветителей действовать с осторожностью Мендельсон скрывает свое внутреннее убеждение в том, что универсальная истина вовсе не противоречит национально-религиозным приверженностям (традициям, устоям, обычаям) народов. На этом он настаивал всю свою жизнь, и это философское кредо было положено им в обоснование еврейского просветительского движения «Гаскала». Нельзя не признать, насколько изящно он подвел под него философское обоснование.

Завершает свой очерк Мендельсон пронзительным предупреждением будущим поколениям европейцев. И формулирует нечто похожее на социологическую теорему: насколько культура и просвещение «благородны в своем цветении» (edler in ihrer Blüte), настолько же они могут стать «отвратительными в своем тлении и развращенности» (in ihrer

Verwesung und Verderbtheit). Сформулировано весьма прямолинейно и очень в духе французского позитивизма XIX века.

Злоупотребление в пользу универсального просвещения ослабляет нравственное чувство и логически ведет к эгоизму, анархии, безверию. Злоупотребление культурой — к лицемерию, суеверию, рабству, слабо-волию. Следует ли нам удивляться тому, насколько точен этот прогноз, отнесенный в отдаленное будущее? Трудно было тогда, на исходе XVIII в., предположить даже самую возможность того, что самый просвещенный народ сможет легко принять идеологию фашизма. А нации, пренебрегшие истиной и занятые культурным самолюбованием, подобно россиянам, погрязнут в государственной коррупции, холопской культуре и бессмысленном нарциссизме.

Просвещение и культура гармонизируют друг друга, их баланс не вечен и очень хрупок. Одно препятствует порче другого, ибо пути их разложения абсолютно противоположны. Вот почему образованная нация, опирающаяся на то и другое одновременно, преуспевает. Впрочем, и ей надлежит страшиться самого главного, чуть ли уже не проповедуя, пишет Мендельсон, а именно опасаться *излишка собственного блаженства (благополучия)*. Нация, которая через образование достигла пика, подвержена угрозе «падения», ибо уже не может подняться еще на одну ступень выше. Было ли это его завершающее предупреждение адресовано кому-то конкретно, можно только гадать. Однако как корректно это сформулировано! Именно таковыми представляются нам сегодня внутренние угрозы в потребительском обществе всеобщего благоденствия развитых стран.

Подведу предварительный итог. Версия просвещения по Мендельсону, безусловно, в результате долгой эволюции западной публично-философской мысли стала господствующей. Она, кстати, не была отвергнута романтиками конца XVIII – первой половины XIX века и, повторюсь, была принята на вооружение позитивистами начиная с середины того же XIX столетия. И только во второй половине прошлого века стала восприниматься как своего рода философский трюизм.

Мендельсон, по сути дела, примирил просветительский универсализм с национально-культурной идентичностью, и именно его мысли и схематизм оказались чрезвычайно привлекательными для многих европейских стран, вставших на путь формирования нации-государства и выстраивавших, подобно России, свои региональные гражданско-просветительские традиции. Правда, чаще всего они при этом забывали о том, что просвещение через познание теоретической мысли Мендельсон считал условно-стартовой и *универсальной позицией* всякого национально-исторического развития. А там, где философская истина к тому же заменялась догматическим и ортодоксальным мышлением (в виде государственной идеологии, например), не удавалось

нормально достичь ни одной из целей устремленности человечества к общественному благу и счастью.

Философия Мендельсона давно вышла за пределы движения «Гаскала», более того, она была присвоена людьми в историческом познании большинства европейских стран. Печальный опыт Французской революции и последовавших войн убедили просвещенных западных правителей в точности и корректности его предупреждений. *Примирение просвещения и культуры* — шире, чем более узкое «согласие разума и веры» раннего Нового времени — стало на долгие десятилетия идейно-политическим ориентиром в старой Европе. И, похоже, в определенных регионах планеты для политиков и элит максима Мендельсона остается в этом странном качестве «путеводной звезды» и по сей день.

Ну и наконец, последнее замечание. Мендельсон названием своей статьи вроде бы обозначил свое намерение отвечать на вопрос «Что значит просвещать?». Но ни словом об этом не обмолвился. Просветитель — *Aufklärer* — появляется в тексте *только один раз*. И то, как мне кажется, совершенно случайно. Мендельсон озабочен преимущественно сущностью феномена, впрочем, логика просвещения как целенаправленного воспитательного и дидактического процесса из этого легко вытекает. Очевидно, для него все это — задача высшей государственной политики. Иначе не понятно, как просвещение соотносится с предназначением людей, целых поколений и наций. Но в этих вопросах философия не компетентна! И поэтому субъекты просветительства, да и само «таинство» просвещения, остались за гранью его внимания. Кстати, многие философы и политики по-прежнему так думают. Так что не будем за это упрекать «немецкого Сократа».

Версия 2.0

Рефлексивное прозрение Канта

Очевидно, что Кант постфактум ознакомился с текстом Мендельсона, но нигде и никогда не обронил о нем и слова. Это молчание можно трактовать по-разному. Но поскольку, судя по его же комментарию, он надеялся на совпадение взглядов, видимо, что-то пошло не так, как хотелось кенигсбергскому философу. А чувство такта и дружеская симпатия к «немецкому Сократу» не позволили Канту полемизировать с ним открыто. Но так ли его версия отличалась от того, что мы со всем тщанием разобрали выше? Мне кажется, что скорее да, чем нет. Постараемся в этом разобраться.

К счастью, трактат Канта «Что такое просвещение?» переиздавался по-русски, подробно обсуждался в специальной литературе, и, более того, он включен в вузовские программы по истории философии. Что, конечно же, избавляет меня от необходимости рассматривать его детально. И поэтому я постараюсь разобрать его исключительно под

углом зрения того, о чем ранее уже написал Мендельсон, чтобы понять, в чем природа *конгенитальности просветительской мысли* и где она все-таки давала логические сбои.

Моя гипотеза проста: европейский универсализм на заре своего развития представлял собой совсем не монолитный идейный контент в политике и сознании интеллектуалов Запада. А его модельные различия были предопределены прежде всего изначальным «молчаливым» расхождением Канта и Мендельсона, представленным широкой публике в том 1784 году. И все же в качестве некоторого напоминания пунктирно обозначу логику и смысловое содержание трактата Канта.

Думаю, что сегодня уже не осталось образованных людей, кто бы не знал, сколь примечательно начинается трактат Канта. Без разбега с формулировки базового определения: «Просвещение — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие — это неспособность пользоваться собственным умом». В этих двух вступительных предложениях все кажется прозрачным и предельно ясным. И тем не менее есть необходимость в кратком комментарии к ним.

Немецкое слово «Unmündigkeit» («несовершеннолетие») использовано Кантом в данном контексте в лексико-новаторском смысле. Привычное значение к тому времени еще не устоялось. Все-таки «несовершеннолетием» обозначалась в первую очередь возрастная граница, очерчивавшая сословно-правовую и отчасти ритуальную (не)дееспособность. Это важно было для практик наследования, службы в армии, права на женитьбу и т.д. Кант же впервые употребил это слово в сугубо философском значении. Его абсолютно не интересует абсолютный или условный возраст человека, а лишь его состояние ума. Канта в данном случае и не волнуют этапы взросления и обретения человеком «полно-возрастного» статуса, он не оперирует вообще никакими количественными данными. Зато отчетливо проводит воображаемую черту между двумя ментальными состояниями, выраженными в сознании и поведении человека. Несовершеннолетний ум, по Канту, не способен пользоваться собственной свободой, ценить и оберегать ее. Причем исключительно «по собственной вине». Мы можем даже усомниться, а ум ли это вообще, если позволяет взрослому человеку оставаться в таком состоянии? Принципиально изменить эту ситуацию и перейти воображаемую черту помогает именно просвещение.

Впрочем, говоря о «несовершеннолетии», Кант указывает не только на состояние ума, но и на отсутствие воли, а может, даже точнее, свободы воли. В несовершеннолетнем состоянии человек принимает чужой авторитет как руководство в своей жизни, вместо того чтобы пользоваться собственным умом. Безусловно, Кант конструировал историческую ретроспективу крупными мазками и видел в предшествующих эпохах совершенно иную конфигурацию соотношения ума, воли и авторитета.

Ранее люди почти всегда полагались на чужой авторитет (старейшин, властей, церкви, наставников, ученых, медиков), что притупляло их волю к надлежащему включению собственного ума. Просвещение для них открывалось удивительной стороной — принципиальной возможностью *эмансипации воли и ума*, что в своей совокупности приводит человека к *опоре на свободный разум*. И способствует становлению автономной личности. Причем, в отличие от Мендельсона, этот разум у Канта был теоретическим и одновременно практического свойства; речь у него идет о чистом мышлении и общественном поведении человека. Мендельсон, напомню, привязывал просвещение лишь к теоретическому знанию.

Девиз просвещения Кант сформулировал кратко: «*Sapere aude*» («Дерзай знать») — крылатое изречение, заимствованное из «Посланий» Горация (Epistulae I:2, 40). До Канта этой фразой пользовались довольно широко. Известно, что «Общество любителей истины» уже в 1730-е годы размещало этот емкий призыв на титулах своих изданий и на медалях. Вряд ли Кант мог об этом не знать. И уж совершенно точно, он не мог не обратить внимания на этот девиз, вынесенный на титул первого немецкого перевода книги графа Шефтсбери «Характеристики людей, нравов, мнений, времен» (1768).

Французский исследователь Жан-Клод Вийомен недавно убедительно доказал, что принцип «*Sapere aude*» вообще был общепризнанным эпистемологическим символом и призывом всей эпохи барокко, своего рода расхожим просветительским «словечком». Воспользовавшись этим популярным «штампом», Кант поступил вполне резонно, ибо апеллировал к чему-то понятному и привычному для своих потенциальных читателей, но при этом дал ему новое звучание. Его заслуга отнюдь не в популяризации латинского изречения, а в подчеркивании с его помощью главного *смысла просвещения*.

«*Habe Mut, dich deines eigenen Verstandes zu bedienen!*» («Имей мужество пользоваться собственным разумом!») — предложит Кант свою вольную трактовку девиза. Уже в самом начале своего трактата он дает понять читателю, что перейти черту «несовершеннолетия» невозможно, не применив индивидуального старания. А это значит, что ответственность лежит на самом человеке. И более того, это умственное движение человеку надлежит совершить самостоятельно, хоть и одновременно с другими людьми. То есть просвещение — это намерение, воля, ответственность и усилие каждого и всех вместе. Собственно, все это и включается в расширительное толкование свободного разума.

К слову сказать, за полвека до этого в манифесте уже упомянутого берлинского «Общества любителей истины» мы обнаруживаем очень близкие формулировки относительно союза воли и рассудка в деле поиска «общей» истины. Кант же теперь перепривязал их к смыслам просвещения. Строго говоря, и в этом Кант не был первопроходцем, но он, похоже, и не ставил перед собой задачу удивить читателей

новаторскими идеями, напротив, он искал те общепринятые в эпоху Просвещения идеи и символы, на которые ему проще было опереться. Мендельсон, как мы помним, пренебрег всей барочной герменевтикой узнавания.

Одному человеку в одиночку трудно выйти из состояния несовершеннолетия, утверждает Кант, полагая, что оно вполне может стать для него «естественным». Оно удобно и даже приятно на первых порах. Однако инструкции и стандарты (*Satzungen und Formeln*) суть механические орудия разума и приводят к злоупотреблениям. А избавиться от них непросто, вот почему выйти из несовершеннолетия в одиночку удастся лишь немногим.

Но ситуация в корне меняется, полагал Кант, когда мы судим не об усилиях отдельного человека, а публики. Он использовал именно это слово «*Publikum*» (любимое детище европейского Просвещения), ставшее впоследствии понятием довольно широкого применения. Он не написал «общество», «гражданское общество», «нация», «народ» или что-либо другое, имевшее относительно строгое социально-политическое значение. Он пишет о читающей публике как воображаемой общности, не тождественной ничему из перечисленного выше. Публика у Канта — исключительная сфера всеобщего публичного разума. И поэтому просвещение публики *происходит само по себе*, для чего необходимо только одно предусловие: *свобода*. В публике всегда найдутся свободно мыслящие люди, которые, сбросив с себя «ярмо» (*Joch*) несовершеннолетия, помогут остальным обрести достоинство и призвание (*Beruf*) мыслить самостоятельно. Публика достигнет состояния просвещенности, иными словами, сама и постепенно. Ее же «опекуны», насаждавшие ранее предрассудки, сами же от них и пострадают. Ниспровержение старого режима, конечно, возможно революционным образом, но нельзя добиться реформы ума революционными средствами и быстро, на смену старым предрассудкам неизбежно произойдет навязывание новых. Так размышлял вслух Кант.

Вспомним, что и Мендельсон употреблял в своем эссе слово «*Beruf*» скорее в современном значении «профессии», Кант же использовал его в исконно лютеранском смысле «божественного призвания». Эти два значения не противоречат друг другу, но как же точно они оттеняют столь важные полутона конгениальной просветительской мысли. Кант *не видит* просвещение как целенаправленной воспитательной деятельности, в этом его принципиальное отличие от Мендельсона, да, впрочем, и абсолютного большинства других мыслителей, живших в его время и позже, кто трактовал просвещение как нисходящий дидактический процесс. У Канта просвещение предполагает *вовлечение* человека в сферу публичного разума, у Мендельсона — *обучение* теоретическому знанию. Иными словами, просвещение у Мендельсона — инструментальное, пусть даже еще и не доктринальное, у Канта — самодостаточное и автономное, предполагающее саморазвитие и публичное созревание.

Кароль Бав. Сеансы не помогают II. 2021

Для кантианского просвещения нужно в качестве базового условия и цели только одно — свобода. Точнее, во всех ситуациях свободно и публично пользоваться (*öffentlichen Gebrauch*) собственным разумом. Вместо нисходящего откуда-то сверху вниз воспитания — только *свободное и равноправное рассуждение*. Ничего подобного Мендельсон даже и не предполагал. Его просветительская модель была больше «менторской», а кантианская — «резонерская». Оба прилагательных в данном контексте я употребляю в их изначально позитивном значении. Кант использовал слово «*Vernunft*» для передачи точного смысла «разума, ума, рассудка», а для обозначения публичного действия предложил глагол «*gäsonnieren*» и тем самым увязал субъект и действие однокоренной лексикой.

Буквальная русская калька глагола «резонировать» вначале не предполагала ничего негативного, отрицательные коннотации появились в языке лишь в эпоху романтизма, отвергшего ценности классического просвещения. Впрочем, и сегодня слова «резонировать» и «резонер» в русском лексиконе связаны с вполне определенным эмоциональным подтекстом. Поэтому лучше использовать глагол «рассуждать», но надо помнить, что он все же искажает философскую интенцию. «Резонировать» — точнее и адекватнее духу кантианского просвещения.

Публичное рассуждение как квинтэссенция просвещения, собственно, и есть главное *рефлексивное откровение* Канта. Именно этим он вошел в историю мировой мысли, предложив человечеству универсальный смысл открытости (то есть публичности) и разумности (то есть резонерства). Поэтому когда он пишет в своем эссе о человечестве (*Menschheit*), то, скорее всего, не имел в виду весь человеческий род, а лишь ту его часть, которая сознательно и ответственно включается в сферу свободно мыслящей и открыто рассуждающей «публики».

Мендельсон, безусловно, видел процесс просвещения глазами умного, но все же прямолинейного дидаскала, обучающего граждан основам теоретического познания. Кант же только предоставил публике пространство мыслительной свободы, обязав их самих публично использовать свой разум. Из него, и только из него, по Канту, рождается всякое разумное начало и его гражданская миссия. Просвещение для него не дидактическое священнодействие, а качественное состояние и направленность публичного ума. Кантовский идеал: *резонировать ради самого резонерства*. Как бы это ужасно ни звучало по-русски, но именно этот точный смысл он имел в виду в момент написания эссе.

«Рассуждайте, но *повинуйтесь* (*aber gehorcht*)!» — продолжает свое размышление Кант. В деонтологической логике Канта гражданское «подчинение» необходимо не только в случаях, когда дисциплинарность условий (к примеру, в армии), общая политика правительства или законы требуют того. Подчинение является необходимым условием в современном *институциональном* мире. Если есть институциональная

норма, ей следует беспрекословно следовать, что, однако, вовсе не отнимает у гражданина права обсуждать саму эту норму публично — ее целесообразность, эффективность, слабые и сильные стороны, достоинства и недостатки. Словом, активно включаться в пространство публичного разума. В этом его свобода и его же гражданский долг.

Там, где человек в интересах практической пользы следует институциональной норме, он полагается на частное использование своего разума, там же, где он остается один на один с «публикой», вступает в силу его право публичного применения разума. И здесь он пользуется неограниченной свободой и правом вещать от своего имени (*in seiner eigenen Person zu sprechen*). В этом Кант видит ключ к адекватному пониманию прогресса: невозможно удержать человечество от дальнейшего просвещения, желания расширять свои познания, избавиться от ошибок и двигаться вперед. Но как достичь свободы разума в условиях политических ограничений или тем более деспотических? Ответ Канта кажется не совсем простым. Но проникнуться его логикой несложно.

Прочитав то, как этот своеобразный кантианский общественный договор красиво переформулировал двести лет спустя Мишель Фуко: «...публичное и свободное употребление автономного разума будет наилучшим ручательством повиновения при том условии, что политическое начало, которому следует повиноваться, будет сообразно всеобщему разуму». Иными словами, если суверен расположен в отношении истинных, а не мнимых усовершенствований жизни и намерен согласовывать их с гражданским порядком, то лучше позволить самим подданным решать, что они считают нужным делать.

Особо хочу обратить внимание на то, что Кант, так часто рассуждая об освобождении от авторитетов и «опекунов» сознания, на самом деле *ни разу* не использовал в своем эссе слово «совершеннолетие» (*Mündigkeit*), а оперировал лишь его негативным дуплетом. То есть за конструкцией «способность пользоваться своим умом» Кант, видимо, предполагал нечто само собой разумеющееся. Ему гораздо важнее было объяснить читателю, что означает «неспособность» как базовый признак умственного несовершеннолетия и как его преодолеть. Как образная философская мысль — это прекрасная находка Канта. Но вот как строгое научное понятие судьба «умственного совершеннолетия» так и не сложилась. Она осталась в философской традиции яркой метафорой, идентифицируемой исключительно с самобытным стилем письма и мышления Канта. В современной науке крайне редко используется философское понятие совершеннолетия, обозначающее в первую очередь готовность и способность человека к самоидентичности, независимости и индивидуальной ответственности. Отчасти, я думаю, именно это и имел в виду Кант, но мне кажется, что и не только это. Размах его мысли был историческим.

Кант не ставил вопроса о Просвещении как о каком-то историческом периоде. Однако не сделал этого и Мендельсон. Этот нарратив, отталкиваясь от наших героев, создали философы следующих поколений, сконструировав для нас XVIII век как законченный исторический цикл со своими смыслами и ценностями, как некий транзитивный период между старорежимной архаикой и новыми временами. И мы до сих пор воображаем себе то столетие как хронологически «завершенную» и свершившуюся по своим историческим задачам эпоху. Но ни Кант, ни Мендельсон так не мыслили свое актуальное время. Более того, оба мыслителя, чрезвычайно чуткие к пониманию исторических перемен, рассуждали нарочито вне конкретного времени.

Кант довольно часто в своих сочинениях обращался к проблематике целенаправленной истории, Мендельсон был серьезно озадачен вопросами всеобщности исторического процесса, из контекста которого европейские евреи не были бы содержательно вырваны. Но в своих очерках о смысле просвещения никто из них не рассматривал свой актуальный хронос как пролог к началу чего-то цивилизационно нового. До 1784 года Кант свою эру именовал по-разному: то «веком критики», то «мыслительным веком», то еще как-то. Просвещение как историческое время заиграло в его письменном наследии только после написания этого трактата. А в нем он преимущественно оглядывался назад, пытаясь описать, из какого состояния просвещению надлежит вывести человечество. Собственно, это давало ему повод для серьезной игры словами и значениями.

Кант отвергает понимание актуального времени как «просвещенной эпохи» (*aufgeklärten Zeitalter*), ее следует понимать только лишь как «эпоху просвещения» (*Zeitalter der Aufklärung*). Мендельсон же, похоже, этой разницы вовсе не чувствовал. Один раз в его трактате появляется словосочетание «*aufgeklärtesten Zeiten*» (просвещенные времена) без какой-либо исторической привязки, довольно абстрактно, как некогда случавшиеся ранее моменты мировой истории. А эпоха просвещения Канта (в конце трактата он назвал ее гораздо точнее — «*век Фридриха*» (*Jahrhundert Friedrich*) по имени прусского императора) предполагает начало необратимого исторического процесса выхода из умственного несовершеннолетия, что в его рассуждении тождественно только началу просвещения.

Кант завершает свой трактат логической цепочкой, выдержанной в духе всего европейского универсализма. Итак, только просвещенный человек может спокойно сказать: рассуждайте сколько хотите и о чем хотите, только подчиняйтесь! Ибо отнюдь не в полноте гражданских свобод, а, скорее, в духе народном природой заложена склонность и призвание человека к свободе мысли. А она в свою очередь воздействует на образ чувствования людей, благодаря чему народ становится более способным к свободе действий (*Freiheit zu handeln*). И под конец

все это неизбежно повлияет на принципы правления (Regierung), когда гражданин вдруг начинает восприниматься властью как нечто большее, чем простой механизм (mehr als Maschine), то есть соответственно его *гражданскому достоинству* (Würde).

Весьма схожим образом рассуждали буквально все сторонники теории общественного договора задолго до Канта. Они исходили из примата незыблемости общественного договора, выступали против революций, а главное, полагали, что просвещенное сознание само способно сделать поведение человека свободным и поэтапно изменит форму политического правления. С высоты истории эта логика кажется наивной и отчасти утопической. Но как бы то ни было, именно так мыслили просвещенные философы XVIII века. Правда, на исходе того же столетия просветительская мысль сперва переживет сокрушительный удар в облиции Французской революции, а после этого ее базовые постулаты будут раскритикованы европейским романтизмом. Но не будет отвергнутой философия универсализма, на значимости которой вместе и так по-разному настаивали Мендельсон и Кант.

Мендельсон и Кант: две стороны просветительского универсализма

Оба мыслителя, реагируя каждый по-своему на вопрос «Что такое просвещение?», без сомнения, решали для себя еще и другую важнейшую смысло-жизненную задачу: как понимать значение и актуальность своего личного философского служения. Для чего нужна просветительская философия и как она помогает формированию критически мыслящей личности?

И это понимание, как мы уже выяснили, было у них далеко не всегда совпадающим, наверное, даже лучше сказать: при духовной близости на проверку оказалось дивергентным. То есть они отталкивались от общих историко-гносеологических оснований, но далее двигались отличными идейными путями. Никто из них не считал свои тексты «откровением», но и не предполагал по ним какую-то дальнейшую дискуссию. Оба текста написаны с холистических позиций, как если бы в них содержалось их конечное послание будущим поколениям, а главное — раскрыта «тайна», как западному человеку стать просвещенным и современным. Слагаемые этого нового гражданского этоса у них более или менее одинаковые, а вот рецептура — разная.

К сожалению, нам не известно ничего о реакции Канта на очерк Мендельсона, равно как и наоборот. Мендельсон не оставил письменного свидетельства о своем отношении к ответу Канта. Впрочем, может, просто не успел, так как трагически и внезапно скончался в 1786 году. Я все-таки склонен думать, что так совпали обстоятельства их жизни и они не обмолвились ни словом друг о друге не только из вежливости и доброго отношения. Но, вполне вероятно, им просто не хотелось вновь

возвращаться к теме, которую, как думал каждый из них, они окончательно закрыли. Но когда сегодня обнаруживается, что большого совпадения в их мысли, увы, не случилось, мы просто обязаны понять, что за этим стоит и какие последствия их дивергентная просветительская мысль имела для будущих поколений европейцев. Учитывая разновекторный характер развития западных стран и России как части европейского Старого Света, в частности.

Для этого я самым кратким образом сформулирую основные тезисы о *дивергентности просветительской* логики Канта и Мендельсона.

- Кант был убежден в том, что ему удалось создать уникальный философский этос, основанный на принципе свободного применения разума, который был открыт для каждого мыслящего европейца, но не предполагалось затаскивать его туда силком. Сообщество резонирующих граждан как самостоятельно расширяющееся публичное пространство есть главный вызов историко-мировоззренческому несовершенному.
- Мендельсон отталкивался от всеобщего характера европейской культуры и политики и полагал, что теоретическое знание предотвратит его дезинтеграцию.
- Кант не был озабочен ни воспитанием, ни образованием, хотя и писал об этом в других своих сочинениях. Его просвещение — *резонерское*. Он не считал правильной даже саму постановку вопроса об изменении природы человека. Кант был убежден в адекватности институционального «воспитания»: только эффективные институты способны корректно изменить поведение человека, поэтому призывал крепить институты. Главная забота просветителя, по Канту, оберегать пространство свободной мысли.
- Мендельсон, напротив, верил в образование и культуру и поэтому провел жесткую грань между ними и просвещением. Его философский пафос — не резонерский, а *менторский*. Он тоже верил в свободную мысль, но полагал, что она вполне может сформироваться в человеке в результате длительного и систематического дидактического воздействия.
- Кант уходил от ответа на вопрос «Что надо делать?», полагая, что совершеннолетнему сознанию вовсе не нужно на это указывать. Мендельсон же, напротив, искал простые ответы на этот же вопрос и поэтому мог дать только один дельный совет: искать гармонию между просвещенностью и культурностью, ибо всякое нарушение баланса между ними будет иметь пагубные последствия.
- Кант — последовательный и прагматичный универсалист, хотя и не дал ни одного «практического» совета европейским властям, кроме призыва к веротерпимости. Мендельсон же был и понятнее, и ближе им, несмотря на свои, совершенно чуждые европейским монархам, этноконфессиональные корни. И он, кстати, не считал, что предназначение

Ансельм Кифер. *Zweistromland/The High Priestess*. 1989

человека формируется образованием, оно лишь проясняется, то есть образованный человек способен по-настоящему осознать свое предназначение, в противном случае он живет в непросвещенном неведении.

- Кант отталкивался от космополитической трактовки «секрета» просвещения и исключал возможность разных культурных толкований публичности и резонерства. Мендельсон, напротив, был убежденным сторонником примирения европейской всеобщности с локальными версиями культуры, то есть синтеза западного универсализма с неевропейской национально-религиозной идентичностью.
- Просветительская философия Мендельсона была **мудрой** и в целом более понятной для просвещенной власти Запада. Просветительская мысль Канта была **глубокой** и предельно бескомпромиссной и, возможно, поэтому для европейской политики так и осталась «вещью в себе».
- Мендельсон инструментален, особенно для стран догоняющего развития. Он решает макрозадачу малых наций, как выжить в универсальном контексте и не потерять себя. Точнее сказать, как сохранить себя и при этом познать и адаптироваться в пространстве общеевропейских смыслов. Вслед за ним, не ведая того, двинулись многие европейские народы, что неизменно приводило их в политический тупик. Мендельсон в проевропейском образовании видит прежде всего важную оболочку, что было тогда очень созвучно образовательной политике просвещенных деспотий, в том числе и российской, и, по-моему, остается таковой и поныне.

- Мендельсон делает акцент в просвещении на действии, Кант — на внутреннем вызревании, но при соблюдении главного условия: свободы мысли. Мендельсон, подобно Моисею, верил в эффективную направленность длительного воспитательного воздействия. Кант уходит от ответа на вопрос, как случится просвещение, полагая, что никто не может этого знать заранее. Поэтому для Канта важны условия, правила и ценности. Для Мендельсона — просвещенный деятельный субъект, готовый принять и возглавить процесс гражданской пропедевтики.
- Кант был убежден в том, что универсализм — внутренняя сущность, ее нельзя примерить снаружи, ибо это не внешнее свойство людей и сообществ. Поэтому кантовский универсализм — умопостигаемый, а просвещение — умодостигаемое.
- Мендельсону по-человечески близка просветительская формула: как выжить гражданину-человеку в универсальном пространстве. Канту по душе совсем иное: как в этом пространстве достойно жить и считаться достойным гражданином.
- Оба философа одинаково нащупывают объект просвещения при разнице во взглядах на его предмет. В эссе Мендельсона о субъекте просвещения надлежит лишь догадываться, скорее, он его искал *в домене просвещенной власти*. Кант же при всем неподдельном уважении к просвещенным монархам своего времени все же считал, что публика *сама себя и будет просвещать*, если предоставить ей такую возможность и гарантировать свободу мысли и действий.
- Мендельсон не чурался просвещения как инструкции, хоть и не объяснил, как она будет выглядеть и как ей пользоваться. Кант же такой подход к просвещению решительно отверг.
- В итоге Мендельсон так и не ответил на вопрос, *как* просвещать, а Кант ушел от вопроса, в чем же его *предмет*. Форма и содержание общей для них просветительской мысли так и не нашли друг друга.

Какие из исторических наций пошли вслед за Мендельсоном, а какие за Кантом — несложно догадаться.

Нам только кажется, что европейское просвещение монолитно, на самом же деле у него изначально модельно были обозначены два интеллектуально-политических пути. И оба были удивительным образом сформулированы в том далеком 1784 году.

Если придерживаться строгой морфологии слова «конгениальность» (от лат. «cum» + «genius», то есть «с» + «духом, гением»), то логично было бы задаться вопросом: кто же из героев моего очерка был «с», а кто «гением»? Впрочем, решайте сами. Материал для этого перед вами.

28 апреля 2021 г.

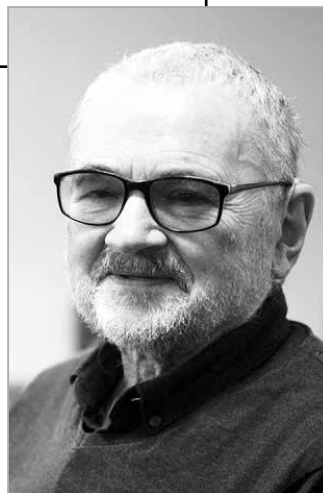
Сообщество просвещения

Совершеннолетие

В 1784 году в небольшой своей статье Иммануил Кант дал ответ на вопрос, заданный одним пастором всему европейскому интеллектуальному сообществу: «Что такое Просвещение?» Ответ неожиданный: на конъюнктурный вопрос философ ответил так, что открылся философский — универсальный, общезначимый, по сей день актуальный — смысл уникального события в истории европейской культуры. «Просвещение, — говорит Кант, — это выход человека из состояния несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине». Определение легко истолковать школярски, будто речь идет о чем-то вроде возрастной психологии, но вопрос был задан об эпохе. Имеется в виду событие не психологическое, а историческое, оно происходит с человеком, открывает нечто в человеке.

Итак, до сих пор человек пребывал в состоянии несовершеннолетия, то есть под присмотром, под опекой, под руководством — общины, государства, церкви... — инстанций, наделенных полномочиями руководителей, опекунов, учителей. Кто-то когда-то уже подумал за тебя, уже решил, расставил координаты и разместил ценности. Теперь же настало время совершеннолетия, и пребывание в прежнем состоянии воспитанника детского дома вменяется человеку в вину. Таков метаисторический смысл исторического момента.

Что же такое совершеннолетие, взрослость, понятия эпохально, как своего рода откровение о человеке? Казалось бы, нехитрое и всегда бывшее дело: умение самому, без руководства пользоваться своим рассудком (*seines Verstandes*), отвечает Кант. Пришло время жить самому, и не слабость ума, а только трудность и лень оставляют нас инфантильными недорослями, нуждающимися в руководстве. Просвещение вовсе не просветительство, речь не об образованности, компетентности, учености. Тут важно не столько, что имеется в распоряжении, сколько, кто и как

Анатолий Ахутин,
философ

располагается. Совершеннолетие — это выход в мир один на один. Пробуждение в себя, обретение себя в решимости и мужестве думать от первого — своего — лица. «Отважись думать!» — цитирует Кант Горация. Не героические поступки, а простое, как кажется, принятие на себя полноты ответственности за собственное суждение без ссылок на авторитеты, традиции, установления, нормы требует мужества и решимости. Почему же? Потому что, принимая на себя авторство суждения, человек встречается с собой, судящим, решающим и ответственным за решение. «Отважись думать!» значит: «Отважись быть собой, решающим!» — собой, кем ты всегда уже был, есть и будешь, кого не устранить, сколь смиренно ни слушайся авторитетов, ни подчиняйся властям, ни отрекайся от разума перед лицом небесных сил в надежде заслужить хорошее место благочестивым послушанием.

Оставаясь наедине со своим рассудком, человек лишается помощи чужого знания, чужого мастерства, уже обретенной и учрежденной мудрости, он встречается с собой — судящим и решающим. Вся мудрость мира — откровения, открытия, постижения, умения и решения, принятые когда-то кем-то до него, за него и предписываемые ему, — все это останется мертвым грузом или чуждой машиной, если не будет усвоено мною в моем решающем средоточии. Просвещение открывает, что всякому послушанию и подчинению предшествует собственное автономное решение. Например, решение признать гетерономную опеку и уполномочить ее представителей на руководство тобой. И вот, говорит Кант, пришло время совершеннолетия, а именно время принять всерьез свое решающее участие в учреждении того, на попечительство чего до сих пор полагался. Отныне не знать о своем, всегда уже состоявшемся решении, о свободном соучастии во всех «бытиях» (психических, социальных, космических, божественных), что определяют тебя, значит не просто оставаться несовершеннолетним поневоле и по неведению, а свободно решить быть несовершеннолетним, быть виновным в своем несовершеннолетии.

«Теперь ты сам(а)», — говорят разумные родители. На своих ногах, в своем пространстве, в своей компании, в своих замыслах, в своей судьбе... «Теперь ты сам», — говорит историческое событие, именуемое Просвещением. Это не патетический призыв «Будь собой!», а, скорее, приговор: «Отныне ты виновен в своей несамостоятельности».

Сокровенное просвещение

В свете эпохального Просвещения можно заметить этот «выход в совершеннолетие» в других культурах и эпохах: как человек открывает свое собственное соавторство в «давании» данного ему мира, соучастие своего суждения в суженой ему судьбе, свое сокровенное согласие быть детерминированным внешними силами.

Совершеннолетний человек не оправдывается посторонними обстоятельствами, не передает им авторство своих поступков. Не со мной случаются случаи, я виновник событий своей жизни, не «мне хочется» — я хочу. Но кто это «я», где он во мне среди моих инстинктов, желаний, интересов, комплексов, ролей, отношений, обязанностей?

Вот царь-тиран Эдип. Он царь не потому что правит в Фивах, а потому что овладевает своей судьбой. Он сделал все, чтобы найти себя. Сделал все, чтобы не совершить то, что ему напроорочил бог, что суждено роком. Он невиновен. Но он не передает судьбе роль виновника своей жизни, отнимает себя у богов, признает себя виновным и оказывается выше богов и судебных, говоря: «Это я виноват. Это я убил своего отца. Это я совершил инцест с матерью». Он сам — преступник, детектив, следователь, судья, подсудимый и палач. Вот какое необходимо мужество, чтобы судить от первого лица как совершеннолетний.

Еще один пример из той же античности. Кто такой Сократ? Это человек, который не просто искал «общие определения этических понятий». По той же заповеди дельфийского бога он, как и Эдип, «распознавал, искал самого себя». В бесконечных рассуждениях он не конструирует какую-то рациональную этику, а возводит саму отгаку радикального вопрошания в основу этоса. Сократа приговорили к казни. И заметим, на суде он мог отвечать так, чтобы его не осудили на смерть, но Сократ отвечает за себя и свое дело, без которого ему «жизнь не в жизнь», он его совершеннолетний автор-виновник, а не провинившийся юнец, спасающий свою жизнь. Сократ сам осуждает себя на смерть, превращая обвинителей и судей в пассивные орудия своей игры. Он тут единственный совершеннолетний среди судей, не умеющих пользоваться своим рассудком. Друзья предлагают Сократу бежать из тюрьмы, но он отказывается: это будет отказ от себя, поступок несовершеннолетнего, скрывающегося от себя и признанных им самим Законов.

Вменяемость

Просвещение совсем не обязательно связано с секуляризацией или разрушением традиционных формаций, меняется только одно: профессии (как и профессии) не просто наследуются, а принимаются (если принимаются) ответственно, то есть свободно судящим решением.

Понятно, что социальным оборотом так понятого Просвещения будет у Канта гражданское общество и система формального права.

Быть совершеннолетним — значит отвечать за себя, вести свое существование, выступать и поступать от собственного лица, признавать авторство своих поступков. Это называется для нас всех знакомым словом «вменяемость». Ты вменяем — вот что значит совершеннолетие. Гражданское общество — общество взрослых, вменяемых, отвечающих за свое «произволение» людей. Здесь важно иметь в виду две стороны

одного отношения, конституирующего общество совершеннолетних, гражданское общество. Это отношение Кант называет «уважением» (*die Achtung*). На языке права две стороны, которые я имею в виду, именуются «презумпция невиновности» и «полнота ответственности». Ты сначала считаешься невиновным, поскольку признаешься вменяемым, ответственно судящим и поступающим — совершеннолетним — гражданином. Если же ты нарушил закон, преступил границу, охраняющую право свободного произволения другого, тебя привлекают к суду тоже как вменяемого, то есть автора-виновника своих действий, за которые несешь всю полноту ответственности. Ты не можешь сказать: «Нет, это не я — это мои инстинкты, меня так воспитали, у меня было тяжелое детство, ментальность того народа, где я вырос, такова, черт попутал...», суд в полноте собственной ответственности наделяет подсудимого полнотой свободной самости. Тем самым суд оказывает человеку высшее уважение, не признавая детских отговорок, он признает и защищает суверенную вменяемость человека: способность частного лица к ответственному поступку.

В основании правовой и судебной системы гражданского общества лежит этот принцип уважения к человеку как совершеннолетнему субъекту. Другое дело — сообщество с руководящей идеологией, разделенное на знатоков-блюстителей, опекунов-воспитателей, стражей-пастырей, с одной стороны, и паству инфантильного населения — с другой. Законы здесь охраняют не автономию вменяемых граждан, а учрежденный свыше порядок. Охраняют от ослушников: граница между преступником и невменяемым стирается. Законы предписываются людям как подчиненным частям заранее решенного целого. Решающим — единственно «взрослым», совершеннолетним — субъектом будет «суверен», воплощающий саму общность («идею блага»), подданные же останутся инфантильными недорослями, за которыми нужен глаз да глаз. Право принимает характер органа исправления, судебная власть становится преддверием пенитенциарной системы: вместо соблюдения прав — исправительные учреждения вплоть до психиатрических.

Политика

Совершеннолетие, пробуждение в себя, способного самому держать ответ за себя, руководствуясь суждениями собственного рассудка, — событие со всех сторон опасное. Как, впрочем, и само рождение в мир. Тут в самом деле требуется отвага, решимость. И все же трудность здесь не столько в трусости и лени, сколько в другом. Чтобы посметь свое суждение иметь, можно набраться смелости, дерзости, романтического своеволия, уверить себя в том, что «право имеешь». В юности «мы все глядим в Наполеоны» и полны решимости. Но вопрос не в решимости, а в рассудке, в умении «пользования своим рассудком», вопрос

в том, как, чем мы решаем, кто или что в нас решает. Можно научиться профессиям, но никто не учил нас «пользоваться рассудком». Из того, что суждение свое, никак не следует, что оно истинно. А ведь помимо внешних опекунов, помимо опекунов усвоенных, существуют наши собственные диктаторы: желания, эмоции, настроения. Желудок или сердце тоже подсказывают рассудку свои суждения. Сверх того, мы можем иметь свои понятия об общем благе, которые мы норовим считать не суждениями своего доморощенного рассудка, а истинами самого Разума. Кант пишет статью в 1784 году; пройдет чуть менее 10 лет, и во Франции богиня Разума, изобретенная Робеспьером, займет свой трон у алтаря, изобретенного профессором анатомии Гильотеном.

Революция может свалить монархию и установить диктатуру самого Разума (или «научного коммунизма»), но это не научит людей пользоваться своим рассудком, а, скорее, лишит последней самостоятельности. Когда диктатура устанавливается от лица Разума, собственное суждение экспроприируется вместе с прочей частной собственностью и обобществляется, людям остается инфантильное сознание недоумков-беспризорников — и вот они сами готовы к тотальному послушанию и наказанию за ослушание.

Для Канта же вовсе не «разум» — свой или общий — становится просветителем, основная задача как раз в том, чтобы критически просветить сам разум, а людям просветиться в своей частной способности суждения. Разумность разума заключается не в какой-то «рациональности» вообще, а в его рефлексивности, в способности самокритики, самооспаривания. Повторю, если ты судишь собственным суждением, из этого никак не следует, что твое суждение ответственно, оно может быть сомнением, не менее предрассудочным, чем любой предрассудок, подкрепленный авторитетом. Ответственный ум не берется в сомнении преобразовывать институты и системы управления, работа коих обеспечивает нормальное функционирование государственной машины, он не изобретает царство разума в своей келье. Просвещенное совершеннолетие — это выход человека в свет, искусство суждения и рассуждения в обществе, на публике. Отвага требуется не для того чтобы иметь свое суждение, а для того чтобы выдвинуть свое суждение на суд других. Здесь не годятся ссылки на авторитеты, традиции или доктрины «чистого» разума, здесь нужна смелость самому быть автором своего суждения. «Для просвещения требуется только свобода, — уточняет Кант, — и притом самая безобидная, а именно свобода во всех случаях публично пользоваться собственным разумом».

Свобода слова, публичных дискуссий — такова социальная плоть просвещенного разума.

Граждане не отказываются служить в армии, платить налоги, служить в церкви, но «в качестве ученых» оставляют право свободно и публично — сообщая — судить обо всех этих делах, службах и обычаях

Олафур Элиассон. Проект погоды. 2003

Фото: Ари Магг

как делах ответственных (вменяемых) авторов. Просвещение рассудка начинается с опубликования своего суждения, выставления его на суд всех, способных судить самостоятельно. Конститутивна для гражданского общества не идея общего разума, общего блага, а свобода общения самостоятельно судящих.

Пастор пасет свою паству, офицер требует от своих солдат исполнения приказов, но когда они говорят «с настоящей публикой, а именно с миром, стало быть, при публичном применении своего разума», они располагают «неограниченной свободой пользоваться своим разумом и говорить от своего имени».

Иначе говоря, пресловутый «рационализм» Просвещения заключен, по Канту, не в господстве некой монологической рациональности, а в свободе публичного обсуждения, в общении самостоятельно, от собственного лица судящих — как условия просвещения разума. Просвещение — по Канту — не господство просветителей темного населения, а «свет» общительности, широта мысли, признающей другого, и ответственная последовательность собственных суждений. Это свободное общение людей, в которых их мировоззрение, конфессии, профессии сосредоточены в способность частного суждения.

Просвещение глобального мира

Сегодня в нашем мире миров все смешивается. Разного рода «меньшинства», беженцы, террористы, веры и безверия, фанатизм и нигилизм — все эти разные миры толпятся теперь на одной площади. И это неслыханно усложняет нашу проблему быть человеком. Мы цепляемся за разного рода вековые традиции или даже сами придумываем традиции «примордиальные», но только умножаем площадной скандал современного мира. Теперь этот кто-то, кого будут слушать, будет называться традицией или новенькими словами типа «ментальность», «генетический код». Дескать, нам так на роду написано, таковы наши «скрепы», поэтому нам позволено то, что другим не позволено. Хотя Кант сказал бы, что это отговорки несовершеннолетних: спрашивается с тебя, как с человека, способного судить. Ты единица не только этническая, принадлежащая некоему роду, некой традиции, — в планетарном мире мы прежде всего единицы этические: в отсутствие планетарных законов остаются законы вменяемых жителей нашего общего дома — этические. И тут позиция человека просвещения оказывается заново актуальной. Публичность глобального мира требует нового совершеннолетия. Теперь надо отважиться признать личную, авторскую ответственность за склад своего мира, продумать суждения, продиктованные, возможно, языком, ментальностью, традицией, верой, убеждением... так, чтобы сделать их не всеобщими, а всего лишь своими собственными и предложить к совместному обсуждению в мире миров, среди людей, судящих

столь же самостоятельно, широко и внимательно. Даже теоретический разум (со своей априорной онтологией) должен здесь отступить перед способностью суждения, стать «подсудным» субъектом просвещенного общения по поводу возможной архитектоники «чистого разума». Словом, именно глобальный мир может стать светом нового просвещения (если избегнет «столкновения цивилизаций»).

Просвещение философией

Однако к возрасту совершеннолетия (тем более исторического) разве мы уже не решены раз и навсегда? Разве рассудок не полон предрассудками, а разум не прошит «истинами», разумеющимися сами собой, а вовсе не мной? Значит, чтобы отважиться думать, чтобы пользоваться собственным рассудком, мужества мало, надо еще этот рассудок найти, в свой разум войти.

Мыслить, пользоваться собственным рассудком, — но мы же не знаем, что это значит. Есть такая поговорка: «Мудрец отличен от глупца тем, что он мыслит до конца». Что значит мыслить до конца? Где конец размышлению — вопросам, сомнениям, столпотворению мнений? Мы знаем одно такое упорство мысли мыслить до конца — философию. Мыслить до конца или до первоначала. В том числе и собственного первоначала.

Философская мысль есть мысль самостоятельная, поскольку по замыслу изначальная. Философ в своем мышлении о первоначалах мысли с *самого начала* мыслит как *автор* своего мира со всей его безмерностью и сверхчеловечностью.

Однако в современном мире миров, в уме современного человека, где мыслят умы архитектурно различны, умы не только современных миров-культур, но и исторических времен-эпох, — теперь философские метафизики, онтологии и логики приобретают характер свободной и частной *способности суждения*. Общение в глобальном мире нуждается в «мире света» — в светском салоне своего рода.

Ширли Уильямс (1930–2021)

11 апреля в Лондоне скончалась Ширли Уильямс, баронесса Уильямс Кросби, британский политик и ученый, постоянный эксперт и друг Школы с 1994 года. В 1964 г. она была избрана в палату общин Великобритании, в 1967–1969 гг. занимала в Кабинете министров пост министра образования и науки, в 1969–1970 гг. — министра внутренних дел, в 1976–1979 гг. — генерального казначея Великобритании. В 1981 году она стала одним из создателей Социал-демократической партии, в 2001–2004 гг. возглавляла фракцию либерал-демократов в палате лордов, в 2007–2010 гг. была советником премьер-министра Гордона Брауна по вопросам нераспространения ядерного оружия. Она автор книг: *Politics Is for People* («Политика для людей», 1981); *Unemployment and Growth in the Western Economies* («Безработица и рост в странах Запада», 1984); *A Job to Live* («Работа для жизни», 1985); *Snakes and Ladders, a Political Diary* («Змеи и лестницы, политический дневник», 1996) и автобиографии *Climbing the Bookshelves* («Восхождение на книжные полки», 2009).

Для нас и для региональных участников семинаров Школы из России и стран постсоветского пространства лекции и выступления Ширли Уильямс в подмосковном Голицыне, в Сибири, в Оксфорде, в Страсбурге останутся самыми яркими и значимыми событиями в биографии политика мирового уровня и высокого класса педагога. Ширли приносила в аудиторию не только профессиональное понимание мира политики, но и высокоморальное отношение к жизни и профессии.

Ее уход — потеря для всех нас, кто слушал ее, дружил с ней. Она прекрасный пример служения политика и человека удивительной судьбы!

*Лена Немировская,
Юрий Сенокосов*

Иван Беляев,
журналист

Агора

Эпоха сиюминутности наступила надолго», — говорит в эфире у Михаила Швыдкого главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», политолог Фёдор Лукьянов. «Мы оказались в состоянии неопределенности, когда ломаются все тренды мироустройства», — вторит ему в другом выпуске той же программы президент ИМЭМО Александр Дынкин. Это интересно: бывший министр культуры РФ в последние месяцы посвятил две своих авторских программы обсуждению «образов будущего», но, кажется, лишь для того, чтобы найти на месте темы обсуждения пугающую пустоту.

Будущее уже было, говорит Лукьянов, поясняя, что закончилась некая «золотая» эра международных отношений, для которой, по его мнению, характерны «управляемость и предсказуемость». С одной стороны, это поднимает несколько неудобных вопросов. Например, действительно ли эта управляемая и предсказуемая эпоха существовала, не является ли она вымыслом, удачно оформленным задним числом? Кроме того, Фёдор Лукьянов — один из тех, кто формулирует официальную российскую внешнюю политику, пускай даже в ее «умеренно-либеральном» варианте, и уже хотя бы поэтому должен понимать, что Россия в современном мире выполняет роль силы, сознательно борющейся с управляемостью и предсказуемостью, часто намеренно ищущей нестабильности ради самой нестабильности.

Но даже с учетом этого оба эксперта не говорят ничего, что бы в той или иной форме ни звучало в мире уже много лет. «С 1991 года мы жили в Американской империи, уникальном однополярном мире, в котором открытая глобальная экономика

стремительно расширялась и ускорялась, — пишет Фарид Закария в своей книге *The Post-American World*, но тут же добавляет, что именно эта экспансия и заложила основы нового порядка: — На политическом и военном уровне мы остаемся в мире с одной мировой сверхдержавой. Но во всех остальных измерениях — промышленном, финансовом, образовательном, социальном, культурном — распределение власти смещается, удаляясь от доминирования Америки». Возникает мир, который американский политолог Иэн Бреммер метко назвал *G-Zero World*, миром Большого Нуля.

Можем ли мы зафиксировать точку исчезновения «Американской империи» и рождения на свет *G-Zero World*? Скорее нет, но, распутывая цепочку, рано или поздно мы придем к выводу, что этот поворот был фактически неотвратим, и все его корни можно увидеть уже в самом начале девяностых годов. Достаточно полистать серьезные газеты и журналы того времени: многочисленные региональные конфликты, на которые Запад не реагирует или реагирует с большим опозданием; беженцы; недоверие европейцев к процессу объединения Европы; кризис системных партий и рост популизма; неготовность Запада к построению посткоммунистического мира.

Американское лидерство и «уникальный однополярный мир» не были оформлены, они случились явочным порядком после самоустранения с политической сцены Советского Союза. Но даже с возвращением в мировую политику России, со стремительным ростом Китая, с сохранением мощного экономического потенциала Европейского союза или Японии, с такими будущими глобальными игроками, как Индия или Бразилия, мир не становится многополярным.

Очевидно, что значительная часть американского общества попросту устала от американского политического лидерства и ответственности за все происходящее на планете. Дипломатия Трампа была скоропалительной и часто попросту неразумной, но во многом отвечала запросу его избирателей — перенести фокус внимания на внутренние дела. Но и в условиях, когда американское лидерство угасает, ни Китай, ни Россия, ни, скажем, Германия попросту не готовы его перехватить. Россия, казалось бы, заинтересована в ослаблении США, но она не может предложить миру ни новой идеи, ни серьезного проекта; она не способна к созданию больших надежных альянсов и порой просто витает в морально устаревших иллюзиях — недаром кремлевская пропаганда так охотно откликнулась, когда Путин нарочито оговорился, назвав ОДКБ Организацией Варшавского договора. Фёдор Лукьянов говорит об отсутствии в мире «ценностной опоры», но Россия кажется одной из последних стран, готовых такую опору предложить, если не считать таковой чистый антиамериканизм и антизападный ресентимент.

Это отсутствие «предложения» на рынке политического лидерства объясняется, конечно, фундаментальными переменами в мировой

экономике и культуре, утверждением того, что польско-британский социолог Зигмунт Бауман называл текучей современностью. Снижение роли «тяжелого» или «фордистского» капитализма, зарождение принципиально новой «цифровой» экономики, уменьшение значимости национальных государств, нарастание веса транснациональных корпораций — все это Бауман описывал еще в девяностые.

Текучая современность уничтожает структуры, привычные иерархии, институты. «Печально известная фраза Маргарет Тэтчер “Нет такой вещи, как общество” была одновременно пронизательной мыслью об изменяющейся природе капитализма, заявлением о намерениях и самоисполняющимся пророчеством», — пишет Бауман, и у нас нет причин не перенести его рассуждения и на уровень мировой политики. Мы находимся в точке институционального упадка. Политические, финансовые, культурные институты либо на грани исчезновения, либо существуют по инерции, либо оказываются жертвами манипуляции менее добросовестных игроков. Не будем далеко ходить за примерами: две самые большие и респектабельные организации, в которые входит Россия, ООН и Совет Европы, не смогли сделать ничего для предотвращения аннексии Крыма и войны на востоке Украины; бессильны они и против нового, довольно опасного витка репрессий и зачинивания гаек, которые осуществляет правящий в России режим.

Как писал французский социолог Мишель Крозье, «власть игрока в конечном счете зависит от контроля, который он может осуществить над источником неопределенности». В этом смысле быстро меняющийся мир без стабильных правил оказывается больше на руку агрессорам и манипуляторам, тем, кто способен решительно опрокидывать игровую доску, когда их что-то не устраивает. «Современные государства не способны рассуждать о будущем человечества», — говорит в эфире у Швыдкого заведующий кафедрой этики МГУ Александр Разин, хотя его гневный пафос как раз направлен в сторону западных стран, а не России.

Картина довольно мрачная, но ставить точку в этом месте не хочется. «Интересы правят миром, и перед каждым государством стоит задача согласования этих интересов», — говорит в эфире у Швыдкого директор Института США и Канады Валерий Гарбузов. «Мир вошел в стадию деглобализации, но глобализация вернется», — добавляет директор Российского совета по международным делам Андрей Кortunov.

Рано или поздно новый виток глобализации потребует новых договоренностей, упомянутого Гарбузовым согласования интересов, а значит оформления новых институтов. И здесь мы бы для простоты воспользовались определением, которое институту дают американские социологи Питер Бергер и Томас Лукман в своей книге «Социальное конструирование реальности» (*The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*): институт — это «перманентное

решение перманентной проблемы». Надо сказать, что такое определение появляется у Бергера и Лукмана совершенно мимоходом и совсем не является центральным в их социологической теории, но мне лично кажется очень четким и удобным, причем как на микро-, так и на макросоциологическом уровне, включая отношения государств (но и не только государств — в этом мире не менее весомыми игроками останутся крупнейшие компании, IT-гиганты, социальные сети).

Итак, перманентные проблемы и перманентные решения. Александр Дынкин, к примеру, считает, что наиболее серьезными угрозами XXI века являются новые пандемии, изменение климата и региональные конфликты. Насколько эти угрозы вообще обладают объединительным потенциалом? В наибольшей степени близка к рождению новых работающих институтов тема климата, но и она во многом разъединяет разные регионы планеты, а по одной из версий, и вовсе закрепляет отставание бедных и развивающихся государств.

Если же говорить об эпидемиях, то прошедший год однозначно убедил нас, что пандемия COVID-19 была страшным ударом по международному сотрудничеству и свободам людей. Когда снова мир вернется к открытости границ «до двадцатого года»? Смогут ли правительства ведущих стран мира преодолеть новые формы национализма и протекционизма, в частности, потушить «вакцинные войны»? Сможет ли мировое сообщество осознать, что даже на пике карантинных и локдаунов ни одну страну не запрешь на замок и мало кому удастся запереться от других, а стало быть, в общих интересах помогать слабым, ведь разгул эпидемии в таких больших и густонаселенных странах, как Индия и Бразилия, касается всех?

«Опыт показывает, что голый исторический интерес всегда на первом месте», — говорит Валерий Гарбузов. Но будущее государства зависит от возможности создавать широкие коалиции, в том числе с гражданским обществом, с другими государствами, с международными организациями, считает Андрей Кортунов.

Поэтому оптимистический сценарий будущего в первую очередь определяется через воссоздание и переизобретение международного сотрудничества, через победу над новыми формами изоляционизма. Несколько удручает в этом лишь то, что вред такого изоляционизма и насущную необходимость международной кооперации прекрасно понимают интеллектуалы, собранные Михаилом Швыдким в студии программы «Агора», но все они в той или иной степени, пусть даже с определенной дистанцией работая на российскую власть, оказываются бессильны хоть немного подтолкнуть ее в эту сторону.

В издательстве «Новое литературное обозрение» вышла книга **Владимира Зелинского** «Разговор с отцом».

Через 50 лет после смерти отца автор восстанавливает его биографию, пытается понять, почему в разных жизненных ситуациях он поступал так, а не иначе.

«Разговор с отцом» — это не просто биография отца, написанная сыном, это рассказ о времени и об отношениях интеллигенции с властью.

Удивительно сложилась судьба отца и сына: Корнелий Зелинский — советский литературовед, уцелевший во время сталинских репрессий, вполне вписавшийся в номенклатуру советских писателей, и один из трех его сыновей, Владимир Зелинский, православный богослов, рукоположенный в православные священники в эмиграции, настоятель маленького прихода в итальянском городе Брешиа. Зелинский-сын признается, что, прожив большую часть жизни «с горделивым сознанием откатившегося яблока», не очень-то желая иметь много общего с отцом, по прошествии лет понял, что незримым образом получил от отца в наследство нечто нематериальное, а именно — долг свидетельствовать о своем времени, как его отец свидетельствовал о своем, в конце жизни раскаяваясь в своих ошибках.

С разрешения автора и издательства «НЛО» публикуем главу «Застолье со Сталиным», в которой рассказывается о встрече советских писателей со Сталиным в квартире Максима Горького 26 октября 1932 года. Зелинский был единственным участником этой встречи, кто вел стенограмму, которую ему так и не удалось напечатать при жизни.

Застолье со Сталиным

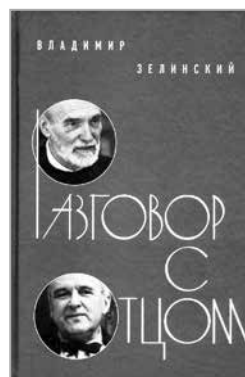
Этот выстрел отделил 1920-е годы от 1930-х. Советская литература входила в новую полосу под эхо маяковского выстрела. В сущности, и «Конец конструктивизма» был точно таким же выстрелом в себя, только куда более тихим, менее значимым, менее заметным. Время выстрелов только начиналось, не все они, по Пастернаку, будут «подобны Этне», их просто больше не будут слышать. Эпоха Октября заканчивалась при сохранении всех его лозунгов и символов, словесных перистых облаков или тяжелых туч, но о таком переломе никто не предупредил, и не все это сразу поняли. Не поняли прежде всего «неистовые ревнители» пролетарской литературы, тот РАПП, куда незадолго до смерти вступил Маяковский. А вот как именно начиналось это время, рассказал Корнелий Зелинский в очерке «Одна встреча у Горького».

Встрече предшествовала определенная литературная перетряска, которая пришлась как раз на канун ухода Маяковского. С 1929 года Сталин уже полный хозяин всего, на чем мог остановиться его взгляд на шестой части планеты. Взгляд генерального секретаря должен был охватить теперь и ЦК партии, и тяжелую промышленность, деревню и город, армию и лагеря, философию и музыку, приказывая всему этому хозяйству выстроиться в единое отлаженное целое. Никаких партийных фракций, как и литературных группировок, никаких частных словесных промыслов, обособленных писательских или крестьянских

хозяйств. Литературная речь становится частью государственной, своего рода необъятным, но строго контролируемым языковым поместьем, особо опекаемым, по-своему даже лелеемым и любимым.

Неожиданно отец оказывается в круге Горького, вблизи него. Горький в то время — как бы некий горный орел со всемирной славой, с широкими крыльями бывшего буриестника, под которыми собиралась вся официальная советская литература, не заметивший, правда, что теперь он превратился в чучело самого себя. У меня есть фотография с дарственной надписью, она опубликована в книге «На литературной дороге», где Корнелий Зелинский стоит за плечами Горького, отец любил ее показывать. Фотографировал не то Крючков, секретарь, не то Максим, сын. Сталин снесет головы обоим. Алексею Максимовичу тоже.

В октябре 1932 года Горький собирает своих питомцев на встречу со Сталиным, среди них — Корнелий Зелинский. Без него память о той встрече поместилась бы лишь в одну курьезную строчку в истории советской литературы. Благодаря отцу она стала ее событием, до сих пор, по-моему, не оцененным. Он оставил уникальный документ — подробную запись приблизительно на 40 машинописных страниц. Никто о той встрече, кажется, ничего не написал, по крайней мере не написал столь подробно. Были приглашены Фадеев, Гладков, Шолохов, Леонов, Всев. Иванов, Луговской, Авербах, Багрицкий, Сурков, Малышкин... — я насчитал 43 человека. Каждый был приглашен Горьким лично, по списку. Замысел его состоял, вероятно, в том, чтобы представить своих питомцев новой власти, как-то свести их друг с другом. Возможно, в воспитательных целях в отношении питомцев. И потому совершенно немыслимо было встретить в этой толпе тех, кто, собственно, и остался для нас в той великой русской литературе XX века, на которой мы когда-то выросли, которую впитали, которой не разучились удивляться. Не было там ни Андрея Белого, ни Булгакова, ни Тынянова, ни Пастернака, ни Мандельштама, ни Ахматовой, ни Платонова, ни Клюева, ни Шкловского, ни Волошина, сохранивших для нас родную речь в XX столетии, сумевшую не поддаться советской. Среди горьковских гостей они смотрелись бы фигурами, оставшимися на какой-то дальней обочине времени, которую лишь пока терпели, но уже с трудом. Не было и почти вписанных в систему Бабеля, Зощенко, Олеси, Пильняка. (Пильняк, кстати, на следующий день приезжал к Горькому объясняться по поводу своего неприглашения.) Но им, неприглашенным — за исключением Мандельштама, Пильняка и Клюева — выпал как раз больший шанс выжить, то есть умереть своей смертью. Что удалось далеко не всем горьковским гостям и сталинским в тот вечер собутыльникам, шагавшим по столбовой советской дороге.

Список Горького был, понятно, заранее завизирован в ЦК. Писатели были набраны и сгруппированы как передовой отряд. Честно говоря, мне не совсем ясно, почему в него попал представитель литературной критики, не очень престижного жанра, имевший в активе лишь книгу о поэзии, которую мало кто читал, и небольшой сборник статей, да еще шумное конструктивистское прошлое, от которого он лишь недавно отрекся, оказавшись как бы в облегченной категории раскаявшегося вредителя. Фадеев был еще моложе, но он уже занимал место живого классика, носителя надежд на великое будущее в литературе (они так и останутся надеждами) и претендента на место начальника цеха. Но благодаря выбору Горького — Крюкова — ЦК, за которым, разумеется, стояла четкая литературная политика, у нас осталось уникальное свидетельство об этой встрече.

Что-то магическое есть во всем этом действе. Словно тебя как читателя приглашают постоять на входной лестнице, спрятаться за портьерой, прислушаться, тем воздухом подышать. Доносится шум голосов, хриловатый сталинский акцент, окувающий басок хозяина дома и вместе с ним запах отличных закусок, хорошего коньяка, табака знаменитой трубки. Перед нами малая, почти уютная лаборатория диктатуры. Запись вышла очень точной и потому, на мой взгляд, бесценной для историков литературы; возникла же эта точность благодаря случайному, в сущности, обстоятельству: мой отец никогда не пил. В крайнем случае мог пригубить что-нибудь некрепкое. Единственный мужчина, кого я встречал, в России живший, не только ни разу в жизни не бывший пьяным, но даже и выпившим. Дело было в том, что, заболев на пятнадцатом году жизни пароксизмальной тахикардией, то есть нарушением сердечного ритма, он сразу же отсек от себя таковое искушение, которое, наверное, и искушением еще не успело стать. Отец любил вспоминать совет одного из преподавателей на выпускном вечере 1913 года: «Желаю вам, Корнелий, оставаться всегда таким трезвым, как сегодня». Пожелание было выполнено без единого провала. А тахикардия оказалась промыслительной — он прожил с ней еще 60 лет, и она сберегла ему жизнь, избавив как от Первой Кромешной войны, так и от Второй, Всегубительной.

Для прочих же гостей, внутренне напряженных, зажатых между обожанием и неясным, несознаваемым страхом перед лицом высшей власти, сегодня такой вальяжной, дружеской, но при этом смертельной (умом этого можно было в 1932 году еще не до конца понять, рассудком четко не измерить, но за умом у каждого ведь есть шестое чувство), алкоголь стал, вероятно, разрядкой. Что можно почувствовать, оказавшись за одним по-царски накрытым столом вместе с человеком, твоим наставником, единомышленником, вождем, самой персонализированной родиной, зная где-то от самого себя припрятанным знанием, что тебя лично вот эта родина может в любую минуту стереть с лица земли

вместе со всем твоим творчеством, семьей, честью, памятью о тебе, лишив даже достойной кончины и могилы? Про голодомор и раскулачивание каждый из гостей что-то, хоть и краем уха, далеко не все, но, конечно, слышал. Знал и про Промпартию, понимая, что само понятие врага и вредителя не всегда зависит от чьих-то добрых намерений или злых действий, оно, так сказать, сверху назначается партией, а партия — вот она здесь, тебе улыбается, подбадривает, железной логикой рассуждает, на коньяк налегает, а соседям водку подливает... Отец заметил, кстати, — а наблюдение у него было трезвое, — что Сталин один выпил около бутылки. Почти на доньшке осталось. Но пьяным не казался. После сего прямо здесь, за столом, предложил и теорию литературы: «Художник должен правдиво показать жизнь. А если он будет правдиво показывать нашу жизнь, то в ней он не может не заметить, не показать того, что ведет ее к социализму. Это и будет социалистический реализм».

Вот откуда все пошло. «Жизнь в ее революционном развитии», как будет позднее сформулировано, это и есть правдивое отражение того, что действительно есть. «Есть» теперь означает то, чему надлежит быть. Жизнь направляется партией, владеющей каждым ее уголком, кровеносным сосудом, утаенным помыслом. Это был феномен веры в то, чего в реальности еще нет, но что существует и утверждает себя в слове, лозунге, обещании. Такую правду никак нельзя было назвать простым приспособлением. Лет через тридцать Шолохов это сформулирует с еще более подкупающей ясностью: «Мы пишем по зову сердца, а сердца наши принадлежат партии».

В том-то и была суть идеократического строя, так и оставшегося непонятым, у всех на виду, всем известным, но до конца не осмысленным, что он соединял в своих идеях, смешивал две правды: ту, которая дана тебе изнутри, с той, которая утверждала себя вовне и навязывала силой, действием, научным знанием, партией, вождем, наконец, НКВД и лагерем. А есть ли скрытая, неистребимая правда внутри нас, та, которая дана изначально?

Здесь граница, за которой кончается твердая земля, и земной здравый смысл не пустит вас дальше. Но если, разбежавшись, решиться перепрыгнуть ее, доверившись лишь той тайне, что живет в человеке? Каждому из нас естественным, врожденным законом даны понятия, скорее даже интуиции, истины и справедливости, вплоть до надежды на неисчезновение нашего «я» и по ту сторону жизни. Эти интуиции могут заблудиться, могут быть перетолкованы и извращены, но с ними мы рождаемся в жизнь, они суть начало того подлинно человеческого, которое может стать Божиим, но может быть и затоптано. В этом начале заложен и оклик Света, и он обращается к нам языком удивления, совести, покаяния, извещения о себе... «Был Свет истинный, который просвещает всякого человека, приходящего в мир», — сказано в Евангелии от Иоанна. Свет был и есть, но доступ к нему обусловлен прежде

всего нашим выбором, то есть данной нам свободой. Она не имеет границ, но все, что посылает нам этот Божий свет, человек может украсть, приспособить для своих нужд, превратить в свои автономные ценности и даже на почве их создать собственную религию. Центром такой религии всегда будет он сам, «ставший как боги, знающие добро и зло» (Быт., 3,4).

Социализм таким, каким он сложился у нас, обернувшийся тотальным идеологическим господством, и был такой религией, созданной мифом «под себя», исповеданием фантомного «я» коллективного мифа, вложившегося в «я» вождя, олицетворявшего в себе эти 150 миллионов. Если же говорить о его глубинной, именно религиозной части, то он и был воровством Слова или Света, который просвещает всякого человека. Нравственная природа человека не терпит пустоты, и потому плоды Слова в его проявлениях добра заменяются фабрикатами поддельного добра, внешне даже похожими на евангельские, только совсем с другим, противостоящим знаком. «Антихристовым добром» назовет его Георгий Федотов, когда попечение о ближнем, любовь к дальнему выражают себя языком двоемыслия, подменой и человекоубийством.

Энергия, которой обладают идеи, определяющие историю, иногда словно взрывая ее динамитом, всегда казалась мне загадочной. Я хотел бы понять подлинный, скрытый источник этой веры в религию будущего, у которой не просто дела расходились со словами, что привычно для грешного человечества, но прямо принципиально, институционально были противоположны друг другу, ничуть этой веры не колебля. Все участники той встречи пронесли свою веру до конца жизни, для некоторых страшно окончившейся.

На встрече у Горького идейная часть хорошо подогревалась питейной.

Вот поэт Владимир Луговской предлагает очередной тост за здоровье товарища Сталина. Сталин сидит напротив писателя Никифорова.

«Никифоров... уже изрядно отдавший дань угощению своего визави, который нещадно наливал своим соседям полные стаканы водки, встал и буквально закричал: — Надоело! Миллион сто сорок семь тысяч раз пили за здоровье товарища Сталина! Небось ему это даже надоело слышать...

Сталин тоже поднимается. Через стол он протягивает руку Никифорову, пожимает концы его пальцев:

— Спасибо, Никифоров, правильно. Надоело это уже».

Товарищ Сталин любил подчеркивать свою ироническую усталость от похвал самому себе. Это была часть его роли, особенно разыгрываемой с теми, кому он хотел понравиться, при встречах с гостями из того мира, который был ему еще не подвластен. С Фейхтвангером, например. Уверен, что искренне подчеркивал, если только слова «искренность», «скромность» и «Сталин» могут оказаться в одном словесном ряду.

И по сей день водятся люди, даже немало их, которые свою, пусть и небольшую, способность к мышлению складывают у монумента, воздвигнутого его аскетизму и бескорыстию: подумать только, одну шнель да две пары сапог после себя оставил, так ничего и не накопил.

Прием у Горького был частью воспитательной работы вождя, уже ставшего на ноги ничем не ограниченной власти. Отец по памяти воспроизводит его речь, в которой делается упор на единство партийных и беспартийных работников. Дело у них общее, великое дело строительства новой социалистической культуры. Ибо единство партии и населения, генерального секретаря с производителями душ человеческих (так он сам определил профессию писателя) и есть та самая питательная среда, где вынашиваются, рождаются, наливаются бронзой отцы народов. Отцы могут показаться иногда и гуманными, они любят вести себя по-отечески, даже осаживают самых ретивых, тех, кто хочет быть Сталиным больше Сталина; когда он хочет понравиться, у него в запасе множество средств. Позади раскулачивание, погром деревни, голодомор, не один, а миллионы смертей, впереди уничтожение военной верхушки, смерч 1937–1938 годов, прошедший по всей стране.

И между ними — почему бы и нет? — с писателями банкет.

«Что было бы, если бы масса беспартийных рабочих не шла за партией? Значит, надо уметь создавать влияние, вести за собой. Оттолкнуть сочувствующего человека — я не говорю здесь о врагах, о них сегодня нет разговору, — оттолкнуть сочувствующего человека легко, а завоевать его доверие трудно. “Пуцать страх”, отбрасывать людей легко, а привлекать их на свою сторону трудно. За что мы ликвидировали РАПП? Именно за то, что РАПП оторвался от беспартийных, что перестал делать дело партии в литературе. Они только “страх пуцали”...»

1932 год. Атмосфера на удивление вольная. Сталин все время выступает в роли либерала. Он вообще любил играть эту роль. Поговорили, поспорили, в особенности с форпостом ортодоксии — РАППом и Авербахом. Выпили. По инициативе Фадеева попробовали спеть частушку. Незамысловатую: «Вышла Дуня за ворота, а за нею солдат рота». До того дошли, что на место «Дуни» пытались поставить имена вождей. Но нескладно получалось.

После того как запись была готова, отец послал ее Сталину. Как он вспоминал потом, в сокращенной и наиболее приемлемой форме. Вскоре получил вежливый отказ: Сталин благодарит за работу, но считает такую публикацию пока несвоевременной. Затем отец попытался опубликовать ее в эпоху разоблачения культа личности с таким вот эпилогом 1963 года:

«Подавляющего большинства участников описанного собрания уже нет в живых. Двадцать три человека умерли по разным причинам (убиты на войне, покончили самоубийством, как Фадеев и Макарьев). Остались в живых только двенадцать человек, все уже старики.

Одиннадцать человек, то есть каждый четвертый участник собрания, были арестованы и погибли в лагерях или были расстреляны: П. Постышев, М. Кольцов, Л. Авербах, В. Киршон, Г. Никифоров, И. Гронский, В. Зазубрин, И. Макарьев, Г. Цыпин, И. Разин, П. Крючков. Впоследствии все они были реабилитированы. Из них вернулись только двое — И. Гронский и И. Макарьев (вскоре покончивший с собой). Не берусь строить догадки, по каким причинам были репрессированы те или иные люди. Но все, кто так или иначе коснулся личности Сталина, — и Никифоров, и Зазубрин, и Авербах — все были изъяты... Сталин ничего не забыл».

Нет, все же, наверное, немного забыл. Человек, когда-то за ним со стороны наблюдавший и что-то без приказа записавший, по его логике, не должен был уцелеть. Он ведь что-то непротокольное мог еще и запомнить. Сколько старых большевиков, товарищей по совместной борьбе, через пытки пройдя, потом встанут к стенке? В их числе и поэт Владимир Нарбут, с которым отец работал в 1920 году в Харькове (тот «колченогий» в романе Катаева «Алмазный мой венец»), и тысячи, тысячи других. «Гребень гигантской волны» нес это взволнованное, запаленное революцией поколение в лагерь, степь и на смерть. Но и погибая, оно так и не научилось связывать одно с другим.

Через годы отец послал записку Хрущеву; тот же цековский ответ: пока несвоевременно. От Брежнева в конце 1960-х такой же. И всякий раз эта несвоевременность имела свой смысл, не совсем похожий на предыдущий. Для Сталина, скажем, подобный текст, первый, просталинский, в духе культа, оригинала которого я не видел, вероятно, не входил в канон официально о нем произносимого. Хрущевским временам он даже и с таким эпилогом мог показаться, пожалуй, апологетичным. Легче понять отказ брежневский: не буди лихо.

Вглядимся в список казненных или наказанных. Четверть от всех присутствующих. Даже больше, если добавить Горького. Ни один из них уж ни в коей мере врагом Сталина не был, никакой опасности для него не представлял. Те, кого Сталин «не забыл», составляли лишь совсем небольшую часть им погубленных писателей. Но эта гибель — следует вдуматься и понять — стояла в прямой связи с «правдивым отражением жизни в ее революционном развитии». Развитие в этом и заключалось: на словесном уровне было одно, а в жизни с ее лагерным фоном — другое, но обе эти реальности были сцеплены воедино в доведенной до своего логического конца идеократии. В этом и состояла ее непостижимая для нашего эвклидова ума логика: дружески, сердечно поддержать Никифорова, который во хмелю не захотел еще раз выпить за тов. Сталина, а когда время пришло, его же и расстрелять. На мой взгляд, это невозможно понять, исходя лишь из продуманной политики тов. Сталина или только из кровожадных свойств его характера. Имеющий уши, да слышит: «Он был человекоубийца искони. И когда говорит ложь,

Эрик Булатов. «Все не так страшно». 2015

говорит свое» (Ин., 8,44). Но это совсем не та ложь, которая знает правду и подставляет на ее место фальшивку. Это была изначальная ложь всей системы, которая творит из нее собственную «правду» и живет по ней.

Верил в нее отец? Обратился ли в эту веру Горький и все его гости? Какой смысл пользоваться словом «вера», когда все жили в этом смешении правды и лжи? И если я беру на себя смелость заглядывать в их души, то все же избегая суда над людьми.

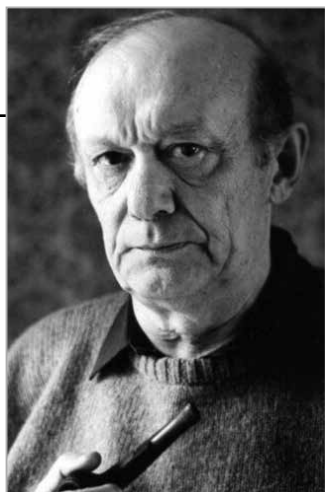
И вовсе не в Сталине было дело, но в идеологической легитимности Сталина. В растворении его, как и всякого всенародного вождя, во всевластном, всех и вся облекающем мифе. В одержимости им, подкрепленной непреходящим страхом. В том самом правдивом изображении жизни, им предписанном, когда изображение заменяло собой жизнь. В той ворожбе и магии, которая объединяла Сталина с сидевшими с ним за столом писателями, сливала воедино партию со всеми прописанными в ее стране и делала одного человека орудием и знаком этого единства. И потому невозможно даже мысленно отделить Верховного Искусителя от той безликой мощи всеобщего анонимного искушения, которое двигало его умом, волей, хитростью, злобой, руками. Эта сила облеклась в некий идейный шквал; он возник, вырос, высох, словно состарился и умер, потом уступил место другому. Для меня тот Миф был и остается как бы живым существом, овладевшим массами, поднявшим их на гребень гигантской волны. Сталин лишь оказался на вершине ее. Далеко не все верили ни лично ему, ни тому фантому, который клубился за ним, но все жили по фантомным законам. Точнее, заставляли себя жить. Время, когда состоялась та встреча, и еще два десятилетия потом были периодом наивысшей его активности.

14 апреля в Государственном литературном музее в Москве состоялся вечер, посвященный 100-летию писателя Леонида Лиходеева. Знаменитый фельетонист, яркий сатирик, он также был мастером прозы. Наиболее значительное его произведение — трехтомная эпопея «Семейный календарь, или Жизнь от конца до начала». История четырех поколений одной семьи охватывает период с конца XIX века по 70-е годы XX века. Скрупулезно точно, с документальной достоверностью автор описывает события той переломной, роковой для России эпохи.

«Жестокость отворяет кровь. Поначалу — малую, потом — большую, потом — великую. А великую кровь не унять, покуда не вытечет.

...Жестокость не знает идей. Признанная и установленная однажды, она не может не стать адской машиной...»

«Нелепые идеи уносят миллионы жизней. В пасть несуществующих химер кидают миллионы судеб. Никакая холера, никакая чума никогда не уносила столько жизней, сколько очередная идиотская кровавая блажь фанатиков, проповедующих свою “любовь к народу”, свое “обострение классовой борьбы”».

О Леониде Лиходееве

«Преимущество читателя перед сочинителем очевидно: литератор старается изо всех сил рассмешить публику, а публика безо всяких усилий смешит литератора. Но — странное дело — в памяти людской застревают не тот сочинитель, который смешил людей, а тот, кого смешили люди...»

Л. Лиходеев

Леонид Лиходеев был сатириком и уверял, что «сатирики — все люди, только одни об этом знают, а другие — нет». Считал, что «сатира — это обостренная картина действительности, а сатирик ищет в жизни положительные примеры, но ищет так пристально, что постоянно напарывается на отрицательные».

Однажды заметил: «Юмор работает у ковра, а сатира — на проволоке».

Чувство юмора называл высшим проявлением нравственного здоровья, а еще — глубоко гражданским чувством.

«Общество, лишённое чувства юмора, не способно к демократии».

«Улыбка — извечный спутник свободы. Рабство насуплено и мрачно, а свобода улыбчива и ясна».

Леонид Лиходеев (Лёня Лидес) родился сто лет назад, в апреле 1921 года, на Донбассе, в г. Юзовка, ныне Донецк. Литературную деятельность начинал со стихов. В четырнадцать лет публиковал их в донецкой

городской газете. Причем не без творческой конкуренции — его одноклассником был поэт Юрий Левитанский.

Поэзия, по мнению Лиходеева, «это нужнейшие слова в нужнейшем порядке».

Окончив восемь классов, Лёня переехал в Харьков — родители пытались защитить сына от туберкулеза, которым болел отец. Семья брата матери приютила племянника. В Харькове Лёня окончил рабфак. Затем два года проучился в Одесском университете.

Наступила война. Летом 1941 года Леонид Лидес ушел добровольцем на фронт, имея «белый билет» в связи с начальной стадией туберкулеза, унесшего жизнь его отца. Поразительно, как отреагировала на это решение мать: «Все идут, и ты иди...» — сказала она горячо любимому единственному сыну. Впоследствии Лиходеев напишет об этом. А еще — о том, как его вели на расстрел свои.

Из книги «Поле брани, на котором не было раненых» (в сокращении):

«Осенью 1942 года я попал под действие приказа 227 наркома обороны СССР, выпущенного, чтобы прекратить отступление наших войск. Там говорилось, что Красная Армия превратилась в стадо баранов, что народ ненавидит свою армию. Специальным заградительным отрядам вменялось в обязанность расстреливать на месте паникеров, трусов и предателей. Так повелел великий вождь.

Мы знали, где немцы, — сзади, догоняют, мы чувствовали их спиной, мы — разбитое, униженное, разбросанное, загнанное в горы войско, в котором перепутались и поределели подразделения. Пищи не было, и снарядов не было, и часть наша была отрезана от тылов, гнездящихся за горами.

Наш командир вызвал офицера связи и почему-то меня и приказал нам пробраться в точку, в которую ткнул на карте, где, по его предположению, мог быть штаб армии. Он дал нам пакет и четыре гранаты. Мы шли по азимуту тридцать часов сквозь горы. На рассвете второго дня нас ждала радость: на дороге были наши — человек восемь. И мы вынули детонаторы из гранат.

Я не помню лица того полковника. Помню только четыре шпалы под пьяным лицом:

— Кто такие?

Мой товарищ, как старший по званию, доложил, какой мы части и куда идем.

— Ага, предатели! Расстрелять!

И в рассветном горном утре раздался поспешный испуганный голос:

— Разрешите исполнять, товарищ полковник?

— Валяй!

Это был безусый школяр в безразмерной шинели, у него были очень толстые роговые очки. Он неумело толкнул меня в бок прикладом автомата на тропу, сбегаящую в горный туман.

Меня никогда не водили под конвоем, меня никогда не водили на расстрел, и я до сих пор не могу понять, почему я привычно завел руки за спину, как опытный арестант.

На тропинке, влекущей в утренний туман, близорукий этот тощий парень сказал тихо, школьно, детски, будто подсказывая решение теоремы на уроке математики:

— Ребята, сейчас я буду стрелять... Не бойтесь, в воздух... А вы бегите, через каньон. Кажется, там наши...

Слово "каньон" было книжным, я почему-то отметил это про себя.

Он застрочил из автомата, и мы рванули в белый туман, не зная ни его дна, ни его длины, ни его ширины».

В 1942 году за участие в боях по сдерживанию немецкого наступления красноармеец Лидес был награжден медалью «За отвагу».

В газете 383-й шахтерской стрелковой дивизии, где служил красноармеец Лидес, часто публиковались стихи и заметки этого автора. Военным корреспондентом Леонидом Лиходеевым он стал в 1943-м в редакции газеты Отдельной Приморской армии. Там он познакомился с известным писателем Виктором Ардовым. В каждом выпуске газеты у Лидеса выходило по несколько материалов сразу, и ему понадобился псевдоним. Виктор Ардов предложил псевдоним «Лиходеев».

В 1944 году Леонид, теперь уже Лидес-Лиходеев, был демобилизован из-за обострения туберкулеза.

После войны работал в газете «Советская Кубань» в г. Краснодаре. В 1948 году переехал в Москву, поступил в Литературный институт им. М. Горького. Печатался в журналах «Крокодил», «Смена», «Новый мир», «Октябрь», в «Литературной газете», в газетах «Комсомольская правда», «Труд», «Гудок».

В тяжелые времена «борьбы с космополитизмом» литературные псевдонимы уже не помогали. В опальных списках стояли подлинные фамилии «разоблаченных космополитов». В разгромной статье в газете «Правда» был упомянут и Лиходеев. И не случайно — вот что он писал по поводу печально знаменитого постановления ЦК КПСС о Зощенко и об Ахматовой:

«В те времена меня посетила опасная мысль... Мне показалось, что сочинители того дикого постановления не были ни критиками, ни знаатоками литературы. Не было у них ни знания, ни чувств. А была у них шкура, которой они ощущали опасность для своей противоестественной безнаказанности. В обществе, которым они распоряжались, нельзя было шутить. Можно было гыкать, бодриться, клеймить позором врагов народа и международный империализм. Но взглянуть на самих себя со стороны — нельзя было. Такова была природа этого общества. Надо держать народ в состоянии постоянной мобилизационной готовности, учил вождь этого общества. Нельзя шутить в состоянии постоянной мобилизационной готовности. Нельзя обнаруживать суть.

Эммануил Евзерихин. Чтение газет на Тверском бульваре, 1938–1940, Москва

А Зощенко обнаруживал суть. Он показывал бесчисленные ипостаси победившей орды. И опасность Зощенко состояла в том, что он был привлекателен для легкомыслия этой орды.

Надо было насторожить орду, указать, что над нею делается “надсмешка”. А “надсмешку” орда не прощает. За “надсмешку” убивали, сажали в лагерь, лишали пропитания.

...Зощенко был жанром, который пытались убить, но он жил потому, что убить жанр нельзя».

После этого несколько лет не было возможности печататься. Писал анонимно, отвечал на письма читателей. Помогали выживать друзья.

Первой опубликованной книгой Леонида Лиходеева стал поэтический сборник «Покорение пустыни». Он вышел в 1953 году. Затем были изданы еще несколько сборников стихов.

В конце пятидесятых появляются в печати очерки Лиходеева, репортажи и сатирические зарисовки. Начинает проявляться его собственный, своеобразный литературный стиль, ироничная манера письма, где лирика сливается со свободными размышлениями.

Лиходеев много ездит по стране, большую часть времени проводит в командировках. Маршруты самые разнообразные: Памир, Поволжье, Кавказ, Сахалин, Прибалтика, Сибирь, Командоры, остров Врангеля. Названия книг соответствующие — «Поездка в Тофаларию», «Волга впадает в Каспийское море», «История одной поездки» и др.

Умный знает, мудрый понимает. Лиходеев понимал. Он пронизательно наблюдал за советской действительностью, анализировал несостоятельность и нелепость командно-административного управления. Его потрясло, что Днепрогэс возводили без сметы. Абсурда он не выносил.

В 1966 году Лиходеев начал писать экономическую книгу «Гвоздь в сапоге» — восстание против бреда «плановой экономики», серьезный труд. Название — из Маяковского: «Гвоздь у меня в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гёте». Основной посыл этого труда — нам нужен рынок! Невероятно по тем временам. Об этой книге говорили шепотом. Издать ее не удалось. Режим был лишен чувства юмора. Он воспринимал себя ритуально и почтительно. А Лиходеев, по словам друга писателя, литературоведа В. Кардина, «не воевал с системой, он внимательно ее препариовал, стараясь сохранять улыбку».

Цитата из Лиходеева: «Когда начинается понимание — кончается величие».

Спустя десятилетия, в 1990 году, на конференции сатириков в газете «Правда» Лиходеев сказал:

«Лет 30 назад я писал о том, о чем пишут сегодня. Меня печатали по нескольким причинам. Первая: что с него, сатирика, взять? Вторая: никто не понимал. Что в тех условиях был фельетон? Это было обвинительное заключение, остальное “песни и пляски”, литературное оформление. Это был неправильно понятый прагматизм, будто фельетон что-то и кого-то должен исправлять.»

После гоголевского “Ревизора” в России должны были бы вымереть все взяточники, но Гоголю в 1836 году и не снилось, какой размах примет взяточничество в следующих поколениях. Вот почему, по-моему, задача фельетониста — сокрушаться о нравах, дать возможность человеку сделать выбор.

Бывают произведения лживые. Но жанр сатиры опирается на правду, потому что если не правда, то не смешно...»

По свидетельствам современников, в конце 50-х, если у стенда со свежим номером «Литературки» стояла толпа и люди громко смеялись, значит, вышел новый фельетон Лиходеева. Главный редактор «Литературной газеты» взял фельетониста в штат с невероятным по тем временам условием: «Лиходеева или в номер, или в корзину. Без правок!» И миллионы людей стали считать духовным праздником выход каждого нового номера «Литературки».

«Король фельетона» — так называли Лиходеева. Ему удалось переосмыслить этот жанр, уйти от советских традиций, когда фельетонистам положено было обличать конкретных сантехников, управдомов, бюрократов местного разлива.

Цитаты из Лиходеева:

«Самый адресный фельетон тот, что без адреса.»

«Сатирик всегда таков, каково общество, в котором он живет. Когда все занимаются не своим делом, то и сатирик занимается не своим делом, подменяя собой суд, прокуратуру, следствие и участковых надзирателей.»

«Фельетон и обвинительное заключение — это разные виды литературы».

«Мои герои меня просто не замечают...»

«Чем меньше в обществе прав, тем больше в нем метафор».

«Сатира не цель, а средство. Дал бог сатирическое видение мира — спасибо. Не дал — крутись по-другому... Основание сатиры — трагедия... Для того чтобы было смешно, надо не выдрючиваться, а формулировать».

Лиходеев не обличает отдельные недостатки, как было принято у советских юмористов. Подобно художнику эпохи Возрождения, его прежде всего, волнует человек. В центре внимания автора — жизнь человека, его нравственные и этические нормы, сострадание к человеку, боль за него. Автор не бичует, а «сокрушается», если его герои не обладают высокими моральными качествами. А главное, если упорно не желают понимать происходящее.

Цитаты из Лиходеева:

«Мужество — это умение увидеть реальность такой, какая она есть».

«Люди больше всего боятся думать. Как ни странно, они отвергают главное свое преимущество над живой природой».

«Простодушие, подстрекаемое умыслом, опасно».

«Всеядная доверчивость, легкое верие есть результат лени и безразличия к своей судьбе».

«Некоторые думают, что идеология — это то, что человек говорит. Это не идеология. Это — треп. Идеология — это то, как человек живет».

«Пошлость — общедоступный заменитель способности размышлять».

«Чин — средство разобщения людей».

«Шовинизм — внутривидовая солидарность скотов».

«В развращенной стране законы не могут действовать. Они служат либо способом обогащения, либо орудием устрашения, либо предметом насмешки».

«Там, где заблуждение наказуемо, истина невозможна».

В фельетоне Лиходеев обрел средство максимального самовыражения. Но и фельетон благодаря ему обрел достойную жизнь. До конца своих дней автор остался верен этому жанру. В эпоху перестройки и в начале девяностых вел в газете «Московские новости» колонку «Капля камень точит». Последний фельетон, «От Аввакума до... Ленина, или Еще раз о современном язычестве», вышел в день похорон писателя в 9-м номере «Литературной газеты» в 1994 году.

Однако успех в этом жанре не затмевал успеха во многих других. Лиходееву не подходит фраза «пробовал себя в различных жанрах». Он никогда не выступал неопитом и всегда добивался успеха. Творческий, как сейчас говорят, креативный человек, он был талантлив «универсально».

Прекрасно рисовал и создал целую галерею шаржей на своих знаменитых современников. Был не только мастером слова, но и мастером в самом обыденном смысле. Про таких говорят: золотые руки. Сам ремонтировал автомобиль, сам мастерил себе мебель: топчан, стеллажи для книг, комод для белья. Сам сделал несколько замечательных настольных ламп, торшер и люстры.

Он был технически одарен и явно мог бы стать инженером. Его интересовали технические новинки, восхищала инженерная мысль. Глядя на самолет, восклицал: «Вот, по всему, не должен летать, а ведь летает!»

Однажды заметил: «Эпоха отличается от эпохи не тем, что в ней делают, а тем, как делают и чем. Вечен человеческий дух и вечно человеческое умение. Меняется только инструмент...»

Он был одарен и в кулинарном искусстве. Его щи из квашеной капусты с грибами были вкусны и узнаваемы — картофелину он разрезал пополам.

По словам В. Кардина, «Леня делал много такого, что писателю делать совсем не обязательно». Причем делал все обстоятельно, спокойно и неторопливо. На столе у каждой вещи — свое место, подобно каждому слову в фразе. Когда работал, часто зажигал свечу: он много курил, а свеча якобы устраняла дым. Пишущей машинке предпочитал авторучку, заправленную непременно черными чернилами. Иногда включал негромкую музыку. Слушал классику, Бетховена, а вторым его предпочтением были оперетты Штрауса, нарядные и оптимистичные.

Как-то заметил: «Литература — одно из важнейших проявлений человеческого оптимизма».

Поразительно, но Лиходеев никогда не повышал голоса. Не то что кричал, а даже не повышал голоса. У него на этот счет было свое объяснение: «Люди кричат, когда не умеют убедить. Кричат, когда не умеют спросить. Кричат, когда не умеют сказать. Крик — это наивное преувеличение своих сил. Это желание напугать своей значительностью, которой просто нет. Человек закричал, когда усомнился в себе».

Наряду с многочисленными сборниками фельетонов — некоторые из них проиллюстрировал сам автор — в 1969 году в свет вышла веселая книга для детей «Звезда с неба». Известные исторические сюжеты автор связал с повседневной действительностью, основная мысль все та же — нравственная суть явлений, которую человек постигает, вступая в жизнь. Никакого морализаторства и педагогического занудства. Рисунки автора. На обложке — великолепная змея держит в зубах шпагу. Девиз: «Поднимите шпагу, с безоружным не дерусь!»

Цитаты из Лиходеева:

«Труднее всего воспитать одного человека — самого себя».

«Ни образование, ни происхождение не дает социального примирения, а дают его только границы нравственных понятий: что можно и чего нельзя ни при каких обстоятельствах, даже во вред себе».

«Воспитание человеческих чувств играет большую роль в подготовке самостоятельности, чем даже груз формальных знаний».

«Сколько бы ни было благородства, его никогда не будет достаточно».

В 1972 году вышел самый известный роман Лиходеева «Я и мой автомобиль». Ироничная, свободная манера письма, несколько сюжетных линий, обширная галерея персонажей и «привкус» детектива позволили роману завоевать читательскую аудиторию всей страны. Режиссер Виктор Славкин вспоминал, что, ремонтируя свой автомобиль в автомастерской, упомянул Лиходеева и название романа. И механик сказал: «Да, я читал!» Славкин тут же бросился к телефону, позвонил Лиходееву и поздравил с тем, что тот теперь народный писатель.

Более того, международный, поскольку эта книга, ставшая бестселлером, была переведена и издана в Польше, Румынии и Голландии.

Автомобиль для Лиходеева в целом — категория знаковая. Это отображение свободолобивой натуры писателя. Не поезд и самолет, а возможность автономно путешествовать и самому выбирать маршрут. Великая ценность, особенно в советской стране. Причем не в смысле материальном или в качестве определения социального статуса, а как важный залог свободы передвижения.

Водить машину Лиходеев научился на войне в 1942-м. Нужно было перевезти раненых, а на дороге оказалась брошенная кем-то полуторка. Он впервые сел за руль, по наитию включил вторую передачу и поехал с малой скоростью. Он любил говорить: «Не нужно ездить быстрее, чем ездил Пушкин». Довез раненых до госпиталя.

С тех пор писатель — заядлый автомобилист. Часто отправлялся в командировки на своем автомобиле. Исколесил чуть ли не весь Советский Союз. Был в Европе — объездил Польшу и Германию.

В завершение темы — слова известного нью-йоркского адвоката: «При отъезде “навсегда” в 1979 году один беженец взял с собой в ручную кладь только две книжки, с которыми не расстанется до сих пор: “Нравственные письма Луцилию” Сенеки Младшего и “Я и мой автомобиль” Леонида Лиходеева, и такое сочетание мудростей, вполне уместное тогда, совсем не странно и сегодня».

Лиходеев сторонился пафоса, однако его жизнь можно без преувеличения назвать служением литературе. Есть писатели, которые пишут, чтобы было напечатано. А Лиходеев писал, чтобы было написано, причем даже не надеясь на публикацию.

В конце 60-х близкие друзья узнали, что «король фельетона» наряду с малыми формами занялся формами грандиозными. Речь идет о двух его произведениях с трудной судьбой.

Первое из них, начатое в 1966-м и оконченное в 1969-м, называется «Средневозвышенная летопись». Это остросатирический роман в двух частях. Сам автор называл Средневозвышенск своим «городом Глуповым». Нравы и обычаи советского общества середины XX века

отражены в нем в гротескной, даже фантазмагорической форме. Подъем по карьерной лестнице ушлого молодого человека, своего рода становление подлеца, описан на фоне событий и явлений, чрезвычайно актуальных и отлично узнаваемых в наши дни. Это своеобразная энциклопедия жизни советского чиновничества, где стилизованный «летописный» слог чередуется с современным:

«Город Средневозвышенск стоит на берегу озера Среднего в окружении некогда буйных, ныне же весьма поредевших лесов... Н некогда сытенел Средневозвышенск торговлей, ремеслом и хлебопашеством, однако... стало не до сытости, лишь было бы на прокорм, да и тот скудел... Паче же войн и вражеских набегов страдал народ средневозвышенский от обилия государственных людей. От того несказанного обилия пахарь не ведал, чем вознаградится от поля своего, торговый человек — от торговли, умелец же — от ремесла. Ибо жил в этом городе не тот, кто сеял... Чем же стоит и держится сей град? Какова же основа его? Чем же противустоит он иным прелестным странам, тучнеющим праведными трудами?... Всяка земля стоит на трех китах, на трех же китах и средневозвышенская. Не торговля, ремесло, хлебопашество суть основа града сего, но православие, самодержавие и народность...»

И еще цитата:

«...статейка о Средневозвышенске поразила внимание Степана Степановича, ибо выходило по ней, что через два года городу имело исполниться ровно пятьсот пятьдесят лет. Сообразив, что совершил открытие немаловажное, еще неведомое никому... Степан Степанович оживился, однако не подал вида, что совершил важное открытие, поскольку был приучен к соблюдению государственной тайны. Он знал, что всякий торжественный юбилей, будучи как бы символом веры... может пролить яркий свет, подобно фонарю во тьме, и осветить прекрасные стороны бытия, не заметные в буднее время. Знал он также, что объявлять о наступающем юбилее следует организовано. Этой причины ради готовиться к объявлению следует продуманно, подспудно, не будоража зазря население и не отрывая его от ранее поставленных задач, дабы вовремя переключить народ на дальнейшую пользу».

И это написано в конце 60-х! Естественно, автор не надеялся на скорую публикацию, читал отрывки только близким друзьям. Первая часть «Летописи» была опубликована лишь в 1992 году в журнале «Русское богатство» — проекте Анатолия Злобина. Вторая часть романа не опубликована до сих пор.

В 1969 году Лиходеев начал писать без преувеличения «книгу своей жизни», над которой работал более двадцати лет. Это роман-трилогия «Семейный календарь, или Жизнь от конца до начала», эпопея, охватывающая период с конца XIX века по 70-е годы XX века. Роман о судьбе страны, отразившейся на судьбе четырех поколений одной семьи. Сам автор называл свое произведение последним романом XIX века.

Лиходеев не надеялся при жизни увидеть роман опубликованным, работал «в стол». По словам В. Кардина, «сохранял невозмутимость, мягкую улыбку. Но горечь из-за того, что главное из созданного годами пылится в ящике, не облегчала жизнь. Он просто не умел жаловаться. Находил удовлетворение в самом процессе написания, в обретении интонации, реплики, точного слова. Удачно выдуманной детали предпочитал подлинную». Писатель изучил тонны документов, огромный массив материалов лег в основу романа, который в домашнем кругу именовался «Старуха». Так Лиходеев называл свою главную героиню, в ранней юности ушедшую в революцию Юлию Семеновну Иванову, урожденную Берг, дочь крупного промышленника и аристократки.

В годы написания «Старухи» жизнь писателя поделилась как бы на тайную и явную. В тайной жизни он непрестанно работал с историческими материалами, создавал роман и читал главу за главой самым близким людям.

Волею судеб вдова Михаила Булгакова, Елена Сергеевна, входила в этот круг. Прочитав рукопись «Старухи», она сказала: «Лёня переступил порог страха. Он — свободный человек».

Когда в начале 90-х два тома «Семейного календаря...» наконец увидели свет, один профессиональный историк признался, что открыл для себя немало нового и неожиданного в лиходеевском повествовании об известных вроде бы событиях и людях XX века, настолько скрупулезно изучал писатель исторические документы, настолько широк был круг его общения с людьми — свидетелями эпохи.

В то же время в жизни явной писатель продолжал публиковать фельетоны, рассказы, повести. Выпустил ряд книг и даже работал в кинематографе — написал несколько сценариев, по которым были сняты фильмы. В одном из интервью Лиходеев объяснил, что эта творческая деятельность «напоказ» была нужна ему, чтобы отводить недружественные взгляды от дела его жизни, подобно тому как птица отводит врагов от гнезда.

Среди книг, вышедших в тот период, можно отметить роман о Петре Заичневском «Сначала было слово» из серии «Пламенные революционеры». Но настоящей вехой в творчестве писателя стала книга «Поле брани, на котором не было раненых» о Николае Бухарине. Сам автор называл ее политической биографией Бухарина. Небольшая по объему книга ярко и динамично отражает трагедию российского интеллигента, активно создававшего социальную систему и уничтоженного ею.

Анализируя предсмертное письмо Бухарина товарищам по партии, Лиходеев пишет:

«Это трагическое письмо. Это письмо человека, который страдает не оттого что нет закона, нет права, а оттого что люди, заменившие собою закон и право, оказались дурными, преступными и вероломными. И он обращается в будущее, опять же, не к закону, а

к людям — хорошим, справедливым и честным. Это письмо человека, который принял в качестве естественного состояния бытия не право, а классовое сознание, не закон, а злую или добрую волю правителя как нормативное состояние нации».

У Лиходеева было любимое выражение — «загромождает пути воображения», которое в полной мере можно отнести к «Старухе», главной героине трилогии «Семейный календарь...». Этот образ загромождал пути его воображения настолько, что казалось, будто герои романа — члены его семьи, родственники. Создавалось впечатление, что он увлечен их судьбой больше, чем жизнью своих близких.

Однако в конце жизни писатель отдал дань и собственным предкам. Последней большой работой Лиходеева стала повесть «Жили-были дед да баба», пронзительные лирические воспоминания о детстве мудрого, много испытавшего человека. История рода, генеалогическое древо, состоявшее в тяжелые времена войн и революций рубежа XIX – начала XX века. Портреты дедов, родителей, родных и друзей на фоне исторических событий на Юге России, словно притча, словно дань предкам и завещание потомкам.

Лиходеев уходил из жизни тяжело, но никогда не жаловался, не хотел огорчать близких. Лишь записал однажды: «Я не могу считать свой поступок предосудительным, ибо трудно найти на земле человека, который не умер бы в результате того, что жил...»

К. К.

TABLE OF CONTENTS

No 2 (82) 2021

EDITORIAL

Civic education for society of citizens
Yuri Senokosov 5

ONLINE CONVERSATION

Development trajectories: from dictatorship
to freedom and back
Presenters: *Svetlana Shmelyova and Aleksandr
Shmelyov*
Participants: *Krzysztof Stanowski (Poland),
Elmira Nogoibaeva, Klara Sooronkulova
(Kyrgyzstan), Lena Nemirovskaya* 12

THEME OF THE ISSUE

Has the revolution in Belarus died
on the vine?
Ryhor Astapenya 28
“If evil defeats evil, such happy end is out
of my way”
Victor Martinovich 34

CHALLENGES AND THREATS

Time for global democracy promotion to be
ramped up
Andreas Bummel 39
“The national state is too small for the big
problems of life and too big for the small
problems”
Jonathan Blake and Niels Gilman 44

VIEWPOINT

Vaclav Havel at the Millennium Summit
Ivan Belyaev 50

DISCUSSION

How Russia will change in 2021
Dmitry Travin
Tatyana Vorozheikina
Nikolay Petrov 54

What will change in the world in the next
decade
Bobo Lo 60

HISTORICAL EXPERIENCE

Unthinkable alliance. Experience of
cooperation among the USSR and Western
powers in World War II
Andrey Kolesnikov 65

CIVIC EDUCATION

Congeniality of educational thought.
Mendelssohn and Kant: images of European
Universalism
Aleksandr Sogomonov 74
Enlightenment community
Anatoly Akhutin 95

IN MEMORIAM

Shirley Williams (1930–2021) 103

MASS MEDIA

Agora
Ivan Belyaev 104

NOTA BENE

Feast with Stalin
Vladimir Zelinsky 108
About Leonid Likhodeev
K. K. 116

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Главная тема:

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
В РОССИИ

Наши авторы:

Анатолий Ахутин

Виктор Бахметьев

Сергей Большаков

Ирина Бороган

Андреас Буммель

Томаш Зарицкий

Лийк Кадри

Андрей Колесников

Елена Лукьянова

Михаил Минаков

Александр Морозов

Владимир Рыжков

Александр Согомонов